

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Учредители:

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПО СРЕДСТВАМ МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР»

Главный редактор – ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Анатолий Бицуев
Адам Гутов
Хачим Кауфов
Виктор Котляров
Магомет Кучинаев (отв. секр.)
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Мотгаева
Анжела Мусукаева
Зейтун Толгуров
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Руслан Фиров
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев
Тембулат Эркенов

1. 2013 ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ

ОО «СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ»

2013 год

Юбилей

1. Додуев А. Т.	60	24 января	8. Кунижева Х. М.	10 мая
2. Алафаев А. А.	65	8 февраля	9. Хахов С. Г.	75 20 мая
3. Моттаева С. М.		12 февраля	10. Гуртуев С. С.	75 28 мая
4. Кандур И. М.	75	6 марта	11. Бештоков Х. К.	70 6 июня
5. Мамаев А. А.	50	24 марта	12. Балкизов Б. А.	65 15 июля
6. Маржохов М. Х.	70	4 мая	13. Кажаров Х. Х.	75 15 сентября
7. Тхазеплов Х. М.	70	5 мая	14. Гедгафов Б. М.	75 7 ноября

Памятные даты (дни рождения)

1. Кардангушев З. П.	95	1 января	7. Бозиев Л. А.	80	27 августа
2. Губжев М. М.	100	13 мая	8. Семенов Р. Б.	65	24 сентября
3. Занкишиев Х. Х.	75	29 мая	9. Шамурзов А. П.	80	25 сентября
4. Налоев З. М.	85	15 июля	10. Хашхожева Р. Х.	80	27 сентября
5. Афаунов Л. А.	75	20 июля	11. Киреев М. М.	110	20 октября
6. Шебзухов М. Х.	80	20 августа	12. Черемисин Б. П.	90	7 февраля

Просветители, зачинатели литературы Кабардино-Балкарии

1. Борукаев Тута Магомедович – 125
2. Дымов Адам Гафарович – 135
3. Инатов Крым-Гирей – 170
4. Кимова Пашхан Эльмурзовна – 125
5. Кодзоков Лукман Магомедович – 195
6. Сижажев Кильчуко Асланбекович – 150
7. Султан Казы-Гирей – 205
8. Тамбиев Паго Измаилович – 140
9. Урусбиев Науруз Исмаилович – 150
10. Урусбиев Сафарали Исмаилович – 145
11. Хан-Гирей – 205
12. Цагов Нурий Айтекович – 130

Дни памяти

Шогенцуков Али Асхадович	(28.10.1900-29.11.1941)
Кешоков Алим Пшемахович	(22.07.1914-29.11.2001)
Кулиев Кайсын Шуваевич	(01.11.1917-04.06.1985)

Примечание: Если не указана дата, Союз писателей сведениями не располагает.

Танзиля ЗУМАКУЛОВА

***

С начала жизни я к тебе иду
Тропою трудною, тропой земною,
Порою коченею на ходу,
Порою не могу дышать от зноя.

Ты – как гора... Она как будто рядом,
Как будто – только руку протянуть...
Но введена я в заблужденье взглядом:
По-прежнему далек и труден путь.

Ты, словно море, – близок и далек,
А я стремлюсь к тебе, как ручеек,
Который движется мало-помалу,
Одолевая камни и обвалы,
По узеньким расселинам в горах...

И вот теперь, когда и вправду малость
Мне до тебя еще дойти осталось,
Вдруг одолел меня какой-то страх,
И медлю я, с самой собою споря...

Так, может быть, река в преддверье моря
Смиряет бег, страшась пучины грозной...
Но поздно медлить!.. Колебаться – поздно!

Пусть все свершится, на мою беду!
Пусть, как река, в просторах океана
Бесследно растворюсь, исчезну, кану,
Но я иду к тебе!.. Иду! Иду!..

От переводчика

Мне не посчастливилось знать Заура Канкулова лично. Слишком рано и трагично он ушел из жизни. Но весь трагизм его ухода я ощутила лишь после прочтения его прозы: ведь эта мощная река таланта была лишь в самом истоке! Повесть и несколько рассказов – все, что оставил нам Заур. Наверняка есть в этом свой глубинный смысл: в малом количестве строк – столько мысли и чувства, что иному автору не постичь за всю свою долгую жизнь...

Заур КАНКУЛОВ

ЗАТЕРЯВШИЙСЯ В ГОРОДЕ

Главы из повести

- Куда ты?
- Не знаю.
- Как живешь?
- Как-нибудь... Бог его знает.
- Устала?
- И это ведомо только Ему. Меня не спрашивай.

Некоторое время идут молча. Потом вдруг:

- Куда я?
- Сказала, что не знаешь.
- Живу потихоньку... Так?
- Наверное.
- Может, я устала?
- Похоже. Хочешь, в тени дерева посидим. Мы ведь с тобой дружили когда-то, помнишь?

– Помню. А разве тогда было лучше?

– Вот дерево. Присядем?

Присели.

– А о чем говорят бывшие друзья при встрече?

– Откуда нам знать. Поговорим, о чем придется. Идет?

Она не ответила. Только забеспокоилась вдруг, заерзала, почесала голову. Грязный платок сбился набок, от неистовых почесываний заколыхалась копна свалывшихся, с проседью волос. Потом умиротворенно опустила руку, вытерла о подол слипшиеся пожелтевшие пальцы.

– Куришь?

– Ага. Женщины наршу и этому научились. А ты... кажется, лысеть начал?

Помолчали. И снова:

– Одно время я перестала спать ночами.

– Знаю. Я все знаю. Но мне нечем помочь тебе.

– Что?.. Решил, я из-за тебя не спала? Ха-ха-ха!.. – дикий смех пере-

шел в надрывный кашель, похожий на треск рвущейся ткани... – Думаешь, из-за тебя не спала? Да у меня зуб болел!

– У тебя седина пробилась... Но ты все еще красива и молода.

– Ладно врешь. А ты кликни тех ребят, что у реки резвятся, они тебе глаза-то раскроют. Они скажут тебе: «Перед тобой – седая, морщинистая старуха, губы ее прогоркли от табака, огонь в ее глазах раздроблен на мелкие искорки и притушен тоской и страхом.

– Неправда. Никто так не посмеет сказать. Я не позволю. Мне ты видишься иной. А скажут о тебе примерно так: «Гляди, какая с тобой красивая девушка. Ты даже сам не представляешь, до чего она красива. Такая женщина может любого одарить счастьем. И сама она, даря счастье, расцветет еще больше. Взгляни на ее губы...

– До чего ловко врешь!

Она скривила губы в жалком подобии смеха, но, не найдя в себе сил для веселья, оставила затею.

– Ловко врешь, – повторила она. – Соври еще что-нибудь. Хотя довольно. Говори, чего хотел, и вали отсюда. Ты ведь поспорил с приятелями, верно? Признайся, а я, может, смогу помочь тебе.

– Ничего я...

– Отчего же глаза отводишь?

– Да замолчи ты!.. Послушай, уезжай ты из этого города, Богом прошу! Сгинь! Деньги? Сколько, говори! Только исчезни! – Он говорил отрывистым полупшепотом, выстреливая каждым словом. – У меня семья, дети, друзей полон город. И все пальцем тычут: «Вон твоя сумасшедшая подружка!» Скоро сам с ума сойду.

– Вот оно что... Я бы того же хотела на твоём месте... – Затянулась папиросой что есть силы, прикрыла глаза. – И дня бы тебе на раздумье не дала, – слова ее высвобождались вперемешку с дымом.

Умолкла. Потом еще:

– Будь я на твоём месте – я бы и жить тебе не дала. Долго ли пьяного шопера уговорить...

– Все, прекрати. Ничего ты не поняла. А я-то не поверил сперва, что ты умом тронулась... Ну, давай, ругай меня, проклинай, в лицо плюнь!.. Да, каюсь, не смог я когда-то постоять за свою девушку. Что ж теперь делать? Столько воды утекло! Не могу же я рыдать всю оставшуюся жизнь!.. В общем, так: либо ты уезжаешь отсюда навсегда, либо живешь, как все. На работу устроишься, расческу купишь, чулки одинаковые. Перестань шляться по улицам, как полоумная!

Она подняла тяжелые веки. Вдруг обвилась вокруг его шеи обеими руками и притянула к себе:

– Хочешь правду, мой мальчик? Хочешь или нет? И не криви рожу, не духами пахну, сама знаю. Глянь, как твои друзья потешаются. И правда, картинка ужасно смешная: городская сумасшедшая, собирательница бутылок, зажимает их дружка! Ха-ха! А может, они тебя за мной послали, чтоб я сплясала для них? Я иногда танцую для досужих зевак. Кружусь и так вот потихонечку подол приподнимаю. Мужикам нравится, хохочут до слез. В награду я могу забрать у них пустые бутылки, а иногда и объ-

едками угощусь. Так что же, станцевать? Гляди-ка, дружок твой, брат твой названный, знаки мне делает.

– Пусти! Пус-ти же! – прошипел он. – И никаких танцев! Только этого не хватало!.. Я ведь тогда... за подмогой бежал, ты знаешь, я вернулся потом... Куда одному против троих.

– Тебе так легче? Пусть так и будет. Так и говори. А что один из троих был твоим другом – это неважно.

– Я не знал.

– Тогда не знал. Потом узнал. И что? Ладно, не будем прошлое ворошить... Ах, как я тебя люблю, знал бы ты! Я часто возле твоей работы кручусь, там пивнушка рядом, бутылки пустые. Дождусь всякий раз, пока ты пройдешь, потом рассказываю всем: «Видите, вот идет мой бывший парень, мы с ним когда-то в обнимку гуляли, он, бывало, поднесет яблоко к моему рту: сперва ты откуси, потом я». Да, вот так и говорю всем... Да не пугайся ты, никто мне не верит. Мало ли что дурочка брякнет... Ну, что, плясать или нет?

– Сказал же, нет! Ну как еще с тобой разговаривать? Послушай... Я тоже много пережил тогда. Не одну ночь под твоими окнами дежурил...

– ...и пел серенады под гитару... – она горько усмехнулась. – Знаю, что ты вышагивал под окнами. И все же это брехня. Важно ведь не то, что происходит, а то, как назвать это и как принять. Может, и не было тогда ничего? Может, твой друг пожалел меня и отпустил?

– Залина, он был пьян...

– Постой, молчи. Ты возразишь: платье было порвано. А я отвечу: сама порвала, чтобы тебя испытать. И кровь свою из носа выковыряла, и ноги себе измазала. Нашла обломок кирпича и лоб себе терла, пока ссадину не натерла. И шею себе исцарапала. В общем, ничего не случилось, спи спокойно со своей толстушкой.

– Залина, чем я могу искупить...

– Ничем. Ты не должен мне ничего.

– Нет, дай сказать. Все не так просто, как ты думаешь.

– А я и не думаю. Ем, сплю, хожу. Чего еще? Гонишь меня из города? А куда? Кто меня ждет?

Она встала, собираясь уйти, но замешкалась, запустила пожелтевшие от табака пальцы в его волосы.

– Тебя одну любил всю свою жизнь, – тихо проронил он вдруг. – Тебя одну. Не веришь? А ту, что дома у меня... ее я ненавидел долго, потом привык, да и дети... много тут, всего не объяснишь...

Он порывисто обнял ее.

– Не надо. Возвращайся к друзьям. Смотри, они машут тебе, один даже аплодирует.

– Ты ничего мне не скажешь, Залина?

– Ты пьян. Иначе не подошел бы. Ступай, у меня дел полно.

Подавшись назад, она высвободилась из его рук...

– Вот это спектакль! Ну ты, Филя, артист! Держи! – Коля протянул

вернушемуся другу стакан. – Что, отказалась прийти? Ничего, мы и так повеселились.

Феликс угрюмо молчал. Коля подливал ему полнее, но настроение вернуть не удалось, разве что опьянел раньше других.

На закате приятели засобирались домой. Феликса с трудом погрузили в машину. Когда отъехали, он с усилием повернул голову и увидел женщину в грязном платке. Она копошилась в обрывках бумажных свертков, оставленных веселой компанией...

В мозгу всплыло видение давно минувшей ночи – с запахом духов, с задорным смехом, с неумолкающим магнитофоном, потом – прохлада улицы, парк, девушка в коротком белом платьице. Далее – железные маски, появившиеся из-за кустов. И – страх, всепоглощающий, пробирающий до костей, сжимающий сердце страх.

Он зажмурился, но видение не ушло, оно продолжало раскручиваться кадр за кадром. Теперь оно дополнилось запахом крови... Она так напоминала птичку, насмерть забитую палкой. Запах чужого пота. Он поднимает ее с земли, но заглянуть ей в глаза не смеет. Он ищет ее руки, чтобы прижать к груди, но ему мешают ее глаза, они глядят сквозь него, как сквозь стекло.

Продрав глаза, он вновь обернулся назад. Вдалеке копошится в мусоре фигурка в белом платьице. Феликс рвется выйти из машины, но друзья мешают. Это ведь они, железные маски в кустах. Бить их, бить!

Коля, до сих пор молча сидевший рядом с водителем, обернулся и чувствительно въехал пьяному в лицо:

– Чего распоясался, тряпичная душа? Заглохни!

Коля не склонен шутить, кажется, пар идет из его гневно раздувающихся ноздрей. Феликс присмирел и скорбно погрузился в себя.

***

Жить намного проще, если село у реки. Нет проблем с водоемом и с поливом садов. Впрочем, в селении наршу, тонущем в легкой дымке близлежащего города, довольно своих головных болей. На его кривых улочках все еще стучат колесами ослиные упряжки. Никакие новомодные машины не смогли изжить этот вид транспорта. А ведь одно время была установка избавляться от этих животных, олицетворяющих пережитки старины. И отбирали их, и вывозили, но порода возрождалась с поистине ослиным упрямством. Терпеливый и нерасторопный четвероногий помощник как нельзя более вписывался в привычный ритм жизни наршу – едешь себе, никуда не спеша, ни за кем не гонясь, и о жизни подумать время есть... Так что – чем больше лютовало начальство, тем упорнее противились сельчане, и даже те, у кого на подворье никогда не водились ослы, спешили ими обзавестись, да еще и повозку соорудить.

Былого простора здесь уже нет. Съезжилось селение наршу в комок, подобно угодившей в капкан ласке. В старину наршу жили в вечном ожидании нападения врагов, и все же высоких оград не городили. Нынче повелось прятаться от всего мира за крепостными стенами. Даже родные

брatья, поделив надвое отцовский надел, спешат повернуться спиной друг другу и возвести на меже неприступную стену. Что ж, нормально по нынешним временам...

Чарцуко – Лощина Акаций – ничем не примечательно среди прочих селений народа наршу. Оно пробуждается поутру от зычных окриков пастуха, собирающего сильно оскудевшее коровье стадо от подворья к подворью. По зиме сельчане разводят огонь в печах, по весне возятся в огородах, при случае идут соболезновать родне очередного усопшего, время от времени выходят на дорогу встречать маленький автобус из города, все это в светлое время суток, которое неизменно заканчивается темнотой, и село растворяется в ночи и в снах, и только вечный спутник темноты – собачий лай – напоминает о том, что жизнь продолжается. Неизменным остается только монумент на въезде в село – фигура широколицего мужчины, радушно встречающего гостей, как полагается у наршу, с чашей в руках.

У монумента есть своя история. Его установили в первые послереволюционные годы, когда уцелевшие в боях сельчане, засучив рукава, взялись строить новую жизнь. Приглашенный из города ваятель отнесся к делу весьма ответственно и приступил к работе лишь после того, как внимательно осмотрел ряд мужчин в костюме наршу. Надо сказать, к делу со всей готовностью подключились и сельчане.

Через несколько месяцев в Чарцуко пожаловал высокий начальник – удостовериться, что строительство новой жизни продвигается верным курсом. Монумент начальнику не понравился. Не спасла даже папаха с красным революционным верхом – немного красной краски с трудом раздобыли в городе. Загвоздка была в том, что при ближайшем рассмотрении изваянное лицо уж очень напоминало одного из «кровопийц-эксплуататоров», скрывшегося в горах во главе банды. Слово с него ваяли!

Наутро смотрят – а монумент обезглавлен. Три дня шарахались в ужасе прохожие от изуродованного туловища, а потом привезли из города другого умельца, и тот приделал новую голову. Вместо добротной папахи с красным верхом, сделавшей злополучный памятник похожим на угнетателя трудового народа, теперь красовалась традиционная для крестьян наршу войлочная шляпа. Пусть радуется всяк входящий: его встречает с чашей добрый старый пасечник.

В этом виде памятник простоял несколько лет. Пока в тридцатые годы его не постигла горькая участь. Кое-кто из начальников сельского масштаба снова узрел в нем черты, несовместимые с новой жизнью. Что было потом? А вот что. Прибывший из города очередной начальник всмотрелся в монумент, подумал, сжал губы в знак твердости принятого решения и укатил в город. А наутро взору сельчан предстала все та же обезглавленная фигура. Многие не поняли, что произошло, многие и понимать не хотели. Что за беда, если ветром или веткой дерева сшибло голову истукану? Тут людям, бывает... И вообще, сенокос на дворе... Потом, правда, просочились слухи, будто лицом «пасечник» сильно смахивал на одного неугодного писателя, вставшего на путь буржуазного

национализма. Что означали эти слова – людям было невдомек, да и какая разница? Нельзя, значит. И сенокос не закончен.

Простоял обезглавленный истукан до той поры, пока летние облачка, напоминавшие одиночных барашков, не начали сбиваться в одну большую осеннюю отару. Стало понятно, что желающих приложить руку к памятнику более нет, и тогда сельский кузнец выковал для злосчастной фигуры новую голову, на сей раз без головного убора – чтоб никто не усомнился в его пролетарском происхождении. Зато теперь местные остряки говорили: этому как-то не с руки встречать гостей с полной чашей, а напоминает он скорее базарного попрошайку с миской для подаяния. Да и сельчанам теперь впору было пуститься вслед за истуканом. Оскудел их стол, но они строили новую жизнь. Уже вынудили мужчин наршу спешиться, но они продолжали строить новую жизнь.

Так и бытовало маленькое сельцо Чарцуко, не отмеченное ни на одной карте мира, но нимало тем не огорчавшееся. Пробуждалось и засыпало под лай собак, ходило на похороны, горбатилось в огороде... Так и шло время. А взбунтовалось бы время и остановило свой ход – и тогда народ наршу остался бы невозмутим. Ведь теперь у него есть вожди, способные заставить время ускорить свой бег и даже установить счет ему не в минутах и днях, а в пятилетках...

Дом бабушки Марем находится в верхней части села. Вот и она сама, сидит у порога и прядет овечью шерсть. Отборную срединную она пока отодвинула в сторону, до нее черед дойдет после коротковорсой шерсти с брюшинной части. Ветерок-шалун нет-нет да спрыгнет с дерева и зароется в седые прядки, выбившиеся из-под платка наны. День выдался погожий. Нана одета тепло: в чем вышла по прохладному утру, в том и осталась. Ближе к вечеру, пожалуй, подумает: пора бы снять с себя душный верх, но ведь надо будет скоро заново утепляться – вечером свежеет быстро. А сейчас нана Марем погружена в свои мысли, и дело для этого куда более подходящее. Не поправляя сбившуюся набок подушечку на низкой скамейке, нана прядет шерсть, по ходу очищает ее от колючек и прочего сора. И думает, думает, думает. О чем? Да все о том же – о детях своих, и о детях своих детей – ими она живет, их болью болеет, их радостью радуется. О будущем внуков – Ахмеда и Залины – думает нана неотступно, прядет и думает, и впрядаются в бесконечную нить картины из ее прошедшей жизни.

Пападающий в нижнюю часть села непременно обратит внимание на жилище деда Бекула. Его домик, кажется, глух ко всему происходящему вокруг. Вряд ли его волнует, что соседние дома стали выше и украсились жестяными крышами, а дорожки к ним аккуратны укатаны асфальтом. И неважно, что со стен самого домика давно смыты желтыми дождями остатки извести, а низкие окошки жмурятся допотопными скрипучими ставнями. Не беда, что сквозь соломенную крышу, смахивающую на заношенную папаху, пробилась трава.

На поросшем бурьяном просторном дворе в тени раскидистого дерева сидит дед Бекул и стругает палку. Ему есть о чем поразмыслить. Пороется в своей памяти, вытянет самую подзабытую мысль и начинает над ней

думать. Он уже в тех годах, когда человек устает от жизни, но не таков дед Бекул. Слишком много пережил, чтобы разлюбить жизнь. Подобно тому, как приговоренный к ста плетям бедолага старается не напрягать мышцы спины, тем самым ослабляя силу удара, такие люди не позволяют душе сжаться и только так предохраняют ее от ударов судьбы.

Ахмед отодвинул плетень и зашел на двор. Дед не шелохнулся. В кои-то веки оторвался от своих мыслей и глянул на смиренно сидящего перед ним парнишку:

– Пришел? Хорошо... Хороший день сегодня...

Ахмед промолчал. Он привык к этому немногословному, почти бессловесному общению. Погладил гладкую поверхность валуна, пролежавшего под этим деревом, возможно, сотни лет...

Только что школу окончил, а сердце не ликует, никуда не рвется, мечтами не полнится. Может, виной тому дед, перед которым он сейчас сидит? Он ему единственный друг, советчик, учитель... Это мысли не Ахмеда, а его бабушки Марем. А на какой еще лад может настроить ребенка одичавший старый отшельник? Болит сердце у наны. Руки проворно перебирают шерсть, а глаза не видят ничего. И спина занемела от долгого сидения, но она не замечает... Смышлен Ахмед не по годам. Взгляд недетский, и смех его редко услышишь. А может, близость к Корану делает всех такими?

Нана достала из сапетки новую пригоршню шерсти...

– В город теперь поедешь, – сказал дада. – Помни мои слова. Живешь, пока желаешь познать что-то. Сердце в чистоте храни. Не то что творить негодее для праведного человека, а и помыслить о плохом – великий грех. Я за тебя молиться буду.

– Дада, а можно мне при надобности клясться на Коране?

Дед помолчал с минуту. Стряхнул с колен стружки и кивнул:

– Да, теперь можно. Ты знаешь Коран, значит, греха в том не будет...

Идем-ка в дом.

Комната, не знающая яркого света. Дед подошел к старой деревянной лежанке и достал из-под подушки Коран. Священная книга стара, как ее хозяин, но так же хорошо сохранилась. Страницы ее плотно стиснуты, как губы человека, избравшего своим уделом смирение и замкнутость. На подступах к ее великим истинам юноша подходил к книге не иначе, как к живому существу, а к окончанию постижения уверился, что книга наделена душой. Не криклива в одеянии и словах, не выбалтывает всех мыслей разом, как иные люди – она и вправду похожа на устоявшегося в мыслях и делах человека.

– Теперь он твой, – дед протянул Ахмеду Коран. – Ты достоин его, и я вручаю его тебе со спокойной душой. Был бы жив мой единственный сын – ему бы завещал. Но толку-то... В огонь бы он его, конечно, не бросил, но засунул бы куда-нибудь в чемодан, там бы и истлел от тоски. А с Кораном разговаривать нужно. Да ты и сам знаешь...

Ахмед молча взял книгу. Не один вечер просидел он над ней. Нелегко было освоить язык, на котором нужно «разговаривать» с Кораном, но он справился с помощью деда.

Дед Бекул присел на кровать и вновь принялся стругать палку. Покопавшись в мыслях, остановился на той, что чаще других посещала его в последние годы. Нелегко наблюдать, как на глазах уходит в небытие целый народ. Породивший тебя народ... Тот камень, что лежит во дворе под деревом, не похож на другие, его, кажется, не омывала никогда вода горных речек. Но дед Бекула жил когда-то на берегу моря. Небо тогда было чище, а земля здоровее.

Нашло лезвие на сучок. Резко дернешь – врежешься слишком глубоко. Старик осторожно срезал бугорок. Сладкие, как мед, ручьи журчали тогда у опушек изобильных лесов. Счастливый народ жил по законам времени, порой воевал с соседними племенами, как велось тогда. Но вот пришла на его землю настоящая война, и злосчастье вцепилось в стремя народа всеми десятью когтями, так вцепилось, что и шагу не ступить. Снова лезвие попало под сучок... Кровавые генералы привели свои полчища, и сколько их убывало, столько же и прибывало. Кончилась война, а счастливый народ не сумел сохранить свою землю. Злосчастье вцепилось в стремя. Конь рванулся, ободрал ногу до крови и сорвался в пропасть. Большинство народа полегло в той войне, выжившие ринулись к морю, чтобы переправиться на другой берег.

Дедушка. Его спина осталась самой яркой картиной в памяти. Говорил он: нельзя нам пускаться в море. Не послушались. А камень во дворе... Его привезли на арбе со старого подворья. Старший рода настоял на этом. В те времена валун лежал у ворот и служил сельчанам точилом для ножей и кинжалов, детям – любимым местом для игр. Перевезли камень. На новом месте стали обживать. Здесь тоже была земля наршу, так что со временем народ с побережья начал оттаивать и приоткрывать сердце для дальнейшей жизни. Камень стал центром двора, посаженное рядом с ним деревце дало корни и разрослось.

Коран сродни человеку. Ахмед молча принял этот дар из рук старика.

Не избравший дорогу в путь не пускается.

Так говорит дед, стругающий палку. Хотя и такое случается: человек идет туда – не знает куда. Бог с ним. Все лучше, чем на месте сидеть.

Стругает палку. Отвлекся бы и дорогу мне указал. Хороший день сегодня. О том сообщили деду ночью. Что ж, никто мне не обещал легкой жизни, ни у кого нет лишней жизни, чтобы одолжить в случае чего. Лучше не уметь читать, писать, в Коран не углубляться. Так легче жить. Меньше мучительных вопросов без ответа.

Камень, счастливый народ, война, стремя, десять когтей. Кто-то устал, будто прожил сто лет. Тот юнец, кто сидит перед стариком и грезит о легкой жизни. Гляди на мир проще и живи в свой интерес. Сможешь? Попробуй. А если твой родной язык уходит в небытие? Если он болен? Может, подашь ему глоток воды? Вроде и жив еще, по радио звучит, в книжках да газетах печатается, но постепенно дух его иссякает. А дальше что?

Славный мальчик, скромный. Не дерется, не матерится, с друзьями мяч гонять не любит. Городским не чета. Тем скажешь слово – смеются. Кажется, матерщина более приятна их слуху, нежели заздравный хох.

Дед стругает палку.

Нана прядет шерсть. Внук даже есть толком перестал. Надо было оградить его от этого одичавшего старца. Он увел его в какой-то далекий, страшный мир... Каким страшным горем были вчерашние похороны. Ребенка хоронили. Днем раньше на улице резвился.

Кажется, я понял, каким путем идти. Пока дед палку стругал. Жить буду в свое удовольствие, пей, гуляй – и никаких забот. Везде ложь. Сытая, румяная ложь. Наши горные речки отравлены. Мальчик Дидаровых напился из речки... Нана ходила на похороны. Все знают, что винзавод сливает в речку всякую гадость. Знают, а молчат. А что толку говорить? Ходили смельчаки жаловаться. И что? Да, буду жить без забот, на водку я себе всегда заработаю. Да.

Большой камень, счастливое племя, война, изгнание. А работать буду как придется, без души. Как сеют зерно не на свой хлеб. Коран? А много ли сердец откроется ему теперь? Много ли открывалось до сих пор? Жить буду красиво, научусь быть смелым с женщинами.

Он мучается над вопросами без ответа. Думает, дорогу нащупал. Я ему Коран вручил, а он вдаль смотрит, грезит. Мысли, ложь. Дорога. Только дорога эта не прямая, и даже не кривая, она круговая. Бегать по кругу... всю жизнь... всю человеческую жизнь. Дорога по кругу, как скаковая полоса. Но у этого парня на ладони нет ни одной круглой линии. Они четкие, разной длины, и не всегда прямые, как путь летящей пули, но все они продольны и чисты. И нигде не прерываются, не останавливаются на полпути. Человек должен читать по ладони. Бег по кругу...

И нана, и все остальные не понимают меня. «Ты похудел. Ты плохо ешь. Каково тебе будет в городе? Почему невесел?»

Многие говорят, будто мой старый друг связан с джиннами, будто его навещает нечистая сила. Будто он умом тронулся. Ладоням горячо. Все линии прямые. А кто обещал легкую жизнь?... Дада вез тогда дрова через речку, его упряжка застряла в гальке. Я помог. Дрова вместе довели.

Мальчик сказал, что видел в пойме лису. Ты сделал вид, что не веришь. Тогда он поклялся Кораном. И кто его научил... Деду не понравилось. Подобную клятву легко давать. Легко и бездумно.

Из окна камень виден хорошо. Он похож на огромного пастушьего пса. Положил тяжелую голову на лапы и выжидает. Вот-вот поднимет к небу морду и завоюет, столь долго и протяжно, что в душе человека не останется места для сколь-нибудь цельной мысли. А горы вдалеке так и притаились в ожидании этого воя, готовые отозваться на него всей силой многоголосого эха, слышимого во всех пределах осиротевшей земли.

Камень, счастливое племя, война, стремя.

Водка, красивая жизнь, Коран.

Похороны, труп ребенка.

***

– Ну же, шевелись скорей! Опоздываем! – Круглолицый парнишка торопит приятеля. – Если опоздаем, я не пойду.

– Не ходи.

Вылезший из воды приятель неторопливо вытирается.

– Если не пойдешь, то и мне там делать нечего. Сам же меня вытащил, сам же упираешься.

Подпрыгивая на одной ноге, вытряхивает воду из уха.

– Да ладно, не болтай лишнего, поторапливайся. Мне еще домой надо забежать, переодеться, цветы купить...

– Э, да это кто кого ждать будет? Знаешь что, беги домой, а я догоню.

– Хорошо, встретимся у «Кубик-рубика». Только по-честному, Коля, слышишь?

– Все, проваливай, я слово держу.

Феликс успел вскочить на подножку автобуса, смахнул со лба мокрую челку...

День достаточно теплый, но мужчина поеживается и поднимает ворот плаща, затягивает пояс потуже. Поднимается со скамьи и медленно трогается с места. Вслед за ним так же медленно трогается солнце, обрывки воспоминаний, его тень. Его печаль, его радость. Отчаянно пульсирует набухшая синяя жила на лбу...

Парни нетерпеливо, по очереди, нажимали кнопку звонка. Все гости были в сборе. Виновица торжества – именинница Залина – стояла над гостями. Ее не раз просили присесть, но куда там. Кажется, раньше так водилось у наршу – хозяева не садились к столу, пока гостям не оказано полное внимание. Она принимала поздравления и вспыхивала от смущения, но слух ее был сосредоточен на двери. Вдруг позвонят, а она не услышит. Мать опередила ее. Выйдя из кухни, Марина Петровна (если точнее, Патовна), открыла дверь,пустила двух ребят и окликнула дочь:

– Зина, к тебе гости!

Вместо приветствия Феликс протянул букет:

– Поздравляю! – Потом вытянул из кармана маленького плюшевого медвежонка. – Это тоже тебе. Его зовут Акуш.

– Какой мягкий! Глазки черненькие. А что означает его имя?

– На языке наршу – «маленький медвежонок», только и всего. Так мне сказали, может, врут.

– Почему опоздали? Всегда вы так!

– Заличка, во всем вини его, – заторопился молчавший до сих пор Коля. – Из-за него задержались. Мои поздравления! – Он взял руку девушки, погладил ее и шепнул на ухо: – Я долго выбирал для тебя самые красивые цветы. – И громко добавил: – С Феликсом разве успеешь куда-нибудь? «Давай еще разок окунемся, еще пару раз нырнем» – так и опоздали.

Феликс хотел возразить, но взгляд друга приказывал: молчи! И он промолчал.

– Ладно, – вздохнула Залина, – пошли в комнату.

Сидящие за столом притихли при появлении новых гостей. Одноклассницы Залины, несколько ребят из ее школы – Феликс знал всех, кроме парня на месте тамады. Скорее всего, это ее двоюродный брат. Сельских ни с кем не спутаешь. Говорит только на наршу, его явно стес-

няет школьная одежда, она же, скорее всего, и парадная, да и сам весь зажатый какой-то, слова лишнего не скажет.

Все они в этом году заканчивают школу. Пока у всех одинаковые мысли: экзамены, планы, мечты, и лишь потом будет по-разному, у кого радость и радужные перспективы, у кого – несбывшиеся мечты, смутное будущее...

Залина сделала знак тамаде.

– Если у всех налито, прошу поднять бокалы, – провозгласил он, да так важно, что Коля и Феликс не удержались от смеха. Парень засмутился, но Залина поддержала его взглядом, и он продолжал. Речь его была красивой и содержательной, не все слова были понятны городским, но слушали его внимательно. Феликс пожалел о своем дурацком смехе. Давно ему не приходилось слышать таких тостов. В последний раз это было в детстве, когда он с родителями поехал в село на какую-то свадьбу. Отец особо не утруждает себя в таких случаях, скажет «за здоровье», вот и весь хох. А то и вовсе кивком ограничится.

– Видал нарта, Филя? – услышал он у самого уха шипение друга.

– У нартов кулаки крутые, Коля.

– Вот напугал, – отозвался тот, но все же притих – от греха подальше.

Мужчина пересек дорогу. Едва не попал под машину, водитель с трудом вывернул руль, остановился, обматерил его на двух языках и поехал дальше. Мужчина, казалось, даже не заметил этого. Он размышлял о статуях и крысах. Порой сила мысли смещалась к ногам, заставляя его то убыстрять, то убавлять шаг...

Выпивки на столе было немного. Потому Коля и называл подобные школьные праздники «детсадовскими утренниками».

Зазвучала музыка, и желающие потанцевать переместились в комнату Залины. Коля с Феликсом вышли на балкон. Достав спрятанные в носке сигареты, Коля задымил. Мирно благоухал майский вечер, луна стояла на небосводе, уверенная и свободная. Шептались молодые листочки плакучей ивы под окнами.

– А давай, Филя, в мореходное училище рванем, – предложил Коля, старательно выпуская дым носом. – Сплаваем во все страны. Я уже батю уболтал, ступай, говорит, прямо сейчас.

– Брешешь ты все, – раздраженно ответил Феликс. Друг доставал его весь вечер, теперь настал его черед. – Так тебя и отпустили!

– А тебя?

– А мне и не надо! Меня и наш университет устраивает.

– Тоже ничего, если связи есть.

– Пахан вроде договорился с кем-то.

– На какой факультет?

– Какая разница, лишь бы диплом был. Я ж в органы собираюсь податься.

– Туда ты и сейчас сможешь устроиться.

– Нет, на дороге пылиться со свистком и резиновой дубинкой – это

не для меня. Я офицером хочу быть, а для этого военку надо пройти в универе, там и звание получаешь.

– Ты, вижу, до самой пенсии все спланировал. А нам остается на улице болтаться.

– Все, пошли в комнату, а то неудобно, – Феликс старательно закурил сигарету.

– Чего забеспокоился, жених? Залина заругает? Ладно, идем, бедный влюбленный.

***

Разве убывает от бесконечного? Вот время, к примеру, – разве оно спешит куда-то, разве не пребывает в полной неподвижности? По крайней мере, так продолжалось, или казалось, до тех пор, пока друзья, пребывая в настоящем времени, не окончили школу.

Что дальше? Куда податься? Какую профессию избрать? Срочные ответы на эти вопросы отыскиваются за считанные дни. Будто времени на то было мало. Да, так получилось, что подумать о будущем было недосуг. Все мальчишки еще в детстве решили пойти в космонавты, девочки – в доктора и учительницы, да и отложили эти мысли на последнюю минуту. Друзья-подружки, бассейн, видео, футбол – разве мало забот? Вовсе нет. Осерчают порой предки да запретят игры на улице – можно и на телефоне провисеть целый день. И вдруг наступает день, когда необъятного времени остается чуть-чуть, надо самому пораскинуть мозгами и что-то решить, потому что до сих пор все решали родители, но они, оказывается, тоже не боги, а обычные люди. Всесильный отец может командовать только дома, а по утрам он уходит на работу, как все, а там им командуют другие. И у матери такая же история.

Излюбленные профессии у наршу – судья и прокурор. Работа, ясно, не из легких, и как же надо постараться, чтобы приноровить ее к излюбленному принципу наршу: всем угодить и никого не обидеть. И все же профессия не теряет своей популярности. Если родителям она не далась – они приберегают свою мечту для детей. Если же и этим не повезет... Что ж, там видно будет.

Феликс с отцом вылетели в другой город, где был юридический институт, но вернулись через два дня, грустные и притихшие.

«Разве нам улыбнется такое счастье», – устало вздохнула мать. Отец молча взял дырявый передник и направился в гараж возиться с машиной.

Мать ушла на кухню. Теперь можно и по телефону поговорить.

– Уже вернулся?

– Хоть бы поздоровалась.

– Ну, привет.

– Ты сейчас свободна?

– Да. Выйти?

– Выходи, я жду...

Без расспросов, как ни отнекивался Феликс, не обошлось.

– Но почему тебе отказали? – настаивала девушка.

– Документы не приняли, – неохотно отвечал он. – Нужно два года стажа или аттестат с золотой медалью. У меня, как ты понимаешь, ни того, ни другого.

– Ну, ничего страшного, не переживай. Да и не любишь ты эту профессию, признайся. Ты биологию любишь.

– Ладно, не будем об этом. По правде, батя мог бы мне «сделать» два года стажа, только... нестыковочка получается – в этом году окончил школу, а два года уже отработал. Нагловатая ложь, не находишь? Все, не хочу больше об этом. Как тут Коля поживал без меня, не заявлялся?

– Неделю назад приходил, мороженое поели, поболтали, помолчали... Вот и все.

– Неплохо. Может, и целовались?

– Захотела бы – сделала, ясно? Я пошла домой.

– Постой же! Пошутить нельзя. Гляди, какое дерево тенистое, давай присядем.

– А почему ты не спрашиваешь, как у меня дела?

– Как у тебя дела?

– Вчера документы сдала. У меня все попроще. В медучилище легче поступить...

Город песочного цвета. И люди. Как они все похожи – лицо, рост, одежда – все одинаковое. Никто на тебя не смотрит, никто никому не интересен. Никому ты не нужен, можешь не прятать лицо. Он нащупал в кармане смятую пачку сигарет. Хоть бы снег пошел. Или ливень. Чтобы смыл напрочь эту отвратительную серую краску, застывшую все сущее. И голова прояснилась бы от свежести... Дома, люди, деревья – все куда-то бегут. Кто остановит их? Как? Хватать по одному и ставить на место? А эти памятники – вдруг они начнут прыгать с постаментов и обратятся в бегство? Не это ли зовется концом света?..

– Ничего, Зина, какой-нибудь диплом получи. Ничего страшного. А как тот пацан, родственник твой? У него, небось, таких головоломок нет, ему и шоферские курсы сгодятся. В крайнем случае, сельхозинститут...

– А вот и нет. Он в университет собирается, на филологический.

– Тоже дело, там как раз отделение языка наршу есть, туда, наверное, собрался?

– Именно. Он очень хорошо знает наш родной язык, он вообще очень хорошо учился. А еще знает Коран.

– О! Я буду звать его Эфенди.

– Не смей, Феликс! Почему ты пытаешься унижить человека, которого и не знаешь толком? Ты не забыл, что он мой брат? И еще. Он знает три языка, а мы – ты, я и твой Коля – знаем лишь один. О чем это говорит?

– Язык наршу тоже в счет идет? Так я тоже могу на нем изъясняться! Дай-ка попробую... «Я – наршу».

Девушка рассмеялась:

– Так всякий может! Когда в село приезжаю, бабушка просит: «Говори на своем языке, внученька». Мама сердится, не надо, мол, ребенку голову

забывать, этот язык ей не пригодится. Сама она только в гневе на наршу сбивается. А как-то ночью, когда у мамы разболелся зуб, я слышала, как она причитала на наршу.

– Мои тоже редко на нем говорят. Трудный язык. Что ни звук, то спотыкаешься. Раньше, бывало, они иногда шептались на этом языке. Батя, когда поддатый, пытается песни петь старинные, на меня покрикивает: «Говори на наршу, гаденыш!» Он спяну не понимает: если я гаденыш, значит он – гад! – Феликс с удовольствием расхохотался...

Муха упорно пытается подобраться к тарелке. Коля держит наготове вытянутую ладонь. Пусть подползет поближе, тогда он ее прихлопнет. Но муха, кажется, кое-что поняла и спешит улететь. К комнате их только двое – он и муха. Казалось бы, они друг другу не мешают. Но хозяин комнаты хочет быть один.

Скорей бы вечер. Прохладный вечер, друзья, смех. Муха, кажется, потеряла интерес к огрызку яблока на тарелке. Девушка с плаката на стене подмигивает Коле. Она бежит по пляжу. На бегу оглядывается и подмигивает лежащему на кровати парню.

Надоело все. За какие грехи человеку столько учиться? Разве он для этого рожден? Кран в ванной капает и капает... Взять бы вот эту красотку за руку и побежать вместе с ней по пляжу – вот это жизнь. Жарища какая. Воздух за окном даже не шелохнется. Коля сунул руку под кровать и достал спрятанные в тапке сигареты.

Вот скуотища! Ближе к вечеру вернутся с работы родители. Мать начнет жаловаться на жизнь, да таким усталым, умирающим голосом. А потом вдруг сцепятся с отцом по какой-нибудь ерунде, и умиравший голос вдруг наберет силу, будто магнитофон включили на полную мощь. Муха опять делает попытку приблизиться к вожделенному огрызку, но, испуганная направленной струей дыма, обращается в бегство. Мать: «Проклятый кровопийца, ты мне всю жизнь искалечил!» Отец: «Давай, давай еще громче, голос у тебя – как песня, устанешь – перестанешь». Потом: «Коля, иди к столу». – «Я не хочу есть, мама». Отец: «Не заставляй, если не хочет». Мать: «Тебя не спросили! Ты никогда не любил ребенка!»

Отец идет спать, на кухне некоторое время гремят тарелки, потом голос матери из спальни: «Подвинься, кровопийца, я устала, спать хочу не меньше тебя». Стенки тонкие, чего только не услышишь. Коля давно привык подслушивать. Неужели это те двое, что ссорились на кухне? Мать пошептывает-постанывает, отец воркует. Когда Коля впервые подслушал эти звуки за стенкой, он решил, что должен за кого-то из них заступиться. Скорее всего, за мать. Она слабая, ей отец спать не дает. Но однажды он услышал, как мать разбудила уснувшего отца. Все смешалось в голове мальчика, и он заплакал. Кому он нужен на этом свете? Разве он не сирота?

Сигарета иссякла. Девушка на стене зовет его, манит. На загорелом теле блестят крупные капли, длинные волосы пластаются по воздуху, подобно крыльям.

Однажды ночью она сошла с плаката и легла рядом со спящим Колей. Он ощущал ее прохладное тело. Кровь стремительно понеслась по его

жилам, и в момент наивысшего ее бурления он пробудился. Счастливее его не было существа на земле. Подобное он испытывал лишь раз, когда пытался взлезть на дерево по гладкому стволу. Но тогда все было слишком мимолетно и слабо. Он с благодарностью протянул руки к девушке с плаката, но лица ее в темноте не разглядел. Вспотевший мальчик скинул с себя одеяло и понял, что ему нужно бежать в ванную. В ту ночь Коля понял, что каждый человек носит в себе какую-то тайну. Теперь он с особым интересом прислушивался к ночным шорохам в родительской спальне. Он ощущал себя причастным к их тайне. Да и на одноклассниц он стал смотреть по-иному.

Муха утомилась и притихла. Духота. Лениво потянувшись, Коля включил телевизор, нашарил на столе еще одно яблоко. На экране дерутся двое. Оба измотаны, но уступать ни один не хочет. Коля, как всегда, на стороне победителя. За слабого болеть нет смысла. Для него же лучше быть раздавленным и упокоиться сразу. Человек должен быть сильным. При случае можно удар и в спину, и ниже пояса нанести, ничего страшного в том нет. Победа любой ценой. Ткнуть побежденного носом в грязь – вот главное. Победитель на экране приподнимает голову поверженного соперника с земли и заводит ее за свое колено. Коля знает, что будет дальше. Хрясь! Наша взяла. Вот и славно. Никакой жалости. Муха на сей раз подобралась очень тихо, но и Коля был начеку. Конец. На речку надо бы сбегать. И курево на исходе. Надоело все – и койка эта, и телевизор, и плакат на стене, и копилка в форме собаки, и окно без воздуха, и звонок... Звонок. Кто-то пришел? Он открыл дверь. Это приятель с Залиной. Или Залина с его приятелем. Она впереди. И очень некстати, потому что Коля в одних трусах. Да ладно. Так даже интереснее. Уже приехал? Ну, проходите. Духотища, в одежде можно задохнуться, да? Присаживайтесь. Он сидит, поигрывая большими пальцами ног. Мы пришли тебя проведать. Молодцы. Зина, чего молчишь?

– Может, оденешься?

– Что, стыдишься?

– А ты как думаешь?

– Ладно, сейчас облачусь. А что так рано вернулся, братан? Не вышло?

– Не вышло. Только не будем об этом. Осточертело.

Девушка отыскала на полке какой-то журнал, листает его, жалея, что пришла сюда. Краем глаза видит, что Коля и не думает одеваться. Ему не стыдно, а мне-то что? Коля чешет подмышкой, включает магнитофон, находит карты, смотрит на Залину. В тот вечер, когда они танцевали вместе...

– Сыграем?

– Давай, – соглашается Феликс и присаживается к журнальному столику.

Залина откладывает журнал и садится с ними за карты. Но игра идет вяло – жара, дребезжание магнитофона, сгустившийся воздух.

– Пошли на речку, – предложил Коля.

***

Он идет и идет. Запах жареного мяса. Или кажется? Нет, недалеко жарят шашлык. Сколько стоит? Ответа нет. Волосатые пальцы переворачивают на огне шампуры. Молча принимают деньги, отсчитывают сдачу. Подгоревшее, но сырое внутри мясо тянется, как резина. Заставил себя проглотить пару кусочков и пошел дальше. На душе мутно. Процесс еды ненадолго извлек его из вороха невыносимых мыслей. Теперь они снова свиваются в тесный клубок, бьются об стенки головного мозга, крутятся на месте, словно щенок, гоняющийся за своим хвостом. Усилиями воли он вытаскивает из вороха на поверхность одну мысль. Но она лежит на поверхности и не шелохнется. Надо помочь ей, подтолкнуть, что ли. Далекие дни, теплые, полные света, вспомни их. Лето было. Ты был ребенком, да, несмышленищем. И рядом была бабушка. Ну, вспомнил? А дальше память справится сама.

Он был с бабушкой на просторном дворе. Нана провеивала фасоль. А он тоже был занят делом. Выносил из сарая горсть пшеницы, бросал и прятался. Слетались птицы. Едва увлекутся неожиданным угощением – он выскакивал с гиканьем и запускал в стайку сучковатой палкой. Конечно, не попадал никогда. Но однажды...

Однажды палка попала во что-то мягкое, живое. Совсем немного крови, трепещущие крылышки, страх. Он впервые увидел, как близка смерть, и потрясенно осознал, что сам может быть ее причиной. Не в силах дожидаться конца, он подошел и взял в руки умирающую птицу. Смерть уже проникла в ее существо, глаза стекленели с каждым мгновением. Вроде все как было – небо как небо, земля как земля, но невдомек им было, что смерть дышит рядом, наблюдает налитыми кровью глазами и скрежещет зубами. Казалось бы, истина истин. Но ничто сущее о том не думало... Воспоминаний о светлых днях детства не получилось. На него повеяло могильным духом болот... Он поежился и пошел дальше. Шел как во сне. Не связанные единой нитью обрывки памяти. Они окружают его, трясут за плечи, заставляя горбиться, гонят куда-то. Потом становятся путями на ногах, и вот он плетется еле-еле, потом срывается с места едва ли не бегом. Жажда замучила. Отыскал взглядом магазин, купил две бутылки воды и осушил. Куда что делось? Кажется, и не пил вовсе. Выпил еще бутылку. Звон преследует его. В горле стоит чад горелой тряпки. И вода не помогла. Дума, ржавым гвоздем застрявшая в мозгу, вылезла наружу. Небесные жители изощренно измываются над людьми, как и когда пожелают. Страх, необъятный страх черным дымом обволакивает его, стискивает до дрожи в ногах, гонит и не дает остановиться. Стиснуть зубы. Ни звука. Ни стопа. Снова городская улица. Лечь бы, но некуда – земля горит. Что это, помутнение рассудка? Он перестал ориентироваться во времени и пространстве...

Вспыхнули разом все окна большого дома и ослепили его. Он напуган себе беспомощного слепого крота. Но слух доносит до мозга все новые и новые звуки. Рот наполняется вязкой слюной. Громовые шаги. Страшные, в одном ритме с шумным дыханием шага. Кто это? Тембал? Но звон колокола перебивает все звуки.

Нана подняла голову, поставила наземь миску с фасолью. «Что ты сделал? Попал? Недаром говорят, выбил глаз играючи... Бедняжка. Поцелуй ее. Не хочешь? Брезгуешь... Как мучается. Иди-ка в сад, там играй. Оставь птицу, дай ей помереть спокойно». Нана вновь занялась фасолью. Птицу сотрясала предсмертная дрожь. Окровавленный клювик открывался, будто она просила пить. Не успев осознать, что делает, мальчик поднял палку. Зачем бедняжке мучиться?..

***

– Пошли на речку, – предложил Коля. – Я уже ослеп от этих книг. – Он искал глазами надоевшие книги, не найдя, улыбнулся. – Жара такая, не читается. Грех в такой день сидеть дома.

Коля пошел одеваться. Феликс вопросительно посмотрел на Залину.

– У меня купальника нет, – отказалась Залина. – Да и дел полно. И мама, наверно, уже дома.

Она ушла. Парни вышли на улицу.

– Не приняли у нас документы, Коля, – пожаловался Феликс, вздохнув полной грудью. – Батя обещал, что использует все возможности, да вот не вышло... Я одного не пойму: зачем нас обманывать? «Молодым везде у нас дорога, дерзайте, мечтайте»... Брехня это все. Или ложь становится правдой от частого повторения? А может, некоторым и вправду везде дорога. Только не мне...

– Да тебя, Филя, на философию потянуло. А у меня своя философия. Если не можешь ничего изменить, смирись с неизбежностью. Это мой принцип. Не пугайся, я не сам додумался, это одна из светлых мыслей моего пахана.

По пути купили сигареты. Город, похоже, устал от жары и не находил в себе сил казаться веселым и беспечным. Сколько можно противостоять зною и пыли? Людей мало на улицах, прячутся от солнца. Друзья не рискнули соваться в автобус и пошли к озеру пешком.

– Надо было Зину взять, – сказал Феликс.

– Я ни при чем. Обоим предлагал.

– Но я же видел, что она не хотела.

– Вот видишь. И вообще, приятель, что скажу тебе. Научи эту девчонку покорности. Помяни мое слово, скоро она тебе на голову сядет. Такие отношения, как у вас, только в книжках сохранились.

– Брось, Коля, не надо.

– Чего не надо? Вы хоть целовались? Эх, подсмотреть бы разок, как вы лижетесь!.. Ну ты и зануда. Знаешь, что я понял? Скучно с тобой, Филя. Ты хоть раз сказал: пойдём туда, сбегаем сюда, сделаем то, повеселимся так? Все на мне! Ладно, давай по одной закурим. И хватит разговоров о твоём провале, мне от них тошно. Мне и самому надо куда-нибудь пролезть. Выгорит – не выгорит...

На берегу озера полно женской наготы. Пожилые женщины блестят на солнце намазанными кремом спинами. Время от времени они лениво поднимают головы, нашаривают осоловелым взглядом своих внуков,

достают из кошелки какой-нибудь фрукт или сладость и жуют, лениво шевеля увядшими губами, потом снова раскладывают свою плоть под знойными шупальцами солнца.

Парни разделись и бросились в воду. Куда подевалась усталость, уныние. Жизнь прекрасна. Особенно если ты молод и полон сил.

– Глянь, Филя, какие две малышки на катамаране катаются. Видишь?

– Вижу, а что?

– Что, что! Не смотри на них, как на камни, деревья или воду! Пора взглянуть на женщин другими глазами! Или у тебя только с Зиной получается? Поплыли, познакомимся. Или подождем, пока ближе к берегу подойдут? Ладно, вперед! Никаких планов, там поглядим.

Друзья подплыли к катамарану.

– Покатайте нас, – попросил Коля. – Мой друг совсем озяб, видите, зубами стучит. Поможете?

Девушки были явно не местные, скорее всего из отдыхающих.

– Зовите спасателей, – предложила одна.

– Лучших спасателей нам не найти, – тараторил Коля, – мы хотим, чтобы именно вы спасли нас. – Он протянул им пойманную у берега лягушку, девушки, однако, почти не испугались.

– Лягушке места не найдется, отпустите ее, – сказала вторая. – А вас придется подобрать, залезайте. Заодно и педали покрутите, а то у нас ноги устали.

Ребята резво поднялись на катамаран.

– Будем знакомы. Эдвард, – Коля галантно склонил голову. – А мой друг – Валерий.

– Тетка моего младшего сына, – лукаво рассмеялась одна из девушек.

– Как интересно, – не унимался Коля. – А как зовут маму Валерия?

– Ну, скажем, Джульетта, подругу зовут Ира. Впрочем, это не имеет никакого значения, я имею в виду наши имена, можете звать нас как пожелаете. Меня от жары в сон клонит, и я выудила из памяти только два этих имени.

Часа через четыре веселая компания причалила к берегу и устроилась в тени. День был на исходе. Ветерок лениво поглаживал утомленную гладь воды. Коля с наслаждением растянулся на прохладной траве. Чутье не обмануло его: девушки были не местные. Каков будет дальнейший план? Он приоткрыл один глаз и окинул взором пляж. Еще полно народу. Скорее всего, многие после рабочего дня устремились к озеру. На том берегу озера начинается лесистая гора. Канатная дорога неустанно курсирует вверх-вниз, люди в креслах кажутся отсюда диковинными зверьками.

Ближе к вечеру увереннее подаются голоса законные обитательницы озера и питающей его речки – лягушки, их перекличка перекрывают все другие звуки. Коле вдруг вспомнились предстоящие экзамены, он поморщился, как от зубной боли. Еще бы – кругом жизнь бурлит, солнце, небо ясное, девчонки симпатичные рядом, а тут экзамены... Кстати, какая из них достанется ему – они еще не решили, на катамаране шел общий треп. Но так даже интереснее.

Ира с Джульеттой вытерлись, сложили полотенца в сумки и начали одеваться. Парни переглянулись.

– Эй, что это значит? Мы больше не будем купаться?

– Ты озяб, мальчик, – проворковала Джульетта, – ступай домой. А то мама волнуется.

– Мама волнуется у одной языкастой девчонки, – парировал Коля. – Сейчас рано идти домой. Правда, Фи... Валерий?

– А кто говорит, что мы домой? – дернула плечиком Джульетта. – У нас куча дел.

– Давайте вместе займемся делами, вместе веселее, да, Фил... Валерий?

– Угу, – нехотя отозвался Феликс. Он был явно не в настроении. «Вот и связывайся с этим недорослем!» – раздраженно подумал Коля. С таким разве что-нибудь получится? Девчонки просто сбегут от его занудства. Надо было одному идти на озеро, до прихода непрошенных гостей!

Коля вскочил, схватил одну из девушек и потащил к берегу. Та стала вырываться и кричать. Он, смеясь, вошел в воду, девушка крепко обвила его шею руками, чтобы не упасть. Он поцеловал ее, потом оглянулся на остальных.

– Эй, лежебоки, идите купаться! – И прошептал на ухо девушке: – Какая ты красивая! И ты хочешь вот так бросить меня и исчезнуть? А вдруг мы на пороге того большого чувства, которое все ищут и не могут найти? Мы ведь пожалеем оба.

Девушка больше не сердилась. Коля бережно взял ее на руки и вынес из воды.

– Давай смоемся отсюда, прямо сейчас, – он взял свою одежду и ее сумку. – Пойдем, поиграем в любовь.

– Пойдем, если у тебя есть чем играть, – томно пролепетала девушка, явно намереваясь смутить парня.

– Могу показать, – он рывком взял ее руку и... раздумал. Она дерзко смеялась одними глазами. Коля прижал ее к себе и молча повел вверх по речке, впадающей в озеро. Оглянулся и увидел, как те двое поднялись и направились вслед за ними.

Летний вечер застыл на месте. Он словно не желал отпускать солнце на покой до прибытия ночного светила. Вторая пара вскоре догнала первую, некоторое время шли вместе, потом Коля отстал, сославшись на камешек в туфле. Отстала и Джульетта. Парень взял ее под руку:

– Устала?

– Немного.

– Давай отдохнем.

Сойдя с тропы, они укрылись за могучим раскидистым деревом. Юноша почувствовал дрожь в сердце. Руки вмиг стали ледяными. Так бывает с охотником, когда он весь день выслеживает добычу и наконец достигает ее. Лихорадка быстро проходит, и охотнику остается лишь направить оружие... Коля притянул к себе голову девушки и нашел губами ее губы.

– Какой шустрый мальчик, – рассмеялась она. – Ты у мамы спросил?

– Я в таких делах с мамой не советуюсь, – Коля хотел сказать это

тоном уверенного, видавшего виды мужчины, но вышел жалкий лепет. Не мешкая, он схватил ее в объятия и стал покрывать поцелуями ее лицо, шею, плечи, и девушка с охотой отвечала ему.

Вечер наступил внезапно и густой темнотой накрыл деревья. От тела и волос девушки шел аромат ушедшего солнца.

– Почему ты бегаешь по берегу одна? – спросил вдруг Коля. – Я зову тебя, а ты не слышишь, все убегаешь да убегаешь.

– О чем ты? – удивилась Джульетта.

– Или ты получаешь свободу только ночью? Трудно жить одинокому. А может, тебе противна эта жизнь, и ты обратилась в картину на стене?

Девушка с плаката подмигивает Коле и бежит по берегу. Оглядывается на бегу, зовет его, манит... Поймай, я иду. Возьми меня с собой, за тобой я пойду куда пожелаешь.

Теперь они вдвоем – одно существо, одно желание, одно сердце, одна кровь в соединившихся жилах. Девушка издает долгий стон и мотает головой, мотает. Нет в мире никого, кроме этого двуединого существа. Кажется, земля остановила свое кружение. Только шепчутся над головой листья, словно встретились после долгой разлуки, словно угрюмо постились весь день, а после вечернего разговения заговорили вдруг без остановки...

Но поймай... Все, что чувствует сейчас человек, кажется, снизошло на него с небес. Было нечто связующее и управляющее миром. Это нечто ласкало его в темноте. Сначала нежно. Очень нежно. Эта нежность прошла сквозь века, пронизала и пленила Колю. Только исходила эта нежность не от него самого. Она исходила от воды, от грозы, от материнского молока, от теплого дыхания животных, от взгляда матери на новорожденного, от прохладных речных камней, от растений. А еще шла эта нежность от тихих былинных мест, от рук, вытирающих лезвие косы горстью сочной травы, от воркования голубей под стрехой, от дождя, шелестящего по склонам холмов. Она дышала свежестью и пересекала опаленные пустыни, заставляла тигра со стоном рухнуть к ногам тигрицы, заставляла океан плакать, а козлят дрожать от радости. Эта нежность шла из глубин, и надо было глубоко копнуть, чтобы до нее добраться. Джульетта без усталости шла ей навстречу и открывалась, открывалась.

Мягкие руки Коли с каждой минутой становились жестче, они причиняли девушке боль, но эта боль была слаще спелого плода.

В неутолимой жажде он прильнул губами к тысячелетнему роднику, горячему и соленому. Он пил и пил, чтобы окунуться в эту воду с головой и вынырнуть другим, обновленным человеком.

Женщина в стремительном полете неслась над полями, погружалась в теплые озера с мерцающими водорослями. Ей грезились неземные обнаженные существа с яркими лоскутами в руках, она пила эти губы, к которым прилипло выдуманное имя Коли. И вдруг она застонала. И много было в том стоне боли и радости...

Феликс и Ира некоторое время шли молча. Останавливались пару раз, ожидая отставшую парочку. Феликс даже хотел вернуться, но, поразмыслив, стал искать глазами скамейку.

– Мне холодно.

Она и вправду замерзла, во всяком случае, искусно притворялась. Что предложить ей? Одежда на нем легкая, лето все-таки, и вечер достаточно теплый. Он осторожно взял ее руки и зажал между ладоней. Во влажной траве копошилась жизнь. Вдалеке слышалась музыка. Девушка была совсем близко. Она потянулась к нему и поцеловала. В той стороне, откуда доносилась музыка, раздался смех. Вкрадчивые пальцы тихо расстегнули пуговицы, проникли под рубашку. Какая-то третья сила пыталась соединить их силы и их желания.

Все отдалилось – неудачная поездка, неопределенность, – все застывало в оцепенении, потом оттаивало и напоминало о себе, и вновь цепенело.

Неведомая рука одну за другой наугад выбрасывала на небо звезды.

Феликс разулся, посадил девушку к себе на колени. Луна ярко освещала тропу, не оставляя ей никаких шансов на тень и тайну. Феликс пробежал взглядом по всей длине тропы и там, где она убегала в темноту, увидел силуэт Залины. Вздрыгнул, высвободил одну руку и протер глаза. Стоит. Или чудится? Нет, это она. Машет ему рукой, потом вдруг начинает убегать, вновь возвращается. Не окликает его, но и не уходит.

Это приходит к человеку неожиданно. Откуда – никто не ведает. Кого обойдет стороной – тот живет спокойно. А кого не обойдет... Того мучает, изматывает, толкает лбом о стену безответных вопросов, отнимает силы, а потом вдруг переменится и вливается в человека живительным соком уверенности и новизны.

Они играли во дворе. Феликсу нравилось обижать глазастую девчонку. То мяч выбьет из рук, то толкнет. Бывало, несет домой ее портфель, а потом вдруг бросит на полпути. Наберет выученные наизусть пять цифр телефонного номера, дождавшись голоса, бросает трубку.

Она обиженно смотрела на него умными глазами, но никогда не жаловалась и не плакала.

Он делал вид, что любит лунной дорожкой, а сам попросту прятался за лунным светом, чтобы спокойно думать о Залине. Сохранить чувство, родившееся столь рано, не хватит никаких сил, физических и душевных, но Феликса это не пугало. Он протягивал ей упавший мяч, давая понять, что так будет всякий раз, а понадобится носить за ней портфель до скончания века – он и на это согласен. Потому он иногда обижает ее...

Тропа оторвалась от земной тверди и скручивается в спираль. Залина повернулась спиной и собирается убежать на школьный двор. Что он делает здесь? С кем он? «Ты что это, пацан, готов сбежать, едва почувешь запах женской подмышки? – Он так и слышит голос приятеля и видит его презрительно скривившиеся губы. – Время кошек-мышек прошло, мы уже взрослые. Будь мужчиной и следуй мне во всем, не то...»

Прошлым летом Коля ездил на море и там «познал женщину». Так он говорит. Любит смаковать в подробностях. Именно после этого он стал повторять: «Будь мужчиной, не то...» Феликс понимает, что значит «не то». Если Коля отвернется, кто будет его проводником по жизни? А она, как известно, огромна, трудна, непонятна. С отцом ему не по пути. Залина скрылась за школьными воротами. О матери и говорить нечего, на что

ему советы женщины. Тропа перестала извиваться в воздухе и степенно вытянулась по земле. Там, где она ускользала в темноту, медленно таял силуэт Залины. Феликс медленно снял с шеи руку Иры.

– Согрелась?

Он не ждет ответа, он встает. Зачем он здесь, с кем?

– К тебе пойдем, Валерий?

– Все по домам, я тороплюсь.

– Фи-и, и это все?

– Все. На вторую серию пригласи другого партнера.

Он пытается взять девушку под руку, она сердито вырывается:

– Псих! Лечиться надо! Сидит тут, в землю уткнулся и грезит о чем-то. Ты мне вечер загубил!

– Темно, я провожу тебя.

– Такой вечер пропал!..

Тропа закончилась, они вышли на аллею. Вечерний парк пуст. На танцплощадке играет музыка, чистый ветер доносит ее, как на ладони, без малейших искажений.

Монумент охраняет вход в парк. Столько лет стоит – и не устает. Сильный, крепкий. Это памятник тому, кто принес народу наршу новую власть. Он вырвал свободу из рук угнетателей и раздал угнетенным. Вот тебе, а это тебе, тебе тоже, тебе... Всем хватило? Живите счастливо. «Мы сбросим ярмо вековое, мы новую жизнь, как невесту, в дом приведем». Такие стихи.

Черная статуя стоит у входа в парк. Юноша остановился перед ним. Ира покрутила пальцем у виска и исчезла в темноте. Памятник страшно вписывается во тьму. Огромный, сильный, с жуткой улыбкой, от которой мороз по коже. Это хорошо, боятся – значит, уважают. Говорят, он и в жизни был такой – железный, значит. Феликс не мог разглядеть могучую руку завоевателя новой власти. Может, он опускает ее в темное время суток? А утром снова поднимает. Преодолевая страх, юноша подвинулся к изножью статуи. Теперь он видел только огромные черные сапоги на постаменте. Сильный, уверенный в себе мужчина ступал по земле, и земля под ним содрогалась. А когда он ехал в автомобиле, ишачьи упряжки бедных наршу со страхом жались к обочинам. Такие при жизни никогда не протягивают руку перед собой, а самонадеянно держат ее за широченным ремнем. И только на постаменте указующая рука эффектно выбрасывается вперед...

Феликс поднял глаза на статую... Тембал опустил руку. Он засунул ее за ремень. Юноша протер глаза, укусил себя за руку. Попятился – и побежал со всех ног. Статуя захохотала громовым смехом. Юноша бежал, смех следовал за ним, потом обгонял его и звучал впереди еще страшнее и громче, не давая ему спрятаться...

Перевод с кабардинского Ларисы Маремкуловой

ШАВАЕВ ХАСАН ИСМАИЛОВИЧ

Х. И. Шаваев родился 19 ноября 1937 года в с. Кёндеден. Детство у него прошло в Киргизии, в депортации. Свои первые рассказы Хасан написал на киргизском языке.

Окончил факультет журналистики Бакинского университета им. С. М. Кирова. Член Союза писателей СССР и Союза журналистов СССР, заслуженный работник культуры КБАССР и КБР, лауреат премии Министерства печати и информации КБР «За мир, согласие и дружбу», награжден почетными грамотами Союза журналистов СССР, Парламента КБР. Около 30 лет возглавлял отдел культуры, литературы и искусства республиканской газеты «Коммунизмге жол» («Заман»), сейчас работает редактором отдела прозы литературного журнала «Минги-Тау».

Перу Х. И. Шаваева принадлежат романы «Къара эмина» («Черная чума»), «Ит жыйын» («Собачья свора»), «Дуня жажаними» («Земной ад»), «Огъары Чат» («Верхняя Чат»), «Анала ауазы» («Голос матерей»), «Потомки Акбая»; повести «Ыйыккыны ахыр кюню» («Последний день недели»), «Асият», «Ач эшикни -менме» («Открой двери – это я»), «Жерни кёзлери» («Глаза земли»), «Кюбюрде табылган повесть» («Повесть, найденная в сундуке»), «Тузакъ» («Западня»), книга воспоминаний «Годы» и другие. Хасан Шаваев – составитель антологии балкарской прозы (1996).

Произведения Шаваева переведены на русский язык. Среди них повести «Последний день недели», «Асият», «Глаза земли», «Западня», «Повесть, найденная в сундуке» и многие рассказы. Его произведение «Письмо, пришедшее из ада» включено в антологию «Современная литература народов России» (Москва, 2003).

Произведения Х. Шаваева обогатили балкарскую прозу образной насыщенностью, подлинными национальными характерами, яркими образцами афористичности и выразительности родной речи.

Кредо писателя сложилось из его жизненной позиции, воплощенной в активном участии в общественной и культурной жизни республики. Будучи по убеждениям и поступкам подлинным патриотом и интернационалистом, Х. Шаваев в своей творческой и практической деятельности ищет пути сближения наций, воспитания в каждом уважения к истории и культуре всех народов. Немало сделано им для укрепления творческого содружества всех литераторов братских республик Северного Кавказа. Являясь более 40 лет руководителем отделов республиканской газеты, а затем и журнала, Х. Шаваев знакомил балкарского читателя с лучшими образцами творчества писателей и поэтов соседних регионов, прежде всего – Карачаево-Черкесии.

Х. И. Шаваев плодотворно работает как в литературе, так и в журналистике, щедро делится своим богатым опытом с молодыми.

ГЛАВНАЯ ТЕМА – ЖИЗНЬ

Так уж нередко бывает – одни приходят в литературу энергичным шагом, окрыленные первыми успешными рассказами и стихами, другие долго и мучительно примериваются, прежде чем сделать этот шаг. К последним, пожалуй, относится Хасан Шаваев.

Долгие годы работы в журналистике, многочисленные командировки по городам и селам республики, тысячи встреч с людьми интересными и самобытными, очерки и корреспонденции по заданию редакции и без заданий.

И ещё – масса исписанных блокнотов, память, обогащенная увиденным, услышанным, прочитанным, пережитым...

Всё это прошел Х. Шаваев до первой книги рассказов. Впрочем, «прошел» – это неверно. Он и сейчас в пути, но более умудренный и наблюдательный. И не только как журналист, но и как прозаик, который обрел свое лицо в балкарской литературе.

Несмотря на широкую популярность балкарской поэзии, художественная проза – это мерило зрелости любой национальной литературы – у нас утвердилась сравнительно недавно. Сначала шли художественные очерки, новеллы, рассказы – эти необходимые и надежные мосты к крупным эпическим жанром. А затем, в течение нескольких десятилетий, на языке Кязима Мечиева и Кайсына Кулиева выросла молодая кавказская проза.

Вслед за старшими литераторами, сделавшими первые шаги, появляется энергичная дружина молодых писателей. Это Зейтун Толгуров и Алим Теппеев, Жагафар Токумаев и Хасан Шаваев, Башир Гуляев и Ибрагим Гадиев, творчество которых становится достоянием читающих не только на балкарском языке. Конечно, еще рано говорить о том, что балкарская проза обрела четко очерченные национальные черты, как наша поэзия. Но одно несомненно – это на верном пути.

И тому доказательство – книга Хасана Шаваева «Последний день недели», объединившая две тематически разные повести.

Повесть первая показывает людей и события послевоенных нелегких лет.

Стремительное развитие конфликта между родными братьями – Сафаром, фронтовиком, и Харуном, избежавшим призыва на фронт, обсто-

На снимке (слева направо): Эрдни Эльдышев – председатель СП Калмыкии, Анатолий Парпара – секретарь СП РФ, Хасан Шаваев, Хасан Тхазеплов

ятельный показ людей и событий того времени определяют остроту сюжета повести.

Молода балкарская проза. Но ещё более молода тема рабочего класса в нашей литературе. До повести Хасана Шаваева «Звёздная гора» не было, пожалуй, ни одного крупного произведения, героями которого были бы рабочие, инженеры. Так уж случилось, что тема эта как-то осталась в стороне. Образы героических строителей БаксанГЭС, Тырнаузского комбината, представители многотысячной армии рабочих, надо надеяться, заинтересуют литераторов.

В основе повести Хасана Шаваева «Звёздная гора» лежат документальные события, имевшие место в горняцком городе и на молибденовом руднике. Герои имеют прототипов, знакомых нам современников – знатных горняков страны.

Главный герой повести, Идрис, – фигура в некотором роде типичная для горняцкого городка.

В нелегких условиях горняцких будней раскрываются лучшие черты Идриса – человека не только волевого и целеустремленного, но и исключительно сердечного и верного настоящей мужской дружбе.

Образ будущего героя-горняка писатель не преподносит читателю в готовом виде. Он, этот образ, раскрывается и обогащается по ходу сюжета в тесной связи со всеми явлениями в жизни рудника, в жизни горняцкого городка. Мы видим Идриса в конфликтных сценах, где честный, но порой наивный человек горько переживает и негодует при виде подлости и лицемерия. Каждая встреча с такими явлениями вызывает в Идрисе не только протест, но и желание бороться за справедливость, за человеческую честь и достоинство.

С началом испытаний новой техники на руднике разворачиваются важные события. Долго решает начальство, кому доверить это весьма серьезное, государственной важности дело. Наконец, такого высокого доверия удостоивается бригада Идриса. Известно, что вожак скоропроходчиков не всегда бывает решительным, принимаясь за новое дело. Но все знают и то, что начатое он с честью доведет до конца. Идрис становится опытным и волевым горняком. Но он отлично знает, что без людей, доверяющих ему, без их коллективного опыта и знаний удачи не жди. Это, пожалуй, важнейшее преимущество Идриса – бригадира.

Ценой большого физического и психологического напряжения удастся горнякам побить всесоюзный рекорд в скоростной проходке. И это сильнейшее напряжение автору удалось показать вполне правдиво, глубоко и динамично. Это – безусловная удача писателя.

Талантливый журналист и писатель Хасан Шаваев еще мало знаком русскому читателю. Но можно с уверенностью сказать, что его новые повести найдут, непременно найдут путь к сердцу новых читателей

Эльдар Гуртуев

ПУТЬ СЛОЖНЫЙ И ОТВЕТСТВЕННЫЙ

За плечами Хасана Шаваева более полувека творческой деятельности.

Путь его к профессии, казалось, был предопределен, и он шел по нему, упорно разрабатывая в балкарской литературе нелегкий и весьма обязывающий жанр – прозу. Правда, по молодости грешил стихами, сочиняя их не только на родном, но и на киргизском языках.

Однако по складу натуры и мироощущению Хасан Исмаилович тяготел к более масштабному отражению жизни.

Творческий поиск своего места в литературе для Шаваева и сложен, и ответстен. Но он как личность упорен в достижении цели, поэтому берется за решение все более объемных задач. С течением времени он предлагает читателю ряд серьезных произведений, рассказывающих о сиротских судьбах в контексте трагической судьбы народа. Такова, в частности, книга «Открой двери – это я».

Знаковой с точки зрения возросшего уровня художественного отражения действительности явилась его повесть «Глаза земли» (1976), в которой автор поднимает нравственные проблемы молодежи. Психологический надлом, поиски места в жизни, попытки уйти от проклятого прошлого – войны и депортации, – именно эти вопросы волнуют автора, наблюдающего за временем и бытием.

Сегодня Хасан Исмаилович – сотрудник журнала «Минги-Тау» и намерен ещё немало сделать для национальной литературы. Мы верим, что впереди у него и лучшие книги, и исполнение надежд.

Светлана Моттаева

БРАТЬЯ ПО ПЕРУ О ТВОРЧЕСТВЕ ХАСАНА ШАВАЕВА

***

Произведения Хасана Шаваева, посвященные проблемам человека или повествующие о событиях далекого и недавнего прошлого, читаются всегда с неизменным интересом. Каждая его книга – заметное явление в балкарской литературе. Хасан Шаваев – великий труженик, большой писатель.

Ибрагим Гадиев

***

Если у нас есть несколько писателей, несущих чудо-слово, то один из них, безусловно, Хасан Шаваев. Он привнес в литературу свой самобытный голос, свою походку, свое видение мира.

Если работа писателя – путешествие во времени, то Хасан Шаваев – путник, ищущий в прошлом, настоящем и будущем.

Ибрагим Бабаев

***

Хасан Шаваев – один из ведущих балкарских прозаиков, у которого свой самобытный голос, свой мир красок и человеческих судеб. Я высоко ценю его бесхитростную, полную драматизма прозу, и считаю, что он сложившийся хороший балкарский писатель.

Алим Тенгеев

***

Проза Хасана Шаваева зрела и мужала в унисон с поступью всего литературного процесса, отражая, безусловно, этнобытие и рост общественного сознания в контексте исторических преобразований и нравственных исканий личности.

Произведения Шаваева привлекают своим национальным обаянием, они полны уюта и тепла, а сердечная элегическая манера повествования позволяет выделить писателя в ряд самых близких балкарскому читателю авторов.

Светлана Моттаева

***

Хасан Исмаилович Шаваев испытал на себе тяготы и лишения высылки, увидел мужество мужчин и женщин, не потерявших веру в то, что рано или поздно раскроется несправедливость в отношении балкарского народа и люди снова обретут родину. Но в беде не все люди остаются в одинаковой степени верны человеческим ценностям и теряют облик свой.

Обо всем этом написаны его рассказы, повести, романы.

КРЫЛАТЫЕ ГОДЫ ХАСАНА

Недавно я прочитал еще одно произведение известного балкарского прозаика Хасана Шаваева – «Письмо, пришедшее из ада». Этот рассказ свидетельствует о том, что автор не измышляет образы своих героев, а берет их из реальной жизни, которую знает хорошо. Хасан Шаваев никогда не ограничивается изображением голого факта, даже если он сам по себе интересен, а доводит факт до уровня художественного воплощения. Этим отличается всякий настоящий писатель от ремесленника.

Меня по-хорошему удивляет и то, что Хасан строит сюжеты свежо, нешаблонно. И к композиции он относится очень ответственно. Впрочем, кажется, я начинаю вторгаться в пределы, которые находятся в компетенции критиков и литературоведов, выходя за рамки моего желания лишь сказать несколько слов о юбиляре...

*Борис Кагермазов,
кабардинский писатель,
народный поэт КБР.*

Автограф народного поэта
КЧР Назира Якушева
Хасану Шавбаеву на
книжку "Звезда Кавказа"

"Человек глубокого ума и
высокой культуры, доброго
сердца и яркого таланта,
большому патриоту родного
Язика и литературы
Хасану Шавбаеву с
пожеланием всего самого
прекрасного."

12/хII 2009г.
г. Карагайск.

Миссералима
Налогич Редакция поэзии
Коллекция под
Шавбаеву Хасану

Дорогой Хасан Зокреф
1978 года на очередном
заседании секретариата
Союза писателей РСФСР
ваша кандидатура
Союза писателей СССР
этот звание по праву
бимаман

Москва Кайсан Кушев.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ НЕДЕЛИ

Главы из повести

На отшибе песчаной степи стоит село – бесчисленные домики с глиняными крышами. Хотя и не падали здесь вражеские бомбы, а кое-где недостроенные жилища за три-четыре года превратились в руины. Словно веником подмели между ночью и рассветом – не осталось в селе мужчин, и всю тяжесть военного тыла взяли на свои слабые плечи женщины, старики да дети. Они вдоволь хлебнули лиха, оставшись лицом к лицу с черной бедой. Как жить? Тут же прозвучал ответ, похожий на приказ: «Туго подпоясаться, врагам – пулей, а бойцам нашим – опорой стать».

Женщины села и пахали, и пасли скот, и оплакивали погибших на фронте. А недостроенные дома так и стояли, пока не отгремела война, словно затем, чтобы старики увидели на их камнях следы труда своих сыновей.

...А сегодня все село устремило свои взоры на дорогу. Ждут и те, кто давно получил похоронку, и те, кто хранит последнее письмо с фронта уже многие годы. Каждый из них приберег суюнчю, избегая горе призрачными надеждами.

И вот однажды по этой дороге приехал в село Сафар, чтобы отыскать свою семью в таких местах, какие и во сне ему не снились. Тут же босые и голопузые ребятишки окружили его. Поняв, что Сафар чужой, они долго шли за ним, перешептываясь о чем-то на своем языке и не решаясь заговорить громко. Старший из них бросился вперед во главе ватаги, поднимая клубы придорожной пыли, крепко держа одной рукой краснозвездный картуз, а другой – широкие штаны, подметавшие улицу. Он, словно за ним гнались, запыхавшись, вбежал во двор Дахира. Мальчик долго и безуспешно что-то бормотал и показывал пальцем на улицу, а Дахир сидел под тополем и горским ножом выстругивал палку. Наконец, он тяжело поднялся и, подойдя к мальчугану, вопросительно поглядел на него, погладив по голове.

– Дахир-ака... военный... с большим чемоданом... наверно, ваш родственник... – Последнее слово мальчик выговорил по-киргизски. – Вон там. – Мальчик за руку потянул Дахира на улицу.

Печальные глаза старого горца неожиданно вспыхнули. Он пытался вложить нож в ножны, но попадал им в кожаный с серебряной насечкой ремень. Мальчик, заметив дрожащие руки старика, помог ему и уже на улице нерешительно вдруг спросил:

– Дахир-ака, а мой суюнчю?

– Дороже вещи у меня нет, – ответил старик и, расстегнув на себе ремень с серебряными узорами, протянул его мальчику.

Все село сбегалось к Сафару. И те, кого Сафар знал, и совсем не-

знакомые теснили друг друга, чтобы расспросить его о своих близких на фронте.

– Не бойтесь, война уже кончилась. Не волнуйтесь, все скоро вернутся домой. Не плачьте... – утешал он как мог.

– Входи в дом, сынок, – сказал Дахир, глубоко вздохнув.

А Сафар с волнением оглядывал окруживших его людей и не находил своих. Стоял он среди толпы, ничего не видя, словно глаза ему засыпало песком от взрыва вражьей бомбы; стоял с бьющимся сердцем, бледным лицом, не различая белого света. «Как же так? Ведь моя семья и старший брат живут в этом селе. А раз так, почему их здесь нет? Среди такого количества людей неужто их нет?»

Сафар снял шапку и, вынув из кармана носовой платок, вытер пот со лба. Расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, словно воротник мешал ему свободно дышать. Колени дрожали, и он прислонился спиной к тополи, пытаясь опомниться, еще раз окинул взглядом собравшихся во дворе Дахира. А когда опустил голову, густые черные брови укрыли собой потемневшие зеленые глаза.

Понимая состояние Сафара, люди по двое, по трое тихо покидали двор...

– Сын мой, пошли домой, – сказал Дахир, прикрыв трясущийся подбородок. – От судьбы разве уйдешь?

* * *

В селе все помнили и жену Сафара – красавицу Мадинахан, и троих его детей: малышку Марзият, Ануара и Назира, любивших более всего на свете кататься на ослике. Жили они, Мадинахан и дети, ожиданием Сафара, и лампа в их доме никогда не горела тускло.

Но однажды дым из трубы их дома не пошел. Очаг погас. Горе, постигшее молодую семью, многих привело в трепет.

«На все воля Аллаха...» – думали одни, успокаивая себя и других, не желая спорить со Всевышним.

– С тех пор как помним себя, мы были близкими соседями, – начал Дахир сквозь слезы, опершись подбородком на свою палку; дни-отметины на ней отсчитывали время с того дня, когда уехали с Кавказа, и уже занимали больше половины палки. – Ни я, ни моя жена Жамий не умерли с голоду. – Дахир снял с головы белую войлочную панаму и рукавом полотняной рубашки отер с лысины пот. – Люди этого села – хорошие кунаки и очень добрые. Будем жить вместе. Пока мы живы, ни я, ни моя старуха не будем тебе обузой. А если ты хочешь жить с братом, это дело, конечно, твое. Из одной кошары вышли оба...

Сафар вскочил с места:

– У меня нет брата! – сказал он. Потом постоял, подпирая стену головой и, откашлявшись, едва выговорил: – Не осуждай меня, тамада, нет у меня брата, пусть забудет мое имя, никогда больше ногой не ступлю на его порог!

* * *

– Горький час, которому не вижу края, зачем пришел по мою душу? – заговорил Сафар, проводя рукой по могиле Мадинахан и вытирая слезы рукавом гимнастерки. – Почему ты заставляешь глядеть меня на эту черную землю?

«Какие теплые руки у тебя, муж мой. Сердце мое чуяло, что вернешься невредимый».

– Прости, что не был рядом в твой последний день, – Сафар в отчаянии склонился над холмиком могилы.

«Плачь, бедняга, плачь пока плачется. Оплакивай меня и невесть где скитающихся наших детей... Почему молчишь? Как мне хотелось услышать твой голос...»

– Бедняжка моя, что случилось с тобой?

«Был последний день недели. Я сходила на базар, купила разную мелочь ребятишкам, вернулась домой. После твоего отъезда впервые они так радовались... Вдруг женщина, почтальон, позвала меня, и я вышла во двор. «Вам письмо, возьмите», – сказала она. Екнуло мое сердце, вспомнила тебя. Взяла письмо, свернутое треугольником, и долго стояла, не в силах сдвинуться с места – так дрожали ноги, так ныло внутри. Назирчик выскочил из дому и вцепился в мою руку. «Что случилось? Что с тобой?» – забеспокоился он. А увидев в моей руке письмо, сам затрепетал не меньше меня. Он решил, что это «черная бумага», тут же заплакал и стал тереть кулачками глаза. Бросились на улицу и Марзият с Ануаром. Но вот я пришла в себя и повела детей в дом, а там протянула дрожащей рукой письмо Назиру. «Мама, почему ты плачешь? Это письмо из Алма-Аты», – засияв покрасневшими глазками, сказал он. Тут и моя душа встала на место, и дети повеселели. Назир громко, чтобы мы все слышали, прочел письмо:

«Мадинахан, после долгих поисков я еле нашла, где ты живешь. Кто там еще из наших? А сами-то вы как проживаете? Какие вести от Сафара? Мадинахан, клянусь отцом, ничего хорошего сообщить тебе не могу...»

В глазах у меня потемнело, я потеряла силы. «Не читай дальше», – едва смогла я разомкнуть ссохшиеся губы. Но разве душа будет на месте, если не узнать, что там в письме написано?

«Твоя мать и мы ехали с Кавказа в одном вагоне. Клянусь Аллахом, дорога тянулась четыре дня и четыре ночи. А мать твоя все плакала о вас и сыновьях, что были на фронте. Однажды ночью люди долго не отходили от ее постели... Бедная, она даже не смогла сказать заветных слов напоследок. Когда поезд остановился, похоронили твою мать. Не знаю даже, какая это была станция... Дай бог тебе больше не видеть горя. Пусть это горе будет последним для тебя... Всю жизнь о тебе тосковала, бедная...»

Неизвестно было, от кого пришло это письмо. После того дня я не смогла уже встать с постели. А конец этой болезни ты и сам видишь какой... Муж мой, я знаю, тебе больно слышать мои слова. Ты и так много пережил на войне. Но не упрекай меня за то, что не смогла сохранить возле себя твоих детей... за то, что не дождалась тебя... Почему же ты молчишь?»

– Я очень жалею, что не погиб на войне.

«Не говори так. Хвала Аллаху, что наши дети не осиротели совсем. Постарайся найти их. Кто умер, тот умер, а живым надо жить. Возьми себя в руки, создай семью. Видно, судьбой назначено было нам так... И смени гнев на милость к единственному брату своему».

– Нет у меня брата.

«Люди осудят».

– Нет у меня брата!

...Дахир молча подошел к Сафару и, взяв его под руку, вывел с кладбища.

II

День был ясный. Пора только-только зацветающих весенних деревьев. Но солнце еще не припекало спину, и поэтому, видимо, даже на южных склонах еще нет травы. Мелкая скотина безуспешно целыми днями тычется мордой в землю – нет корма.

Старики и так и сяк обмозговывают поздний приход весны. Одни говорят, что виновата затянувшаяся осень, другие сетуют на трудную тяжелую зиму. «Поздняя весна – сухое лето», – тревожатся третьи.

– Да, – начал один из стариков, сидевших на ныгыше, задумчиво поглаживая длинные жидкие усы и встречаясь лукавым взглядом со всеми поочередно, – я приму грехи того, кто боится засушливого лета.

Его с детства кроме как Тоший никак не называли, хотя родное его имя было Ахмат.

– Кто это? – спросил только что подошедший Дахир, прикладывая руку козырьком к глазам.

– Клянусь Тейри, Дахир, своего соседа ты уж сам лучше кого-либо должен знать.

– А-а, да это же Харун, – сказал Дахир. – Напрасно грешите на него. Он не такой бессовестный, как вы думаете.

– Клянусь верой, если он ради богатства не продаст свой род...

– Окстись, отчаянный!

– Не спорь, Дахир, я хорошо знаю, что говорю.

Харун, не подходя к старикам, прошел стороной.

Испокон веков был не в чести тот, кто порочил соседа. Кто знает, не этот ли обычай заставил сегодня Дахира покрывать Харуна. Люди не любили Харуна за чванливость. А кто из начальства в селе не заносчив? Что и говорить, благоденствует Харун. Дахиру кажется, что он в своих руках держит все колхозное добро. Каждый таков, кто владеет хорошо языком да грамотой. И брата своего Сафара послал учиться в Исси Суу, понимая пользу образования. Правильно делает. Умеет жить. Пусть такие, как он, молятся на советскую власть. Раньше-то подобных Харуну и за людей не считали. А теперь, ишь ты, советская власть прямо-таки для них народилась...

Старики судили Харуна и так и сяк, живого места не оставляя. Тоший, начавший этот разговор, снова лукавил, взглядом окидывая присутствующих. А потом глубоко задумался, словно сожалея о содеянном. Разом

все старики умолкли. Пауза была долгой. Но вот Тоший снова приподнял голову и, не зная, с чего начать разговор, засмотрелся в небо. Прихватив губами кончик уса, пожевал его.

– Клянусь Тейри, Тоший, ты напрасно воюешь и с Харуном, и с советской властью; как бы не оказаться тебе там, куда взгляд не долетит, – заговорил один из стариков, поднявшись с места и отряхивая палкой полы бордовой черкески.

– Я никого не осуждаю, спаси Аллах, – сказал Тоший. – Ты с советской властью не шути. О ней тут никто не заикался. А что Харун хвастун, так об этом все говорили. Это я ему самому в лицо могу сказать – я что, боюсь его?

– Ой, смотри на него, вон как из глубины глаза-то горят.

– Дались тебе мои глаза, не твое дело! – огрызнулся Тоший и, не попрощавшись, пошел прочь.

– Не торопись, вместе пойдем, – предложил Дахир.

– С сегодняшнего дня с вами не вожусь, – обернулся Тоший. – Смотрю на вас, да вы все что угодно навешаете на человека. С Харуном не шутите – вы же знаете его норы. Клянусь верой, вовек никому не простит. Помилуйте, не бросайте в огонь мою голову.

– Эй, Тоший, ты ведь сам бросаешься в полымя-то, – сказал Дахир.

Старики засмеялись... Тоший разозлился и начал осыпать всех бранными словами. Дахир покачал головой и примирительно произнес:

– Оставьте его, не будем больше мучить беднягу.

Вслед за Тошим потихоньку разбрелись и остальные.

* * *

К вечеру погода испортилась. Багровые тучи, тесня друг друга, нависли прямо над селом. И тут же засверкали молнии, однако грома не было. Вскоре ливень, иссеченный молниями, обрушился на землю. А следом грянул такой зловещий гром, словно обрушились горы.

Жена Дахира Жамий ушла вглубь комнаты, подальше от окна и двери, и стала молиться богу, словно впервые видела грозу. Дахир, поняв состояние жены, быстро вышел во двор, с грохотом закрыл ставни и вернулся в комнату. И вскоре гром сменился треском огня в горском очаге, в котором горел сухой валежник лесного орешника. Над огнем кипел полный казан. Лицо Жамий, охваченное румянцем, светилось, словно лик двадцатилетней девушки.

Дахир сидел, прислушиваясь к треску огня, глубоко задумавшись. Жамий, положив подушку ближе к огню, села штопать что-то старое. Сколько живет она с Дахиром, а не помнит, чтобы перечила мужу. И Дахир никогда ни в чем ее не укорял. Одна у них печаль: не добром Аллах их обидел, а потомством. Ну что ж, не их одних обошел Аллах детьми – так и живут, этим утешаясь.

Дахир медленно, словно мешал тяжелый груз, встал с места, пошел, чуть сгорбившись и с трудом передвигая ноги, к топчану и лег. Когда

Жамий увидела его, заохолодела ее душа, дух захватило, в глазах зарябило. И она, тоже с трудом поднявшись, встала над Дахиром.

– Что, дочь Жарнесов? – спросил Дахир, снимая с головы ночную кожаную шапочку.

– Я-то ничего, а вот ты что? – заволновалась Жамий. – Или что болит, отчего такой разбитый?

Дахир молча лежал на спине, устремив к потолку глаза. Лицо его напоминало изборожденную пашню. Жамий еще больше заволновалась. Она нагнулась и стала расшнуровывать его нучи. Дахир оторвал голову от подушки и присел на топчане, свесив ноги. А потом взглянул в лицо Жамий с еле уловимой улыбкой, и от сердца у нее отлегло.

– Дочь Жарнесов, чего это ты стоишь с таким лицом? – спросил Дахир и позволил вдруг себе жест, которого она давно не помнила: шершавой ладонью провел по руке жены. – Собирай стол, да на покой давай. Суставы сегодня ломит что-то, словно меня дубиной месили...

– Эй, мужчина, отложи долю Харуна. Они видели, что ты вечером овцу зарезал, стыда не оберешься...

Дахир положил в большую деревянную чашу мозговую кость, подносимую в знак почета, пару жёрме и куски мяса помельче. Жамий мысленно одобрила действия мужа и поднялась было с тяжелой ношей, чтобы отнести ее соседям, но тут раздался резкий стук в дверь. Старики переглянулись. Жамий стояла не шевелясь. Стук повторился.

– Кто там? Входи, дверь открыта! – крикнул Дахир.

Друг за другом в дом вошли двое. Оба не сельские, но одного из них Дахир прежде в селе примечал, слышал, что парень из Баксана, работает в ОГПУ. Его спутник не был похож на балкарца.

Кто бы ни был, что Дахиру-то? Гость от бога, надо угощать его, оказать почести. И Дахир собрался это делать.

– Добро пожаловать, откуда идем? – начал Дахир, пожимая им руки. – Клянусь, никогда не скажете, что тещи вас не любят: к столу успели. Дочь Жарнесов, не стой тут – сделай все, что положено, и быстро возвращайся.

– Садиться мы не будем, – сказал тот, кого Дахир знал со стороны.

– Это как же? Я вас так не отпущу, – Дахир взял гостя за локоть и легко потянул к столу.

– Тамада, мы пришли по служебному делу. Сидеть некогда, а поэтому быстрее одевайся и давай с нами. В сельсовете ждут нас.

Дахир по очереди оглядел пришельцев и жену.

– Чего в такой час в сельсовете? – заговорил он взволнованным тоном.

– Меньше говори, одевайся быстрее!

Услышав эту грубость, Жамий выронила из рук чашку...

Словно водой залили очаг, над которым весело булькал казан.

Дахир, чтобы не выказать минутной растерянности, резко вскочил, схватил ремень с изголовья кровати и туго им подпоясался, всем своим видом стараясь приободрить Жамий. И все же этот жест не успокоил ее. Она знала: в последнее время иногда люди исчезали из села. Но почему постигла Дахира такая участь – это в ее голове не укладывалось...

Рассвет застал Жамий под дождем на пороге дома.

* * *

Черные дни приходят, как тучи, окутывающие горные выси. Черные дни настали для Дахира и Жамий. «Ты оклеветал честных людей, верно служащих советской власти. Ты подбивал людей убить Харуна...» – вот, оказывается, в чем обвинялся Дахир. Он был бессилен опровергнуть ложный донос. Ему даже не указали того, кто оболгал его, придумав эту чушь. Но Дахир упорно верил, что рано или поздно его невиновность будет доказана.

В один из таких дней и туда, где находился Дахир, долетела земная буря, горестная весть – война! И это больнее обожгло Дахира, чем ложное обвинение. Он с подобными ему вышел из острога, преисполненный гнева к врагам, подло напавшим на мирную страну, к тем, кто плетет козни против советской власти, и, горя любовью к родной земле, не стал упрекать ее в своих бедах.

А потом он вызвался идти на фронт – поддержать молодых джигитов. Но на фронт его не взяли. «Помогай своему колхозу», – ответили на его порыв.

Дахир знал, что мужество человека проверяется в суровый час для Отчизны, и поэтому стал работать в колхозе и днем и ночью, не гнушаясь никаким делом, тянул за двоих, за старого и малого. Он выходил косить сено со сверстниками, седобородыми стариками; был пахарем – он давал передышку быкам, но не давал пощады себе, такому же голодному, как и они. И Жамий вела счет своим дням на прополке, на сборе сена вместе с другими женщинами и детьми.

...Умирают парни за советскую власть, то и дело прилетают черные вести в село. И в эти дни, не слезая с седла, носится Харун на лошади, мозоля всем глаза. В то время, когда другие жалеют для себя последний кусок хлеба, делятся им с фронтом, Харун и не думает менять белую муку для калачей на что-нибудь поскромнее. «Как же так? Наши на фронте кровь проливают, а этот тут торчит, охотясь по ночам за вдовами!» – доходят до его слуха толки. А он живет себе, обещая обидчикам скорую тюрьму, закрывая рот людям при каждом удобном случае.

– Видишь этого ублюдка? Молчит свиньей, хотя это он заварил кашу, – сказал Дахир, вороша вилами под навесом сено.

– Оставь, не тронь, а то запахнет... – громко предостерегла Жамий, завидев жену Харуна, выносившую на улицу золу в тазу.

Дахир прикрыл ладонью свой рот, умоляя ее замолчать.

– Ну что ж, я буду молчать. Пусть делает что хочет! – еще громче сказала Жамий.

– Ты на кого лаешь, нищенка? – обернулась к ней жена Харуна, опрокидывая таз с золой на землю.

– Ты кому это угрожаешь? – не осталась в долгу Жамий. – Это ты лаешь как собака. Хоть бы народ собрался на вашу тризну!

– Слышите, что она мне говорит? Сейчас я расправлюсь с тобой! – бросилась она с медным тазом в руках к Жамий.

Дахир схватил жену и втолкнул в дом, а сам постарался уговари-

ми унять жену Харуна. Не из страха, а из-за стыда перед людьми. Но соседки уже высыпали из домов. Близко не подходили, лишь глазели: кто из-за плетня, кто из-за забора...

А когда Дахир поднялся с ведром, подоив корову, то увидел Харуна, стоявшего, опершись на плетень, разделявший их дома. Он был похож на зверя, затаившегося в прыжке, глаза его были неподвижны, по бескровному лицу ходили желваки – он смотрел в упор на Дахира. Харун опустил по ту сторону плетня руку, сжимавшую плетку. Дахир застыл на месте, держа в руке ведро.

– Ты почему не понимаешь, что я терплю только из уважения к твоей старости, – заговорил Харун, играя плетью. – Ты этого не понимаешь? Тебе, видно, захотелось вернуться туда, откуда ты пришел. Или другую напасть ищешь на свою голову? По тебе и плакать-то будет некому: такое с тобой сделаю...

– Я не думал, что ты до такой степени безголовый, – ответил Дахир, поднимаясь по ступеням крыльца.

– погоди! – крикнул Харун.

Но Дахир его уже не слышал.

III

Дни Сафара текут, как у орла с подрезанными крыльями. Ходит, как живой труп: ведь его землю топтали враги, и светлый день кажется ему темной ночью. Сейчас только Дахир мог поддержать и ободрить его. Старик и сам это знал. «С какой бы бедой ни встретился мужчина, он не должен терять присутствия духа», – говорил он Сафару не раз.

Именно его заповедь заставила Сафара взять себя в руки и действовать. Да к тому же мир не без добрых людей – что-что, а это он знал хорошо...

Эргеш, опираясь на два костыля, вошел во двор Дахира и крикнул:

– Есть кто дома?

Дахир высунул голову из дверей землянки, но не сразу увидел пришедшего.

– Дахир-ака, принимаешь гостя? – спросил Эргеш.

Дахир надел белую войлочную панаму на голову, чтобы солнце не мешало глазам, и посмотрел в сторону Эргеша:

– Добро пожаловать, ты для нас желанный гость. Клянусь, если солнце будет так печь, толку мало.

Когда Дахир приблизился, Эргеш попытался встать на ноги, но старик, дав понять, что доволен, тихонько, но твердо положил ему руку на плечо, не дав шелохнуться.

– Как живешь, Дахир-ака? – спросил Эргеш.

– Живу, слава богу, сейчас ничего.

– Дахир-ака, а где твой гость?

– Поехал в райцентр. Из огня да в полымя, как говорится, у него получилось. Горе детей затуманило ему голову, день и ночь в бегах.

– Неужто никаких вестей? Мы все виноваты в этой истории. Как бы ни было трудно, не нужно было выпускать детишек из-под нашего крыла.

Дахир глубоко задумался. Перед глазами встал Назирчик, который чуть свет прибежал к нему домой.

...Кому могло в голову прийти, что Мадинахан постигнет такая участь. Все, кто ходил ее проведывать, говорили: «Болеет, но для жизни не опасно, слава богу». В тот же вечер Жамий была у Мадинахан, сварила хинкали и, добавив кислого молока, покормила малых детишек. Дом сиял от шуток и смеха Мадинахан, и детишки, радуясь, что матери лучше, бегали по комнате. Назир возил на спине из угла в угол Марзиятку и Ануарчика.

Жамий, обрадованная, ушла домой, благословляя Аллаха, пожалевшего сиротскую душу Мадинахан...

Была, кажется, полночь, когда Назира разбудил голос матери:

– Мальчик, ты почему спишь? Тебе говорю, сынок!

– Что ты, мама? – ответил Назир, очнувшись от сладкого сна и растирая кулачком глаза. – Что ты, мама?

– С каких пор зову тебя...

Мальчик подтянул штанишки и подошел к деревянной кровати, где лежала мать. Марзият спала, положив головку на материнскую грудь, а Ануар свернулся калачиком в ногах у матери. Их в сладком детском сне ничто не волновало.

– Амма, согреть хинкали?

– Это потом успеешь... – заговорила она, едва размыкая слипшиеся губы.

– Амма, может, воды попьешь?

– Сынок, пусть люди в дом войдут, а потом...

– Что ты говоришь, амма?

– Мухаммат и Бахай пришли. Не слышишь, что ли? Сегодня всю ночь они мокнут под дождем. А двери открыть сил у меня нет.

Мадинахан повторяла имена братьев, погибших на фронте.

Назир побежал к окну и посмотрел. Во дворе никого не было.

– Сынок, почему не отворяешь дверь?

– Амма, во дворе никого нет. Ушли, может?

– Куда они ушли, несчастные. Беги за ними. Беги, дитя мое. Уйдут, заблудятся.

– Амма, во дворе темно, я боюсь.

– Беги, сынок. Я буду окликать тебя, чтобы ты не боялся. Беги. Знаешь, они тебе какие подарки привезли.

Назир, часто шмыгая носом, приник к окну. Ничего не увидел.

Мать молчала. Назир засветил огарок свечи и, стараясь подавить слезы, подошел к матери. Подошел и приник к ней. Сердце мальчика едва не выскочило из груди, когда он увидел, как по запавшим щекам

матери медленно струились слезы. Он постарался утереть ее лицо ладонью и как мог утешал:

– Не плачь, амма, вот сейчас... Ты не плачь. Я их догоню, верну. Сейчас, амма. Они ушли недалеко.

– Подожди, сынок, подожди, – заговорила Мадинахан, собрав силы. – Не торопись, сами вернутся.

Назир воспрянул духом. Затрепетал как голубь, выпущенный из плена. Он быстро развел огонь в очаге и, согрев хинкали, оставшиеся с вечера, налил два половника в чашку и поднес матери. Мадинахан с трудом повернулась на бок и попыталась бескровными руками взять чашку из рук сына, но сил не было. Тело сотрясала дрожь.

Назир свернул подушку и заложил матери за спину. А потом взял чашку в руки и, встав на колени, подал матери еду. Та поднесла с трудом ложку не ко рту, а к носу.

– Ты что, амма?!

– Ты кто? – Мадинахан оглядела по очереди потолок, стены, Назира...

Марзият и Ануар и тогда не проснулись. А Мадинахан, упав на спину, остановившимся взглядом смотрела на потолок и едва шевелила губами.

Назир попытался растолкать Марзият и Ануара, но те не просыпались. Они лежали на остывающей груди и сладко спали, не чуя, что это их последняя ночь с мамой. Назир еще не понимал, что мать покидает его, как покидает землю весенний снег. Он метался между дверью и окном. Ступа, стоявшая во дворе, на мгновение показалась ему страшным зверем. Мальчик бросился прочь от окна и заплакал, закрыв ручонками лицо.

«Это ступа. Та, в которой мать и соседи дробят кукурузу, полученную на трудодни. Не бойся, хороший парень, – услышал он неведомый голос. – Беги, дай знать Дахиру. Не бойся, скоро рассвет. Беги, с тобой будет утренняя звезда...»

Назир набросил старенькую овчину на плечики, засунул ноги в парусиновые туфельки, которые в прошлое воскресенье купила мама, и отбросил крючок на двери. Но выйти не решился, к тому же побоялся громко заплакать – та черная тень еще маячила неподвижно во дворе.

– Сынок, ты где? – окликнула его Мадинахан слабым голосом, еле дыша.

– Амма, я здесь. Что ты? – спросил мальчик, но ответа не было. Назир вышел во двор и, давясь рыданиями, побежал к Дахиру...

«Забери к себе детей, – сказали Харуну хорошие люди в селе. – Пока отец их не вернется, пусть сироты будут с тобой». Однако Харуну этот совет не понравился. Он стоял как истукан, молча потупив взгляд, опустив голову, чтобы никому не смотреть в глаза. «Что с тобой, то и с ними будет. Пока все мы живы, не дадим им с голоду умереть». И снова Харун слова не обронил.

– Люди, – сказал Дахир, хорошо знавший нрав Харуна. – Про-

шу и вас, и Харуна: дайте мне на воспитание детей. Пока душа моя жива, не дам им пропасть...

– Троих ребятишек и государство обеспечит, – рассудил Эргеш, директор школы. – И все же им лучше, наверно, с братом отца будет.

– Не нужно ничьей помощи ни мне, ни детям, – сказал Харун, сделав шаг вперед и вынимая большие пальцы из-за ремня. – Занимайтесь каждый собой.

Нависла долгая тишина. Потом Эргеш, наваясь всей тяжестью тела на костыли, сказал:

– Харун, ты напрасно считаешь за дураков тех, кто собрался здесь. Все хотят, чтоб дети не страдали.

– Меня зло берет, что Дахир суется не в свое дело, – злобно смерил его взглядом Харун.

– Не кричи, Харун, – спокойно ответил Дахир.

– Еще как буду кричать, еще как...

– Как ты говоришь со стариком? – оборвал его Эргеш.

– Он со дня моего рождения портит мне кровь, – сказал Харун.

– Я хочу знать, что ему от меня надо!

...Дахир очнулся от дум, огляделся, поднял тяжелую голову. Он не слышал, о чем говорил Эргеш. Потом встал и рукой дотронулся до спины Эргеша:

– Пойдем в дом, чего во дворе стоим. И Сафар будет скоро. Попросим, чтобы дочь Жарнесов угостила нас.

– Нет, спасибо, – сказал Эргеш, – в дом не пойду. Дело было к гостю твоему. Говорят, Сафар – ученый человек, а у нас учителей не хватает. Как хорошо, если бы у нас поработал. А он думает здесь оставаться?

– Оллахий, Эргеш, он сейчас сам не свой, ходит как потерянный. Но куда он денется? Ни за что не отпущу его отсюда.

– Да, Дахир-ака, сам видишь, в селе положение не ахти, таких людей здесь придержать надо...

Алла СКОРЫХ,
журналист

ПОЭТ – ОН С НЕБОМ ОБРУЧЕН

Свой юбилей отмечает известный поэт и журналист, редактор и переводчик, литературный критик и эссеист Светлана Моттаева.

Поэтическая строка в названии взята из стихотворения Светланы Моттаевой. И она как нельзя лучше обозначает ее литературную суть, дает ключ к личности поэта – сложной, многосоставной и в то же время цельной.

Помню первоначальные творческие шаги Светланы, которые на моих глазах она обретала в пору журналистской деятельности на телевидении. Тогда она часто мне читала свои стихи, в которых я почувствовала, что у молодой журналистки к тому же зримый поэтический дар – с яркостью мысли, живописностью, напевностью. Говорю: «Надо печататься, обнародовать свои стихи...» Однако Светлана еще долго «таила себя», относясь к себе исключительно требовательно, считая, что не достигла тех необходимых, на ее взгляд, высот, чтобы отдать свои творения на суд читателя. Как-то призналась, что долго не брала в руки перо, прочитав, что поэму «Руслан и Людмила» Пушкин написал в семнадцать.

Но время шло, оттачивалось мастерство девушки. Кайсын Кулиев, – знакомству с ним способствовала моя журналистская деятельность, – как-то в разговоре со мной очень хорошо говорил о Светлане Моттаевой, по достоинству оценивая ее поэтические способности. Он буквально читал в моем сердце, и я была горда, что мои мысли о Светлане совпали с мнением великого поэта. Первое, что я заметила в ней, это то, что Светлана – певец природы, тончайший мастер стихотворного пейзажа, рисует его одухотворенным, полным человеческих эмоций. Мир влечет ее невыразимой тайной – где-то в его основе «шевелится» хаос, под златотканым светом дня скрываются покровы ночи.

Сегодня Светлана Моттаева признанный поэт. У нее вышло немало книг: «Тамга», «Сад камней», «Черты», «Полнолуние», «Вершины памяти и чувств», «Избранное» и другие. В строках нет фальши, нет бахвальства, в них веришь.

*О, солнечность,
О, пасмурность!
И свет, и тьма, и боль...
Не подмастерья –
Мастера*

*Назначена мне роль.
И суть моя не вечная,
Как мир окрест большой,
Мне кажется, отмечена
Тамгою вековой.*

Этими строками своего стихотворения Светлана обозначает свою литературную и духовную суть. Читая ее стихи, явственно ощущаешь особенное изящество, пластику почерка автора. В них есть и знойная страстность, и суровая энергия. Они цельны, закончены, вас охватывает ощущение, что так можно написать только в едином порыве.

Нерасторжимыми узами связаны строки с родной землей. На ее творчество наложила сильный отпечаток ее горячая любовь к родной земле, орлиному краю, потерянному, казалось, навсегда в годы депортации, но счастливо обретенной малой родине. Какая боль, какие чувства, какие неожиданные образы!

*Ты мне была надеждой и венцом,
Глаза слепила обликом от Бога,
Воробышком – беспечным сорванцом,
Порхающим, играя у порога...*

*Но Космос охраняет твой покой,
Эльбрус сияет в куполе бездонном,
Тебя Господь вознес к черте такой,
Где нет нужды отвешивать поклоны.*

Именно у нее, родной земли, поэт черпает щедрость, доброту, мудрость. И не устает удивляться и удивлять нас. Лирические пейзажи Светланы написаны ярко и размашисто и согреты теплым дочерним чувством. В ее пейзажах пульсирует мысль, тяготеющая к философскому обобщению.

*Пурпурная осень, взметнув кружева,
Легко ниспадая, окутает плечи,
Закружит погода свои жернова,
Заставит услышать, понять свои речи.
Суметь бы облечь в словеса этот рай,
Где царствует правда судьбы и простора,
Где чаша природы, кипя, через край
Все вьется и вьется багряным узором...*

Не могу удержаться, чтобы не вспомнить еще один отрывок.

*Дремлет ветер в деревьях,
Голос осени чист,
И над солнечным сквером
Желтый мечется лист.
Даль распахнута взору,
Поцелуюм уста;
Эту светлую пору
Создал Бог неспроста.*

Не могу не сказать об ее утонченном мастерстве, безукоризненном вкусе, культурной оснащенности и поэтической выразительности, свойственной

русской поэзии 19 века, и особенно серебряному веку. Блок, Ахматова, Цветаева – вот ее кумиры. К звукам их стихов прислушивалась Моттаева, творя свою поэзию. И как не вспомнить изысканную прелесть этих строк:

*Мне снились пармские фиалки
В сосуде северского фарфора,
И рдел огонь в камине жарко,
Бросая алые узоры
На свод коринфского дворца.
Мне снились ласковые руки
В тумане кружев и парчи,
И флейты моцартовской звуки
Летали медленно в ночи,
Сны золотые навевая.*

При всем изяществе лексического, образного отражения жизни, поэзия Светланы – поэзия глубокой и бесстрашной мысли. Но мысль ее неизменно слита с образом, с точными и смелыми выразительными красками.

*Сегодня солнца нет,
И длань его едва видна в оцепеневшем небе,
И облака свершают свой балет –
Ничто не ропщет, все безмолвно, немо...*

Иной раз легко улавливаются и скептические ноты. Это, когда она с горечью говорит о себе, как о «белой вороне», «изгое», «о лицах кавказской национальности». Однако большинство ее произведений наполнены неиссякаемой молодостью, неистребимом жизнелюбием.

*Весна, как предчувствие счастья:
Навстречу ей дверь отворю,
У ней попрошу я счастья,
Цветок ее первый сорву.
Не помню такого разлива,
Такого сияния рек,
Весна эта будет красивой,
Какой не случалось вовек.*

Для ее интонации характерна особая пылкость чувств, запечатленная в мимолетностях:

*...Не обернусь, не зови, молчи,
Я не услышу тебя – кричи, не кричи.
Голос растает твой в черной, бездонной ночи,
Или истает, как тает, оплавясь, огарок свечи...*

В книгах Светланы Моттаевой встречаешь элегическую печаль, но, вместе с тем, она великолепно передает и радость бытия, и выразимое чувство любви к величию жизни. Радуга на небе, тончайшее золото осени, причудли-

вые облака, взмывший в небо орел, сочность лесных ягод – все это является для поэта неиссякаемым источником вдохновения и творчества.

Сила изобразительности у Светланы ярка: ее стиль совмещает в себе и острую четкость гравюры и многоцветье живописи.

*Чинары в ряд – уходят чинно в небо!
А там лазурь встречает их, смеясь...*

Вы постоянно остаетесь в плену гармонии чувств и красок, сердцем отзываетесь на музыку высокого накала.

Остаетесь в плену ее эмоций, когда читаешь стихи Моттаевой, в которых зримо выражена ее гражданская позиция. Вчитайтесь в стихотворение «Кавказ, ты болен».

*Кавказ, ты болен,
Где он, твой целитель?..* – вопрошает она, думая о судьбах родины. Идет братоубийственная война, поэтому:

*... Чеченка плачет, и скорбят вайнахи,
Славянка плачет и страдает Русь,
А сыновей кровавые рубахи
Терзают сердце, умножают грусть...*

Сердце поэта скорбит по погибшим, независимо от их национальности. Она мать, и горе другой матери ей близко и понятно.

Светлана Моттаева обогатила наш слух новыми ритмами, интонациями, новыми приемами строфики. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать такие стихи, как «Эмоции, вы солнцами в ручьях моей крови», «Тирады, тирады...», «Отдайся жизни, черпай слезы из родников своей души...», «Смеялся дождь на перевале...». Вдумайтесь, какой найден образ! «Смеялся дождь...» Мне бы хотелось цитировать ее без конца.

Говоря о Моттаевой, нельзя не затронуть еще одну грань ее поэзии. Она социальна, в ней остро чувство времени, и тогда строки поэтессы становятся энергичными, напористыми и даже резкими:

*Рыдает больной мегаполис,
И наша больная душа
Не может дышать, успокоясь,
Куда-то извечно спеша.
Пославший нелегкие будни...
А что, разве он посрамлен?
За подлость никто неподсуден,
За святость никто не прощен.*

В стихах Светланы Моттаевой привлекает сама манера поэтических изъяснений – доверительная, раздумчивая. Она избегает дидактики и нравоучительности, надеясь обрести в читателе друга, единомышленника. Хотелось бы вновь подчеркнуть ее приверженность духу русской поэзии 19 века, ибо

для нее, балкарки, горянки, рожденной в сердцевине гор, это явление становится своим, непреходящим. Дорогого стоит и то, что всю полноту чувств Светлана, как поэт, может выразить на двух языках – балкарском и русском. В поэте немногочисленного балкарского народа мы находим трепетную любовь к нашей русской речи, к великому русскому языку, и вместе с тем нашему народу. Обидно, впрочем, что в последние двадцать лет мы мало интересуемся литературой национальных республик. Здесь хорошо знают русский язык, берегут его, не только как инструмент межнационального общения, но и как инструмент для самовыражения.

Я воспринимаю поэзию С. Моттаевой как высшую ступень очень сложного движения мысли и чувства. Можно привести множество подтверждений этому. Но... лучше открыть ее сборники и лично насладиться ее прекрасной поэзией, пройтись по страницам книг умного, тонкого, талантливого поэта, где все отмечено красотой:

*Жемчуг акаций, тихое солнце Заречья –
Машет орлица алым крылом над горой,
Здесь караул валунов на могилах предтечей –
К Саду камней пришла я нелегкой тропой.
Сад Камней – это горная Балкария – ее колыбель и муза.*

И как не поверить теперь, что поэт обручен с небом.

Осталось только добавить: Светлана Моттаева член Союза писателей России и член Союза журналистов РФ, заслуженный работник культуры Кабардино-Балкарии. Награждена знаком «300 лет Российской прессы».

Работа членов жюри конкурса театральных коллективов

***

Светлана Моттаева балкарский поэт-билингвист, переводчик, литературный критик, эссеист, член Союза писателей России, автор поэтических сборников на балкарском и русском языках «Каждый день», «Тамги», «Полнолуние», «Сад камней», «Благородство», «Черты», «Вершины памяти и чувств». Ее стихи вошли в антологии, изданные в Нальчике, Пятигорске, Элисте, Анкаре, а также в учебники по балкарской литературе. Известны ее переводы на родной язык А. Пушкина, М. Лермонтова, Кязима Мечиева (на русский язык), О. Сулейменова, Б. Ахмадулиной, Такубоку (с японского) и ряда известных кабардинских авторов.

Светлана Моттаева заведовала редакцией балкарской литературы (1975-2003 гг.) Государственного книжного издательства «Эльбрус». Под ее редакцией вышли десятки книг классиков национальной литературы: К. Мечиева, С. Шахмурзаева, К. Кулиева, К. Отарова, Т. Зумакуловой и других.

С 2003 года она корреспондент отдела культуры газеты «Кабардино-Балкарская правда». В 2001 году издала книгу «Под сенью муз» (о деятелях культуры и искусства РФ и КБР).

Светлана Моттаева – член Союза журналистов РФ, член редколлегии русского журнала «Литературная Кабардино-Балкария», заслуженный работник культуры КБР.

***

Светлана Моттаева – двуязычный поэт, билингвизм детерминирован ее личной судьбой: детство и отрочество прошли в изгнании, молодость и зрелость она должна была доказывать, что она «дочь врага народа», осужденного по зловещей 58-й статье, такая же, как все. Хотя, несомненно, она была не такая, как все, выделялась из сонма одноклассников и однокурсников бесспорным талантом и упорством. Свои юношеские стихи она начала писать на русском языке, они были наполнены радостью, светлыми и восторженными чувствами. Одним словом, автор тогда уже противопоставляла ненастной судьбе солнце и счастье, живя их ожиданием.

Тамара Биттирова,
доктор филологических наук

***

В стихах, наиболее характерных для творчества Моттаевой, не только тревога за судьбы отдельных людей, своих современников, простых тружеников, но и любовь к своему народу, о котором поэтесса пишет с любовью и гордостью. С ним она пережила все трагические испытания, выпавшие на его долю: «Мы видели лихие времена – /А нас они вдвойне не миновали...» («Мир тесен»). Но народ выстоял, несмотря ни на что: «Мал народ, но духом крепок, / Сила в том его видна...» («Воспоминание о марше»).

Жанна Кулиева,
кандидат филологических наук

***

Книга «Черты», несомненно, один из лучших, эстетически возвышенных сборников последнего времени. Она стоит особняком в ряду многочисленных книг комплексом своих характеристик. Автор утверждает приоритетность художественности в литературе, а не конъюнктурные стандарты. Прекрасный язык, чарующие, филигранно очерченные образы, стиль классически возвышенный, тяготеющий к лучшим образцам не только родной, балкарской, но и русской, мировой литературы. Светлана Моттаева, судя по ее произведениям, человек европейски образованный, профессиональный литератор, убеждающий нас в этой мысли каждой строкой, каждым стихотворением.

*Жаухар Аннаева,
искусствовед*

Сергей СИДОРЕНКО

СВЕТЛАНЕ МОТТАЕВОЙ

Ангел белый царит зимою.
Тихий ангел парит над горами.
И стихает пурга над землею,
И молчат снегири над снегами.
И над влажною гладью гортани
Распускается голоса лотос,
И на самой высокой ноте
Начинает звучать в Светлане.

Хадис МЕЧИЕВ

ДУША НАРОДА

С. Моттаевой

Во славу Аллаха –
Не веришь ты в беса.
Не ведаешь страха,
Ведь ты поэтесса.

Как вкусная корка
Горячего хлеба.
Как светлая долька
Молочного неба.

Слагаешь поэмы
О славном народе,
Стихи посвящаешь
Любимой природе.

Я зрю твоё имя
В газетах все чаще,
Как чистая вечность
Планеты летящей.

Такую не същешь
На свете трудягу,
У ней не отнимешь
К поэзии тягу.

Умна и приятна
Всегда хороша.
Живет в этой даме
Народа душа.

Светлана МОТТАЕВА

ТОТЕМ

Цвет банального кизила,
муза магов и поэтов,
не в тебе ль буза бродила,
вызревала сила лета?

Будь мне таинством тотема,
напридуманном во славу,
во спасенье вольной темы,
мною отмеченной по праву.

Будь венцом шального стука
невоздержанного сердца,

стоном спущенного лука,
жалом аспидного перца.

Будь мне высью вознесенной
набегающего света,
грезой, от беды спасенной,
неуемного поэта.

Будь и памятью нетленной,
одолевшей сон рутины,
и представшей во Вселенной
гончару поющей глиной.

НАЕДИНЕ С ЗЕРКАЛОМ

*«Лица кавказской национальности...»
Из публицистики наших дней*

Я в зеркале свое лицо
теперь пытаюсь изучить,
оно – кавказское, увы,
и как с лицом подобным жить?

Я, воздававшая богам
за счастье быть всегда собой,
теперь едва ли им воздам
за эпатажный облик мой.

За этот нечестивый вид
и за надменное чело,

за то, что носом знаменит
мой предок был всему назло.

За то, что жил он вопреки
и по понятиям иным
на берегах шальной реки,
в ауле с именем Кюнньюм.

Я, воздававшая богам
за счастье быть всегда собой,
теперь едва ли им воздам
за непотребный облик мой.

***

*Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я снова посвящаю стих небрежный.*

М. Ю. Лермонтов

*Твой отчеканен профиль на фоне небес,
О, мой Кавказ горбоносый, ангел и бес.*

Кавказ, ты болен,
Где он, твой целитель,
Творец Земли – и тверди, и воды?
Доколе ждать, когда тебя Учитель

Спасет и оградит от крови и беды?
 Краса твоя – тебе укором стала,
 На брата брат – откуда это здесь?
 Орудия гремят на перевалах,
 И попораны устои, слава, честь.

Себе враги. О, как же больно, братья,
 Свидетелем предстать во временах
 Того, как был ты глух порой к проклятьям,
 Ты, презиравший трусость, подлость, страх.

Внемли, услышь соседа и собрата,
 Ты, поднимавший голос свой
 Тогда, когда ордой земля была распята,
 Когда стервятник встал над головой.

Не покорен грозой лихой, насильем,
 И в горе не склонивший головы,
 Краса твоя все беды пересилит,
 Твои народы – суть всегда правы.

Они правы и в том, что не сложилось,
 Они правы и в том, что не сбылось.
 Но как тебя порою заносило,
 Ты был, увы, как если б в горле кость.

Кавказ – орел в суровом поднебесье,
 Чей взор увидит и постигнет даль,
 Ах, если б зло с добром уравновесить,
 Мне было б ничего уже не жаль.

Но жаль, что здесь сошлись и не отступят
 В остервененье духи черных сил,
 Сынов России ты хоронишь трупы,
 Господь тех жертв, я верю, не просил.

Хоронят в Аргуне, Шали и Грозном
 И правых, и неправых – всех подряд.
 О мать, кто твои осушит слёзы?
 Одна отрада – к Господу звать.

Чеченка плачет, и скорбят вайнахи,
 Славянка плачет, и страдает Русь,
 А сыновей кровавые рубахи
 Терзают сердце, умножают грусть.

Кого прощать, кого предать анафеме?
Не мы ли – все повинны и грешны? –
Здесь белые, там черные – неравные,
Где черный – ниже, белые – важны.

Кавказ мой чист, белей снегов Эльбруса,
Челом высок и статью так хорош,
И девы белолицы, как в Тарусе,
И дождь на дождь Рязани так похож.

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ШИКИ, РОДИНЕ КЯЗИМА, НА ПРАЗДНИКЕ ЕГО ПОЭЗИИ

Нарты, нарты, здесь ваши старты,
здесь ваши корни, здесь ваш исток!
Прошлым сильны вы и прошлым богаты,
пращурь славные, алый восток.

Ближе, все ближе ворог могучий,
лязгом металл оглашает простор,
эхом вам вторят алмазные кручи
вам уподобленных ваших же гор.

Кони, ярьсь, мчатся из-за курганов,
стонут калканы, стремятся ветра,
пенно клокочет буза в черных жбанах,
вслед набегает лихая пора.

Вслед набегает наволочь злобы,
космами вихрь замечает следы,
и поднимаются к небу сугробы,
и нарастает движенье орды...

О моя родина! Ты ли распята? —
Солнце закрыла распятия тень...
Яро встают за курганами нарты,
и над курганами висится день.

* * *

Пять алмазов – пять ущелий –
Горы мои старые,
Стражи многих поколений,
Имя вам Балкария.
Здесь стояли в стойкой вере

Прашуры суровые,
Здесь бросал наветы ветер
Но стояли горы.
Даже им – таким незыбким –
Доводилось плакать,
Времени скупые снимки –
Графика – на память.
Возносил слова молитвы
Здесь Кязим над горном,
Под шуршанье дикой сливы
Славил в песнях горы.

* * *

Стоял Дыхтау в молчании великом,
Суровый средь больших и малых скал,
А над его челом метались блики,
Во чреве глухо нарастал обвал.

Над хаосом дерев, снегов и камня
Летел орел к пленительной мечте,
И, растворяя солнечные ставни,
Отважно март парил на высоте.

Черек бежал неистово и бешено,
Расплескивая явь свою и сны,
На берегу его стояла женщина,
Как на пороге собственной весны.

ДОЖДЬ НА ЧЕРЕКСКОМ ПЕРЕВАЛЕ

Смеялся дождь на перевале,
И был он звонким оттого,
Что скалы добрые забрали
В свои объятия его.

В ущелье шумно и задорно,
Верша свой древний ритуал,
Тот дождь неистовый плясал,
И, словно прикасаясь к звездам,
Ты мне ладони целовал.

И падал, падал теплый ливень,
И ветер волосы нам рвал...
И не было земли красивей,
Чем тот дождливый перевал.

* * *

М. Ш.

Давай затеем горский ужин,
Пусть диетологи простят,
Нам их совет сейчас не нужен,
Они давно и мирно спят.

Чтоб на столе буза и мясо,
Айран, хычины и тузлук,
Двух душ, сердец двоих согласье,
Их в унисон горячий стук.

Вспомянем пращуров застолья,
Привстав на ночи стременах,
Промчимся времени безмолвьем.
Зачем? Да, в общем, просто так.

Давай затеем горский ужин –
Он ближе к полночи бывал,
Хотя бы этим мы послужим
Привычкам нерушимых скал.

ТАМГА

Жемчуг акации, тихое солнце заречья –
Машет орлица алым крылом над горой,
Здесь караул валунов на могилах предтечей –
К Саду Камней пришла я нелегкой тропой.

В белых ромашках берег Черека застенчив,
Вечер языческий бродит по Саду Камней,
Слышу, как рядом на верхнебалкарском наречье
Мне о предтечах моих повествует ручей.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ГОРЯНКИ

Ночь с востока прискакала
На своем коне,
Дремлют горы-аксакалы,
В черной тишине.

Заслону тебя крылами,
Дам и хлеб, и кров,
Ну, а ты, малыш мой, маме
Подари любовь.

Рядом с древнею горою
Юная растет,
Над Пастушею звездою
И твоя взойдет.

Будет даль твоя просторна –
В зоревых снегах
Заклоочет крик твой орлий
Недругам на страх.

Стая лун к тебе примчится,
Стая сладких снов,
С легкокрылою орлицей
Ждет тебя любовь.

*Светлана Моттаева с народным поэтом Дагестана Аминат
Абдулманаповой, Нальчик, 2012 год*

Александр ПРЯЖНИКОВ,
поэт, переводчик с английского
и кавказских языков,
издатель журнала «Театральный мир»

СТРОКА ПОЛНА ЛЮБОВЬЮ

Вы знаете, что горный снег прекрасен, но он прекрасен разной красотой. Тот, что украшает сияющие шлемы Минги-Тау – вечен. Он отражал солнечные лучи аргонавтам, воинам Александра Македонского, Чингиз-хана и Тамерлана, отважным джигитам и мужественным первопроходцам, что хотели посмотреть на этот мир сверху...

Но есть другой снег. Рыхлый, пропитанный ароматом уходящего февраля. Согретый первым теплом, он меняется на глазах и, словно в детском калейдоскопе, образует потрясающие орнаменты до тех пор, пока не исчезнет и не станет плодородной влагой. Его красота открывается не всем, она мимолетна, непостижима и безумно привлекательна, как любая загадка. Ей сродни поэтическая строка Аскера Додуева.

В разные времена тюркоязычные народы были то заклятыми врагами, то добрыми соседями, друзьями и союзниками славян. Но в той или иной ипостаси они всегда были рядом. Так, постоянно влияя друг на друга, набираясь опыта и сил, формировались нации, и это формирование не могло происходить без речевого смешения и взаимопроникновения. Подтверждением тому может служить и фундаментальный труд Владимира Даля, и российская топонимика, и сохранявшееся вплоть до конца восемнадцатого века казачье двуязычие.

Разумеется, тюркоязычная поэзия была близка по духу русскому читателю. Произведения Алишера Навои, Абая Кунанбаева, Имадеддина Насими, Назыма Хикмета, Мусы Джалиля, Кайсына Кулиева неизменно входили во все отечественные учебники и хрестоматии. Ради этого лучшие поэты в разные годы корпели над переводами, совершенствуя свое собственное мастерство, пополняя словарный запас, обогащая образный ряд. Хотя, поэзия непереводама.

Поэзия Додуева непереводама вдвойне. Это понимаешь, когда перед глазами оказывается подлинник.

*Тырман этеме къадаргъа,
Ауур эсе айланчлары.
Тырман этеме къадаргъа,
Татлы эсе къалачлары.*

Даже тому, кто совершенно незнаком с балкарским языком, стано-

вится ясно: автор использует паронимы, коими бесконечно богаты тюркские языки. В результате получается настоящее эстетическое пиршество, на котором переводчику, увы, остается лишь глотать слюну, поскольку возможности его родного языка не безграничны, и автор вкушает сии вербальные яства в гордом одиночестве.

*Дунияны тенгизинде
Ол – аллымда баргъан толкъун.
Тюнлереме тизгининде
Мен – ызындан болгъан толкъун.*

Ну, что же, он это вполне заслужил. Словно дикую, необузданную лошадь он укротил параномазию – сложнейшую стилистическую фигуру – и заставил ее служить родному языку. Полагаю, более высокой задачи он перед собою и не ставил.

Родившийся, как и все его сверстники, в Средней Азии, работавший в этнической России, он так и не стал космополитом, раз и навсегда осознав, что может быть счастлив только на родине своих предков. Об этой связи ярко и образно он сказал в замечательной статье «Человечность и вечность», посвященной Кайсыну Кулиеву:

«Когда говорим о поэзии Кулиева или о его человечности, почему-то приходят в голову одни и те же мысли, одни и те же суждения. Почему это так? А это потому что то, о чём он писал, и его человечность имеют одни корни и потому дают одни побеги. Эти корни уходят далеко – в глубокие раны и старую боль своего народа и родной земли».

Боль, ауруу – здесь слово ключевое. Слишком много незаслуженных, не поддающихся никакой логике страданий выпало на долю балкарцев в XX веке. Они не пережиты и не изжиты по сей день. Следа не осталось от злости и ненависти. Кого ненавидеть, если и организаторы и исполнители преступлений ушли в небытие? Нет и досады на судьбу – ведь ее нужно принимать такой, какая она есть. Но боль осталась, и от нее не деться никуда, поскольку не шрамами истории, а саднящими ранами исполосовано сердце поэта. Только так можно объяснить странные метаморфозы, когда сильный, многократно доказавший свое мужество человек вдруг обнаруживает тонкую, ранимую душу. Душу, которую однажды пронзили любовь и красота, как острые иглы пронзают нежное тельце бабочки. Только такая душа способна посочувствовать цветку, оборванному внешним градом.

Одним лишь прошлым жить нельзя. Прекрасно это понимая, Аскер пытается отвечать на вопросы, которые перед ним ставит день нынешний, и здесь раскрывается его талант философа, мыслителя, общественного деятеля:

«Неужели мы способны объединяться только лишь категориями, лишь племенами, что присуще некоторым хищникам, видя друг в друге начало зла и недостатка. При таком развитии событий человек остаётся один на один со своим извечным бездольем и несчастьем без опеки, без участия с чьей бы то ни было стороны в его нелёгкой судьбе, особенно в нашу непростую эпоху».

Единство и сплоченность всех здоровых сил современного общества перед лицом бесчисленных угроз, порожденных временем. Идея, сформулированная Львом Толстым, не нова, но это не умаляет ни ее универсальности, ни современности. Недаром лучшие представители многонациональной российской литературы беззаветно ей верны. Свою верность Аскер Додуев доказывает делами, как и положено настоящему горцу. Долгие годы работает он в Российском Лермонтовском комитете, прокладывая узенькие тропинки культурных связей между различными народами, разделенными сложным рельефом Кавказского хребта, а еще больше крутыми горами непонимания. Ему помогают редкостная память, великолепное знание языков и умение кратко и доходчиво выразить свою мысль.

«Не бывает так, чтобы град побил усадьбу соседа, а твою оставил целой», – сказал он однажды во время траурных мероприятий, посвященных окончанию Кавказской войны, и к этому добавить нечего.

За его спиной не только вечная гора, возлюбленная Минги-Тау, но и гигантская фигура Михаила Лермонтова, без которого нынешний Кавказ невозможно себе представить.

*Тангым да атханды, нюрюн сюзгенлей,
Таула ёмюрге эсингде кьальыргъа,
Тамамды шо бир алагъа кьараргъа.
Татлы жьырланы, журтуму суюгенлей,
Сюеме, Кавказ!*

Узнаете? Это первая строфа лермонтовского стихотворения «Кавказ», наполнившаяся новыми красками в переводе Аскера Додуева.

*Хотя я судьбой на заре моих дней,
О, южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз,
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ!*

Однако чем бы ни был занят этот, столь богато одаренный Всевышним человек, он всегда возвращается к главному – к собственной поэзии. Он снова и снова набрасывает аркан на вертлявую шею параномазии, прекрасно понимая, что этот прием стал его визитной карточкой, вернее, раскаленным тавром, которым он обозначает свое присутствие в великой российской литературе.

Р. С. Дорогой Аскер! Судьбы поэта и переводчика часто переплетаются, образуя самые причудливые изгибы, и, наверное, моя состоит в том, чтобы идти по следу за твоей ускользающей, неуловимой, и вечно прекрасной строкой. И я рад такой судьбе.

ДВЕ ВОЛНЫ

Я в ссоре со своей судьбой,
Когда несет на виражах,

И, если пир стоит горой,
Я снова с нею на ножах.
Что нужно мне? Ответь, Пророк!
Есть в мире женщина одна,

Но так решил упрямый рок:
 Меня не хочет знать она.
 Друг друга поглощают вмиг,
 Столкнувшись вместе две волны,
 И мне не нужно чувств твоих,

Ведь мы с тобою жить должны,
 Волнами к берегу идти,
 Туда, где пена и прибой,
 И пусть ты будешь впереди,
 А я – поодаль, за тобой.

Саид ЧАХКИЕВ,

народный поэт Чечни и Ингушетии

АСКЕР

А. Додуеву

Он в Балкарии балкарец,
 Кабардинец в Кабарде,
 И, как истинный кавказец,
 Слово держит он в узде.

Всё он видит, всё он знает,
 Любит плов и жалбаур,
 Журналист, поэт, прозаик,
 Весельчак и балагур.

С ним объехал все ущелья.
 Заезжал в село Шики,

Всюду ждало нас веселье,
 Водка, пиво, шашлыки,

С ним тягаться не берусь я –
 Как-то он меня загнал,
 Что однажды у Эльбруса
 Я на помощь Бога звал.

Есть симптом весьма тревожный –
 Как случиться так могло:
 Без Аскера – невозможно,
 А с Аскером – тяжело!

Алим АЛАФАЕВ

ПОСВЯЩЕНИЕ НА КАМНЕ

*Аскеру Додуеву,
 поэту и переводчику*

Люблю стихи я посвящать
 Другьям, приятелям, голубкам,
 И рифмой звонкою вещать
 Об их делах, словах, поступках.

А рядом старый друг живет,
 Поможет тихо, незаметно,
 Положит за меня живот
 И на обиду не ответит.

Парит светило из светил,
 Служа Эльбрусу без забвенья.

Стыжусь – ему не посвятил
 Ни одного стихотворенья.

Мой друг – сын света и добра!
 И сердце говорит, поверьте,
 Что наточить перо пора
 И подарить ему бессмертье!

Но, отложив перо, точку
 Стальной резец, трудясь часами...
 Прославить друга я хочу
 Не на бумаге, а на камне!

Муталип БЕППАЕВ,
лауреат международной премии
имени Махмуда Кашарского

«ВЕЗДЕ И ВСЮДУ БАЛКАРИЯ СОПРОВОЖДАЕТ МЕНЯ...»

Аскер Тауканович Додуев родился 24 января во время депортации в Казахстане. После возвращения на родину семья Додуевых обосновалась в кабардинском селе Шалушка, где он и получил среднее образование.

После службы в армии (1971-1973 гг.) он окончил физико-математический факультет КБГУ. Несколько лет работал преподавателем математики. С 1983 года Аскер Додуев – редактор отдела в журнале «Минги-Тау», заместитель главного редактора художественного вещания гостелерадио КБР, ответственный секретарь правления Союза писателей Кабардино-Балкарии, главный редактор журнала «Минги-Тау», сопредседатель Российского Лермонтовского комитета, народный поэт КЧР.

Первые стихи Аскера Додуева увидели свет в 1976 году в газете «Коммунизмге жол» («Заман»). А сегодня он автор шести поэтических сборников на родном языке, один из крупнейших представителей современной балкарской словесности.

– Аскер Тауканович, твои произведения ценили и почитают такие мастера слова, как Кайсын Кулиев, Ибрагим Бабаев, Танзиля Зумакулова, Алим Теппеев, Владимир Фирсов, Юрий Кузнецов, Геннадий Серебряков, Андрей Дементьев, Хасан Тхазеплов, Анатолий Парпара и многие другие. Однако изначально, многие это помнят и сейчас, ты желал свою жизнь связать с математикой. Как, когда и каким образом ты свернул со своей математической тропы на поэтическую стезю?

– Муталип, если основательнее взглядеться, в этом мире все люди поэты. Одни свое вдохновение переносят на белое лицо бумаги, а другие хранят в своих сердцах. Всем же миром повелевает любовь. Любовь к людям, Родине, работе. Любовь к тем, кто выращивает пшеницу, пасет стада, пишет картины, добывает руду, у кого в руках спорится работа. Самое лучшее стихотворение, самая лучшая поэзия, конечно же, это невысказанные чувства.

Начиная с четвертого класса, учителя в один голос твердили: «Этот мальчик непременно станет знаменитым математиком». Если каждый день будешь слышать одно и то же, конечно, ты и сам уверуешь в это. Потом начали приглашать на районные, республиканские олимпиады. Однажды по физике я занял второе место среди школьников всей Кабардино-Балкарии.

Вероятней всего, поэтому и поступил на физико-математический факультет КБГУ. После окончания университета работал в Шалушкинской средней школе. Параллельно посещал семинары молодых литераторов альманаха «Шуёхлукъ», газеты «Коммунизмге жол» («Заман»), начали часто публиковать стихи.

Однажды принесли «Комсомольскую правду», где были опубликованы мои стихи. После этого правление Союза писателей КБАССР делегировало меня на VII Всесоюзный семинар молодых литераторов. Там руководителем поэтического семинара был замечательный русский поэт Владимир Фирсов. Пока шли семинарские занятия, одно мое стихотворение было переведено и опубликовано на болгарском языке в журнале «Дружба» в Софии.

Владимир Фирсов написал свою рекомендацию, чтобы меня приняли в Союз писателей СССР. Будущую книгу включили в план издательства «Современник» на 1980 год. Я должен был срочно выслать подстрочник. Однако мне показалось, что без отдельного сборника стихов на балкарском будет не совсем корректным выход книги на русском языке.

Через год на родном языке вышла моя первая книга «Къарда баргъан» («Идущий по снегу»). Вот таким образом я начал все больше и больше отдаляться от своей любимой математики. До последнего времени студенты вузов приносили свои контрольные по математике и физике, и я по мере своих возможностей оказывал им посильную помощь.

– А кто из писателей помог тебе поверить в свои творческие силы?

– Я все что-то царапал для себя. А когда исписал несколько тетрадей, прочитал своим друзьям. Через некоторое время один из них говорит: «Давай покажем эти строки кому-то из поэтов». А я ему: «Ведь я никого не знаю, хотя с произведениями многих знаком не понаслышке».

Прошло еще некоторое время, и один мой родственник предложил: «Есть у меня знакомый поэт, пойдем со мной, не прогадаешь». И мы пошли. Его знакомым оказался известный поэт и драматург Исса Боташев! Произведения Боташева мы приходили в школе, поэтому мне было неудобно утруждать его. Но родственник выхватил тетрадь и протянул Иссе Жарахматовичу. Он рассказал о республиканских олимпиадах для молодых литераторов. Вот таким образом я попал в Союз писателей КБАССР.

Мне повезло – помогли очень многие. Это Ибрагим Бабаев, Танзила Зумакулова, Салих Гуртуев, Алим Теппеев, Эльдар Гуртуев, Адам Шогенцуков, Магомет Мокаев, Ахмат Созаев...

Никогда не забуду тот момент, когда в Москве великий Кайсын Кулиев посетил семинар Владимира Фирсова со словами: «Как тут поживает мой молодой земляк Аскер Додуев?». Тогда я его видел впервые. Это был 1979 год. Он оставил свой телефон и пригласил меня к себе в гостиницу «Москва».

Я всем, всем им очень признателен.

– После Расула Гамзатова одним из сопредседателей Российского Лермонтовского комитета являешься ты. Как и для чего создавался этот комитет и чем он сегодня занимается?

– Одно время работал на телевидении, и все время приходилось быть в дороге. Ежегодно два раза со всего мира собираются любители и почитатели прекрасной, бессмертной поэзии Михаила Юрьевича Лермонтова. По следам этих встреч я готовил передачи и телефильмы, писал свои размышления, переводил его стихи на карачаево-балкарский

язык. Со временем начал выполнять некоторые поручения Российского Лермонтовского комитета.

В Тамани и Шуше открывались музеи, посвященные Михаилу Лермонтову. Я сделал с помощью своих друзей все от меня зависящее, чтобы там были уголки, рассказывающие о нашей прекрасной республике. Когда не стало великого Расула Гамзатова, пусть земля ему будет пухом, по просьбе Героя Советского Союза, выдающегося русского писателя Владимира Карпова и знаменитого ученого исследователя творческого пути русской поэзии Владимира Захарова, был избран сопредседателем Российского Лермонтовского комитета.

Года два назад не стало и Владимира Карпова, пусть земля ему тоже будет пухом. Он сделал многое, чтобы мы увидели медаль, посвященную 150-летию со дня рождения основоположника балкарской литературы Кязима Мечиева.

Главная задача нашего комитета заключается в том, чтобы мы все лучше знали, почитали, любили произведения величайшего гения России Михаила Юрьевича Лермонтова. Он является одним из самых основных символов нашей необъятной страны. В 2014 году все человечество будет отмечать его 200-летие. По этому поводу нас ждут большие, грандиозные события.

– Было ли у тебя такое желание в жизни, чтобы некоторые свои дни с корнем вырвать из памяти, выкинуть, стереть и совсем забыть навечно?

– У меня таких дней очень, очень много! Даже перечислить их невозможно. К тем, кто нас любит, почитает, к сожалению, мы не всегда справедливы. Те дни, когда ты был совершенно не прав, но не догадался попросить прощения, однако прощен любящей стороной. Труднее, тягостнее этого разве есть еще что-то другое?..

Такие дни, как ты говоришь, вырвать с корнем, выбросить в сторону и забыть очень бы хотел. Но, увы, они почему-то и уходить и забыться никак не желают, не хотят, не собираются. Они денно и ночью неотрывно продолжают жить с тобою вместе. Это, быть может, и к лучшему. Ведь то, что забываешь, непременно повторится вновь и вновь.

Можно забыть, конечно, праведный день, но никак нельзя вычеркнуть из памяти временной отрезок, когда ты был не прав, не совсем справедлив к ближним. Всегда стараюсь жить с добрыми помыслами. Ибо без этого нельзя жить, не только писать стихи.

– Какова сегодняшняя балкарская литература? Завтрашний день нашей словесности, бесспорно, напрямую зависит от притока молодых талантов. Чтоб отыскать, помочь избранным, что нужно делать?

– Литература или есть, или же она отсутствует. На литературу, где есть такие имена, как Кязим Мечиев, Кайсын Кулиев, Керим Отаров, Танзила Зумакулова, Алим Теппеев, Зейтун Толгуров, Эльдар Гуртуев, Омар Этезов, Ибрагим Бабаев, Магомед Мокаев, Жанакаит Залиханов, Али Байзуллаев, Хасан Шаваев, Ахмат Соазев... – я смотрю только положительно! Как и весь мир, любясь ею.

И сегодня у нас есть литераторы, которые получают международные

премии. Всевышний нам даровал прекрасную литературу. Однако в последнее время молодых все меньше в писательской среде. Многие объясняют это трудностями времени. Давайте оставим пока время в покое. Всему виной сама жизнь.

Сейчас все в избытке, если голова варит, колы руки шевелятся, а спина гибается, многие трудности можно одолеть. У молодежи, к сожалению, какая-то апатия к книгам. А литература должна шагать в ногу со временем. Ни в коем случае не отставая от него. Это ведь аксиома.

У нас в республике есть детские журналы, взрослые журналы, газеты, – дорога в литературу каждому распахнута настезь. Думается, всем нам нужно научиться, непременно читать между строк, когда читаешь между строк, и глаза не очень устают, и фантазии есть место.

– У тебя за плечами большой отрезок времени. Когда отмечаешь свой 60-летний юбилей, что согревает, радует душу, что является главным стимулом новых творческих свершений, проектов?

– Я безмерно благодарен дочери, как бесценный подарок к моему юбилею, она месяц назад родила прекрасную внучку. Мою душу согревает лишь мысль, что вера в будущее станет доверием к завтрашнему дню «Адамды бизни атыбыз!» («Нам имя Человек (Адам)») – эти слова сказал в тяжелейшие годы великий Кязим.

Вера в то, что огонь очага, который разжег Кязим Мечиев, никогда не погаснет, не оскудеет, безусловно, греет душу, дает силу нашим сердцам. Президент Российской Федерации приводит в пример слова – «С чего начинается Родина?» – из сочинения девочки из аула Безенги, это чего-то стоит!

То, что талант, способности наших детей, внуков, будут служить красоте, доброте, бесспорно, нас всех вдохновляет на новые проекты, на новые мечты, произведения.

– А читателям журнала «Литературная Кабардино-Балкария» что бы ты хотел сказать? Если бы довелось дать мастер-класс, какими словами завершил бы свой урок?

– В Новом году хочу пожелать всем им, чтобы к счастью былому в каждом доме добавились бы новые радости, более крупные, и никогда не покидали своих хозяев. Во всем мире во главу угла всегда ставили, высоко ценили человечность. Мы все люди и поэтому обязаны помнить, дорожить этим. Поэтому и завещал нам незабвенный Кайсын Кулиев: «Мир и радость вам, живущие!».

В этом беспокойном, грохочущем, буйствующем мире трудно докричаться до другого, а еще тяжелее дорожить услышанным, увиденным, быть бережливым к хрупкой, первозданной окружающей красоте. Давайте сызнова научимся слышать, понимать, уважать друг друга. Тогда и новая, первозданная любовь будет нашей неразлучной спутницей во все времена.

Заметки. Читая Пушкина

«Пытаясь воедино соединить свои записи о Пушкине, я менее всего думал о цикле со своим сюжетом, со своей оригинальной архитектурной. Задача моя... Впрочем, задачи не было. Было желание записать свои размышления, которые возникали, когда моя жизнь, мой досуг (ежегодное перечитывание собрания сочинений классика) и работа моя, так или иначе, соприкасались с творчеством Пушкина. Стройности здесь искать не нужно, как не надо выискивать подтекста. Итак, заметки...»

***

Пушкин задает много загадок, И главная из них – великая работоспособность его. Он умеет неуловимое движение мысли тут же зафиксировать, проанализировать и снова сделать запись-вывод. Он никогда не оставляет на потом задуманное. При так называемой «хронической лени», он был создан природой, как абсолютный аппарат для регистрации деятельности человеческой цивилизации. Через него познаётся целый народ, который, в свою очередь, для многих является загадкой. Более того, он создал законы художественного творчества, как Ярослав Мудрый свою «Правду», как Иван III первые великорусские уложения. Даже в переломках его, кои он быстро сочинил для читателя («Повести Белкина» – конечно же игра, но какой ум играл!), он захотел дать образец написания энергичной прозы, образной речи, потому и взял банальные сюжеты, чтобы контрастно на этом фоне прозвучали оригинальные мысли, ибо, мудрец, он понимал, что «мысль отдельно ничего нового не представляет».

Пушкин торопился неторопко дать все образцы известного стихосложения, драматургии, прозы, очерка и критики, чтобы идущие следом развивали и далее его художественные принципы, не отступали от народной правды и правды искусства.

***

После Высочайшего Указа, сделавшего Н. М. Карамзина русским историографом, тот стал получать в год жалования 2000 рублей. Напомним, что брат Александра I император Николай I выделил Пушкину в десять раз больше на создание «Истории пугачевского бунта». Впрочем, Александр Сергеевич мог проиграть за ночь в карты и 1200 рублей. Это не упрек поэту, но подчеркивание достоинств самого Карамзина, отказавшегося от сегодняшней славы ради осуществления великого замысла. (Пробуждению русского самосознания уже в наше время помогла публикация в журнале «Москва», в котором работал и автор этих строк, в 1988 году именно «Истории государства Российского». Кстати, наперекор жестокому партийному давлению архитекторов перестройки и, в первую очередь, А. Н.

Яковлева. Карамзинское творение не издавалась ни разу за годы советской власти, и мы понимаем почему. Но об этом разговор особый).

Могу только сказать, что если бы не подвижнический труд Николая Михайловича, то мы многого бы не досчитались в творчестве Пушкина. Недаром же Сергей Львович говорил своему пятилетнему сорванцу Саше, чтобы тот бросал свои забавы и не спускал глаз с Карамзина, когда тот приходил в гости. И этот совет пал добрым зерном на подготовленную почву. Неслучайно Пушкин посвятил ему «Руслана и Людмилу», «Песнь о вешем Олеге», «Бориса Годунова».

Своё подвижническое изучение истории Николай Михайлович начал в тридцать семь лет. В этом возрасте прервалась жизнь Пушкина. Это говорит только о том, что у каждого свой творческий путь, измеряемый не годами, а созданным. Карамзин, явив «Историю», подготовил этим стремительного ученика, сгоревшего в неустанных трудах.

***

Как много внимания поэт уделяет естественности в произведениях писателей: «Главное: истина, искренность». (Дурову, 1835); «Искренность драгоценна в поэте». (Путешествие В. Л. Пушкина, 1836) Но это лишь первая стадия становления сочинителя. А далее, по Пушкину, важен ум, «умный разговор», мысли. «Мысль отдельно ничего нового не представляет; мысли же могут быть разнообразны до бесконечности». (Об обязанностях человека. Сочинение С. Пеллико, 1836). «Следовать за мыслями великого человека – наука самая занимательная». И, наконец, его самый значительный критерий оценки таланта: «высшая смелость: смелость изображения, создания, где план обширный объемлется творческой мыслью – такова смелость Шекспира, Данте, Мильтона, Гёте в «Фаусте», Мольера в «Тартюфе». (1827)

Читаю и перечитываю его статьи и дневниковые записи, делаю новые выписки из его работ в свою тетрадь, а возвращаюсь беспрестанно к этим, давно выписанным. Примеряю к себе. Вижу, как мало развит мой ум, как недостаточен талант природный, как ленив я в усилии творческом, но слукавлю сильно, если не порадуюсь задумке моей тетралогии «Предначертание», «плана обширнейшего» моего. Точка приложения к истории отечественной есть. Хватило бы терпения и здоровья для великой работы этой.

***

Вот вопрос достойный поэта: «Праздников (по поводу рождения царского наследника. – А. А. П.) будет на полмиллиона. Что скажет народ, умирающий с голода?» Почаще бы проверять свою совесть этим вопросом, долгие бы задумываться над ответом.

***

Веря в пророческую миссию русского народа, он писал: «Освобождение Европы придёт из России, потому что только там совершенно не существует предрассудков аристократии. В других странах верят в аристократию, одни, презирая её, другие, ненавидя, третьи из выгоды, тщеславия и т.д. В России нет ничего подобного. В неё не верят».

Многое изменилось за это время. Россия выполнила свой гражданский долг, освободив Европу от многих зол, и добровольно взяла часть груза европейских стран на свои плечи, что расценено было по-ханжески: раз взяла – неси. Но на этом наша доброта не исчерпала свои возможности: мы безвозмездно отдали все свои завоевания в Европе, помогли соединиться Германии и добровольно стали выполнять все их условия. В итоге США и Европа расценили наши уступки, как явную слабость, что и привело к экономической слабости. А со слабыми в животном мире жестоко расправляются. Мы это видим на примере Югославии, Ирака, Ливии, Сирии... И ни одного рыка со стороны русского медведя, хотя уничтожаются наши союзники. Когда же кончится народное терпение?

***

Незадолго до смерти Федор Михайлович Достоевский записал в дневнике, как своё завещание: «Пушкин – знамя, точка соединения всех жаждущих образования и развития».

Более справедливых слов, говорящих об истинном значении великого поэта для русской культуры, я не знаю.

***

Я долго смеялся, прочитав – в который раз! – набросок воспоминаний о Карамзине. В частности, то место, когда по выздоровлении Пушкин явился в высший свет, который обсуждал первые восемь томов «Истории государства Российского» Николая Михайловича Карамзина.

В дневнике он записал: «Признаюсь, они (толки) были в состоянии отучить всякого от охоты к славе».

И далее: «У нас никто не в состоянии исследовать огромное создание Карамзина, – зато никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в учёный кабинет во время самых лестных успехов и посвятившему целых двенадцать лет жизни безмолвным и неутомимым трудам. Ноты «Русской истории» свидетельствуют обширнейшую ученость Карамзина, приобретённую им уже в тех годах, когда для обыкновенных людей круг образования и познаний давно окончен и хлопоты по службе заменяют усилия к просвещению».

Вот достойная оценка, данная великим учеником своему благородному учителю! Так необходимо платить за добро.

Хотя, видимо, неслучайно острый ум поэта и состязался в кругу друзей в словесных островах на творение Карамзина.

*В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.*

Правда, позднее он сам одернул себя: «Мне приписали одну из лучших эпиграмм его; это не лучшая черта моей жизни».

Конечно же, эпиграмма его. Но в этом жанре поэзии, в котором «ради красного словца не жалеешь ни мать, ни отца» эпиграммы Пушкина особенно необъективны. Свидетельством этому может служить и пушкинский

выпад против героя войны 1812 года, одного из выдающихся государственных деятелей России графа М. С. Воронцова, за который его осуждали многие, в том числе известный своей толерантностью В. А. Жуковский. Правда, здесь горячность Пушкина можно было понять: замешана обаятельная женщина, хотя и замужня.

***

Особенного разговора, а, точнее, глубокого исследования, требуют отношения Пушкина с Екатериной Алексеевной Карамзиной, которые, несмотря на разницу в девятнадцать лет, продолжались два десятилетия. Со стороны Александра эти отношения прошли трудный путь от юношеского обожания и влюблённости до благодарности за материнскую любовь, которой он не знал в детстве. Екатерина Алексеевна была внимательным и образованным собеседником, тонким знатоком русской поэзии (поэт доверял её вкусу и нередко проверял себя, читая новые произведения). Она была и настоящим другом. Только благодаря настойчивости Екатерины Алексеевны её муж, знаменитый историк и писатель Николай Михайлович Карамзин, обиженный на Сашу за дерзкую вольность, всё же вступился за Пушкина (вместе с поэтом Фёдором Глинкой), спасая его от ссылки в Сибирь в 1820 году.

Опорными точками для серьёзных размышлений на эту деликатную тему могут быть несколько важных свидетельств. И, в первую очередь, письма самого Пушкина. Например, к А. И. Тургеневу. Из дневниковых записей Анны Керн или графини Эдлинг можно узнать о Карамзиной, как «о первой и благородной привязанности Пушкина». Очаровательная Александра Осиповна Россети, в которую были влюблены русские поэты от В. Жуковского до М. Лермонтова, включая самого Пушкина, в своих воспоминаниях делится неслучайными замечаниями: «Я наблюдала также за его обращением с г-жей Карамзиной: это не простая почтительность к женщине уже старой, — это нечто более ласковое. Он чрезвычайно дружески почтителен с княгиней Вяземской, m-me Хитрово, но его обращение с Карамзиной совсем не то».

Очень о многом говорит также тот факт, что смертельно раненый поэт, прежде всего, посылает за вдовой Карамзина.

***

Замечательна запись в дневнике от 26 июля 1831 года и сделана она по поводу поездки Николая I в Новгородскую губернию, где происходили народные волнения, как неожиданная реакция на холерную эпидемию. Эта запись — целая программа недействия царю: «Народ не должен привыкать к царскому лицу, как обыкновенному явлению. Расправа полицейская должна одна вмешиваться в волнения площади, и царский голос не должен угрожать ни картечью, ни кнутом. Царю не должно сближаться лично

с народом. Чернь перестаёт бояться таинственной власти и начинает тщеславиться своими отношениями с государем. Скоро в своих мятежах она будет требовать появления его как необходимого обряда. Дынные государь, обладающий даром слова, говорил один, но может найтись в толпе голос для возражений. Таковые переговоры неприличны, а прения площадные повторяются тотчас в рёв и вой голодного зверя. *Россия имеет 12 000 верст в ширину, государь не может явиться везде, где может вспыхнуть мятеж*» (курсив мой. – А. А. П.).

Мысль эта, выраженная ясно, говорит о кредо, выработанным державным умом Пушкина, о его возможностях государственного деятеля, увы, не осуществленных. Кстати, возможно, что Адам Мицкевич был единственным, кто догадывался об этом пушкинском даре. Уже после его гибели польский поэт написал: «Когда он говорил о политике внешней и отечественной, можно было думать, что слушаешь человека занаторевшего в государственных делах и пропитанного ежедневным чтением парламентских чтений. Он любил обращать рассуждения на высокие вопросы религиозные и общественные, о существовании коих соотечественники его, казалось, понятия не имели».

Не это ли пушкинское раздумье через семьдесят лет выделит и расширит знаменитый наблюдатель отечественной истории Василий Осипович Ключевский: «Наши цари были полезны, как грозные боги, бесполезны и как огородные чучела. Вырождение авторитета с сыновей Павла. Прежние цари и царицы – дрянь, но скрывались во дворце, предоставляя эпически-набожной фантазии творить из них кумиров. Павловичи стали популярничать. Но это безопасно только для людей вроде Петра I или Екатерины II. Увидев Павловичей вблизи, народ перестал их считать богами, но не перестал бояться их жандармов. Образы, пугавшие воображение, стали теперь пугать нервы. С Александра III, с его детей вырождение нравственное сопровождается и физическим. Варяги создали нам первую династию, варяжка испортила последнюю. Она, эта династия, не доживёт до своей политической смерти, вымрет раньше, чем перестанет быть нужна, и будет прогнана». (Ключевский. Соч. в 9-ти томах. Т. 9. М. С. 442, 443).

Оставим на совести Василия Осиповича резкие комментарии-характеристики рода Рюриковичей, но тенденция, угаданная философским умом Пушкина, доведена историком до своего логического завершения. Кстати, Ключевский не дожил до революции, но, как видим, предсказал мрачную концовку императорской династии. Так, по свидетельству товарищей, в январе 1905 г. он сказал о Николае II: «Это последний царь, Алексей царствовать не будет». Возможно, он знал больше простого смертного! И возможно, что знания Пушкина и Ключевского из одного неизвестного нам источника!

***

Подражание не есть недостаток, но достоинство, если оно талантливо. Настоящий талант – не копиист, а художник, даже если отталкивается в своей работе от чужого произведения. Он вносит новые краски в свое восприятие старой картины мира.

Байрон не стыдился подражать Гёте. Пушкин не считал зазорным подражать Байрону. И сколько же чисто русского родилось из подражания англичанину!

***

Чувство поэтического достоинства было развито в Пушкине необычайно. Так, в письме к Наталье Николаевне он, возмущаясь происходящим, говорит словами Михаила Ломоносова: «Но я могу быть подданным, даже рабом, – но холопом и шутком не буду и у царя небесного».

Этот вскрик его оскорбленной части души! Но далее он пишет уже для нас, потомков своих: «Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать к царю – человеку благовоспитанному и честному, – замечает он с горькой иронией, – и царь не стыдится в том признаться и дать ход интриге, достойной Видока и Булгарина!»

Бедный Пушкин, если бы он знал, как стремительно будет развиваться государственная нравственность в наше время, он не стал бы так издевательски острить: «Что ни говори, мудрено быть самодержавным!»

Воронцов и Пушкин. Пушкин и Воронцов

Власть и поэт. Молодость и зрелость. Фронда и ответственность. Воля и свобода. Искусство и поклонники. Благородство и политика. Вот темы, которых мы касаемся, когда начинаем говорить о взаимных отношениях графа М. С. Воронцова и чиновника Коллегии иностранных дел А. С. Пушкина. Сколько здесь переплетается земного с небесным, чести с интригами, подлости с достоинством. У власти свои законы, но и у творчества – свои! Как разобраться в этом?

Советские литературоведы обвинили М. С. Воронцова в лицемерии, нелюбви к гению русской поэзии, переросшей в ненависть. Даже искренние строки на гибель поэта, написанные Михаилом Семёновичем в письме к сослуживцу своему М. И. Лексу: «Мы все здесь удивлены и огорчены смертью Пушкина, сделавшего своими дарованиями так много чести нашей литературе. Ещё более горестно думать, что несчастья этого не было бы, если бы не замешались в этом деле камеражы (сплетники, – А. А. П.), которые вместо того, чтобы успокоить человека, раздражали и довели до бешенства» и были истолкованы И. С. Зильберштейном, публикатором отрывка из письма, как продуманную подлость: «Несомненно, – что лицемерно-сочувственные строчки Воронцова о гибели поэта вызваны были желанием хитрого царедворца отделить себя в глазах общества от врагов Пушкина». Пушкиноведа даже не пришло в голову, что частное письмо это не станет известно «глазам общества», настолько его заряжённость на интриганство генерал-губернатора (а Воронцов, боевой генерал, не был причислен к царскому двору) была преднамеренна.

Словно предвидя произошедшее через тринадцать лет, друг Александра Сергеевича, барон А. А. Дельвиг писал ему: «Великий Пушкин, маленькое дитя! Иди, как шёл, т. е. делай что хочешь: но не сердись на меры людей и без тебя довольно напуганных! Общее мнение для тебя существует и хорошо льстит. Я не видел ни одного порядочного человека, который бы не бранил за тебя Воронцова, на которого все шишки упали...».

Узнав о том, что в мае 1823 года М. С. Воронцов был назначен генерал-губернатором Новороссии и наместником Бессарабии, друзья Пушкина решили, что поэту будет лучше под крылом благородного человека, выдающегося администратора. Князь П. А. Вяземский писал в письме А. И. Тургеневу: «... Говорили ли вы Воронцову о Пушкине? Непременно надобно бы ему взять его к себе. Похлопочите, добрые люди! Тем более что Пушкин точно хочет остепениться, а скука и досада – плохие советники». Александр Иванович ответил, что поговорил с Воронцовым о поэте и тот берёт его к себе от генерала И. Н. Инзова, полномочного наместника Бессарабской области, чтобы «спасти его нравственность, а таланту дать досуг и силу развиваться».

М. С. Воронцов сдержал своё слово и дал полную свободу для творческих занятий Пушкину, не заставляя молодого писателя приходить на работу, хотя 700 рублей (деньги по тем временам немалые. – А. А. П.) он получал от Коллегии иностранных дел. Было предположение о том, что Воронцов хотел использовать способности Пушкина для разбора архивных документов, но, как заметил историк И. М. Шкляж: «А. С. Пушкин, и это не секрет, мало утруждал себя служебными обязанностями, стал бы он много времени и сил трагить на воронцовские бумаги». Впрочем, как пишет биограф Михаила Семёновича О. Ю. Захарова, исторические материалы, обнаруженные в библиотеке губернатора, помогли поэту в работе над «Борисом Годуновым» и «Историей Пугачёвского бунта».

Другой биограф М. С. Воронцова В. А. Удовик основательно и непредубеждённо проанализировал отношения его с Пушкиным. И вот к какому выводу он пришёл: «Наговаривая на Воронцова, изображая его врагом Пушкина, исследователи невольно наговаривают и на Пушкина. Если Пушкин принимал приглашения своего врага и бывал в его доме, следовательно, честь не была ему дорога. Но, как известно, честь и чувство собственного достоинства были для Пушкина превыше всего. В гости к врагу он ходить не стал бы. С другой стороны, честь, чувство собственного достоинства были присущи и М. С. Воронцову. А это также исключало приглашение им к себе в гости врага».

Пушкин часто бывал в доме Воронцова. Интересно, что за четыре месяца 1823 года Пушкин нарисовал 9 портретов Михаила Семёновича и 17 его супруги. Всего же он сделал более 20 рисунков Воронцова. Редко кто из друзей Пушкина может сравниться с таким вниманием к себе. Впрочем, даже эти портреты задумчивого человека выдавались А. Эфросом, искусствоведом и критиком, за пушкинский «штамп «вельможного англомана» с каким-то звериным оскалом, с чертами грубости, жестокости, ограниченности».

Что же касается конфликта по поводу саранчи, то Воронцов пожелал, чтобы Пушкин, как и другие чиновники его канцелярии, выехал

на освидетельствование результатов борьбы с прожорливыми насекомыми. Возможно, как предполагал П. В. Анненков, он был «движим желанием предоставить Пушкину случай отличиться по службе». Так же считал и друг поэта И. П. Липранди. Маленькая любопытная деталь, характеризующая понимание генерал-губернатором финансового состояния Александра Сергеевича: он распорядился выдать поэту командировочных втрое больше, нежели полагалось. Однако Пушкин, пробыв в поездке несколько дней, сдал 28 мая в канцелярию следующий отчёт:

САРАНЧА

23 мая – Летела, летела,

24 мая – И села;

25 мая – Сидела, сидела,

26 мая – Всё съела,

27 мая – И вновь улетела.

Полковник Х. доложил Воронцову о возмутительном рапорте поэте, требуя наказания его. Но об отходчивом характере Михаила Семёновича более всего говорит письмо своему приятелю, в котором он описывает этот эпизод: «Конечно, полковник был прав. Подобные стихи и такое легкомысленное отношение к порученному делу недопустимо. Меня возмутила только та радость, с которою полковник рыл яму своему недругу. И вот я решил на другой день утром вызвать Пушкина, распечь или, вернее, пристыдить его и посадить под арест. Но ничего из этого не вышло. Вечером я начал читать другие отчёты по саранче. На этот раз серьёзные, подробные и длинные-предлинные. Тут и планы, и таблицы, и вычисления. Осилит один страниц в 30 и задумался – какой вывод? Сидела, сидела, всё съела и вновь улетела – другого вывода я сделать не мог. Прочёл вторую записку и опять то же – всё съела и опять улетела... Мне стало смешно, и гнев мой на Пушкина утих. По крайней мере, он пощадил моё время».

Человек с таким чувством юмора не мог быть врагом талантливого поэта! Хотя встреча между ними и могла быть. И разговор соответствующий мог быть.

Тем не менее, некоторые пушкинисты настойчиво считают «эпизод с саранчой» началом войны между губернатором и подчинённым. Есть предположение, озвученное П. П. Вяземским, сыном поэта, о том, что Пушкин, влюблённый в графиню Е. К. Воронцову, не хотел уезжать в командировку, ибо думал, что граф специально отсылает его подальше от предмета его обожания на целый месяц. К тому же он мечтал о включении его в состав сопровождающих чету Воронцовых в Крым.

Факт остаётся фактом: 2 июня Пушкин подал прошение об отставке. Виноват ли Воронцов в этом? В. А. Удовик пишет: «Ни в те дни, ни позже «неглупый» (определение Пушкина, – А. А. П.) Воронцов никогда не обвинял его в возникшем между ними конфликте».

Возможную точку в долгом споре о том, кто виноват, может поставить

умное письмо княгини В. Ф. Вяземской своему супругу поэту П. А. Вяземскому от 7 июня 1824 г.: «Я ничего тебе не могу сказать хорошего о племяннике Василия Львовича (Пушкина – А. А. П.). Это мозг совершенно беспорядочный, над которым никто не сможет господствовать; недавно он снова напроказил, вследствие чего подал прошение об отставке; во всем виноват он сам... Я сделаю всё, что могу, чтоб успокоить его голову; я браню его и от твоего имени, уверяя, что, конечно, ты первый обвинил бы его, так как его последние прегрешения истекают из легкомыслия. Он постарался выставить в смешном виде лицо, от которого зависит, и сделал это; это стало известно, и, вполне понятно, на него уж не могут больше смотреть благосклонно. Он мне, в самом деле, причиняет беспокойство, но *никогда я не встречала столько ветрености и склонности к злословию*, как в нём; вместе с этим я думаю, что у него *доброе сердце* и много мизантропии; не то чтобы он избегал общества, но *он боится людей*; может быть, *это следствие несчастия и несправедливостей его родителей, которые сделали его таким* (выделено мной. – А. А. П.)».

А как же его оценка Воронцова в письме А. И. Тургеневу от 14 июля: «Воронцов – вандал, придворный хам и мелкий эгоист. Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое»? Хотя за два месяца до того он писал в черновике письма к А. И. Казначееву «Повторяю здесь то, что уже /честь имел говорить/ сказал самому графу М. С. если бы я хотел служить, то никогда бы не выбрал себе начальника, кроме е.<го> с.<иятельства>».

Но друзья знали взрывчатость и раздражительность его характера и прощали ему многое. Сказывался его темперамент и в переписке с близкими людьми. Впрочем, и сам поэт замечал за собой «резкие и необдуманные суждения» и просил оставить их только между ним и адресатом. Настоящие друзья Пушкина упрекали его в том, что он не смог ужиться с Воронцовым.

И всё-таки отставка поэта, принятая императором, и последующий отъезд его из Одессы, последовавший в конце июля, оказались благом для него, как писал об этом осведомлённый во многом офицер и друг Александра Сергеевича Липранди, зная, что в Одессе появились заговорщики, будущие декабристы и: «Пушкин, с мрачно-ожесточённым духом, легко мог быть свидетелем бредней, обуревавших наших строителей государства, и сделаться жертвой».

Подводя итог годовому пребыванию Пушкина в Одессе, можно сказать, что поэт плодотворно поработал над главами «Евгения Онегина», им была завершена поэма «Бахчисарайский фонтан», обдуман план создания «Цыган», написаны прелестные стихи, посвященные красавицам Амалии Ризнич, Каролине Собаньской и, конечно, Екатерине Воронцовой. «Итак, я жил тогда в Одессе» – с полным основанием мог сказать поэт, вспоминая своё пребывание в южном городе.

***

Раньше постоянно цитировали в патриотически настроенных газетах и журналах поэтические строки Юрия Кузнецова. Потом, с усилением православной направленности, стали цитировать стихи Владимира Кострова. И тот и другой – поэты глубокие, по жизни – мои товарищи, но,

как и все талантливые творцы, могут иметь некие огрехи на собственных полях. И тому, кто цитирует понравившиеся строки, нужно вчитываться в их смысл, чтобы не попасть впросак.

Вот пример: в статье «Расстрелянный Пушкин» прозаик Валерий Ганичев пишет: «И, конечно, здесь, на улице Фета, должны звучать стихи. Они и звучали. Читает поэт Владимир Костров. Стихи обращены к великим предшественникам, к природе, любви. И, может, всеобщим пожеланием были его строки:

*Дай Родине моей покоя и удачи!
И больше ничего? – И больше ничего».*

(В. Ганичев. Соб. соч. в 3-т. М.: «Гудок», 2003. Т. 2. С. 649).

Если бы это было не в статье о Пушкине, если бы это стихотворение не обращалось к великим предшественникам, если бы его так не выпятили, то можно было бы и не обращать внимание на пожелание поэта. Вдумайтесь в то, что желает поэт дать Родине?

Первое: покоя. Да, тишина, мир, спокойствие необходимы для трудов на благо Отечества. Второе: удачи. Но удача нужна только для какого-то временного состояния: рыбалки, охоты, конкретного дела, конкретного сражения. Для постоянного дела необходимо нечто большое. А поэт заостряет: «И больше ничего?» И сам же отвечает: «И больше ничего». Этого ему больше чем достаточно. Но ведь для великих трудов необходим характер, сила, умение, упорство в достижении цели. Пушкин это знал и потому советовал нам, и Кострову тоже: «А счастья нет. Есть лишь *покой и воля*». Воли надо было Владимиру Андреевичу пожелать «Родине моей». По крайней мере, сынам слабым её.

Но если бы Костров сделал это, то его обвинили бы в плагиате. Такого поэт допустить не мог, ибо любит и знает Пушкина. Потому и поставил обычное, бытовое словцо «удача», а надо бы поставить слово равное воли.

И больше ничего? И больше ничего. Ибо если есть воля, то задуманное исполнится. Об этом говорит история России своим детям. Волю (характер) нужно иметь, чтобы противопоставить её воле (характеру) супротивника. Только при наличии воли можно устоять в любых обстоятельствах и не покориться врагу. И быть достойными предназначения. А оно у России, у нашей Родины, есть. Воли сегодня многим не хватает. И знаний, конечно.

P. S. Мне представляется интересным рассуждение Александра Блока в его пушкинской речи на эту же тему: «Покой и воля. Они необходимы поэту для освобождения гармонии. Но покой и волю тоже отнимают. Не внешний покой, а творческий. Не ребяческую волю, не свободу либеральничать, а творческую волю – тайную свободу. И поэт умирает, потому что дышать ему больше нечем: жизнь потеряла смысл».

Расставлены все акценты. Мысль ясна и горестна. Творческий покой и творческая воля – вот локомотивы работы поэта. И если их отнимают – полная обездвиженность. То есть смерть.

***

Много пользы принес Пушкин, ведя свои дневниковые записи, занося в них события современной ему жизни, ибо в них отражены не только свидетельства очевидца, но даны размышления зрелого литератора, историка и этнографа. Продолжением и развитием этого жанра, его блистательными вершинами в мировой литературе стали «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского и дневниковые шедевры М. М. Пришвина.

***

Я догадался, почему Владимир Соловьев в своей знаменитой статье о Пушкине говорит о естественности гибели поэта. Эта мысль уже не кажется парадоксальной. Поэт не копил свои творческие силы на потом, а тратил их щедро, как дотеле скупой крестьянин зерно на весеннюю землю, ибо летом каждое из них закачается полновесным колосом. И мысли его взошли обильной нивой. И мир поразился силе последующей русской литературы.

***

Пушкин был, есть и будет одной из самых надежных опор русского характера, обладающего выдающейся стойкостью со дня зарождения нации, но осознавшего себя, увидевшего себя со стороны только благодаря таланту этого бессмертного поэта.

***

Лет десять назад одна из юных журналисток смело спросила меня, как я отношусь к своей старости.

– Ведь вы же – старик, правда!

Я также смело ответил:

– Старость – понятие многомерное, объёмное. Важно, с чем придёшь к старости. А это зависит от того, чем занимаешься в молодости.

С моей точки зрения у старости есть три периода: юность старости, зрелость старости и старость старости. Я живу сейчас в первом периоде этого возраста. Полноценно живу!

И только совсем недавно я оценил в письме Пушкина к своему другу Дельвигу тревожную мысль о том, что живёт он воспоминаниями. И грустно шутил, а чем, мол, ещё жить остаётся под старость нашей молодости.

А я в своей молодости не думал о старости её!

***

Читал студентам-вечерникам лекцию о Пушкине – сотруднике Коллегии иностранных дел, настолько тайном, что догадывался о его государственном значении только Адам Мицкевич да редкие друзья его. Приводил примеры его свободы в ссылке. В частности, четырехмесячную поездку «для отдыха» на Кавказ вдоль тогдашней границы с генералом Н. Раевским, его сыновьями, сопровождаемую 60-ю казаками и одной пушкой. Или неожиданное известие в письме к брату Лёвушке о том, что заканчивает написание очерка о черноморских казаках. Для кого он писал очерк? Почему до сих пор не найден пушкинский текст?

Напомнил молодым, как Пушкин увидел на границе с Персией тело убитого «Грибоеда» (1829) и пожалел, что тот не писал дневников. На самом деле А. С. Грибоедов оставил юной супруге Нино дневники свои, которые были изданы книгой на Кавказе, но уже в 1920 году в отделившейся на время Грузии. Я купил затёртый экземпляр дневников в мягкой обложке лет сорок назад на московской барахолке за несколько рублей, а потом подарил умному поэту В. Д. Цыбину. Ругаю себя за то, что не изучил её основательно, ибо А. С. Грибоедов был глубоко православным человеком.

Любопытно, что, жалея о не написанных дневниках русского поэта, Пушкин в письме П. А. Вяземскому писал (1825) о дневниках английского поэта: «Зачем жалеешь ты о потере записок Байрона? Черт с ними! Слава Богу, что потеряны. Он исповедался в своих стихах, невольно, увлечённый восторгом поэзии. <...> Оставь любопытство толпе и будь заодно с Гением». (*Переписка А. С. Пушкина. В 2 т. Т.1. М. Худ. лит., 1982. С. 237*).

Дал им задание прочитать «Путешествие в Арзрум» и обязательно посмотреть его записку об язидах. Для кого он писал ее? Что за народ они? Пусть подумают студенты!

***

Сергей Есенин не любил писем поэта. Он видел в них только догадку Пушкина о том, что письма его будут читаться не только адресатами, но и потомками, и потому поэт писал с учётом будущего прочтения. В этом наблюдении Сергея Александровича есть правда, но не вся. Слово – не только слепок желания, но и отражение действительности. И как бы ни редактировал свои письма Александр Сергеевич, как бы ни примерял к будущим поколениям, он оставлял следы своего времени. И в этих следах отражалось высокое воспитание поэта, гомеровская культура осмысления мира во всех его проявлениях. Пушкин и в письмах друзьям полон острого ума и мягких острот. Вот одно из них, писаное 14 апреля 1836 года из Голубова в Языково любимому другу и поэту:

«Отгадайте откуда пишу к Вам, мой любезный Николай Михайлович, из той стороны – где вольные жилали etc. где ровно тому десять лет пировали мы втроем – Вы, Вульф и я; где звучали Ваши стихи и бокалы с Емкой, где теперь вспоминаем мы Вас – и старину. Поклон Вам от холмов Михайловского, от огней Тригорского, от голубой Сороти, от Евпраксии Николаевны, некогда полувоздушной девы, ныне дебелой жены, в пятый раз уже брюхатой, и у которой я в гостях. Поклон Вам от всего и ото всех Вам преданных сердцем и памятью.

Алексей Вульф здесь же, отставной студент и гусар, усатый гастроном, тверской Лавлас – по-прежнему милый, но уже перешагнувший

*«Я памятник воздвиг себе нерукотворный.
К нему не зарастет народная тропа..»*

В горах Кавказа

за тридцатый год. Пребывание моё во Пскове не так шумно и весело ныне, как во время моего заточения, во дни, как царствовал Александр, но оно так живо во мне напомнило, что я не мог не написать Вам несколько слов в ожидании, что и Вы откликнитесь. Вы получили мой «Современник»; желаю, чтобы он заслужил Ваше одобрение. Из статей критических моя одна: о Коинском. Будьте моим сотрудником непременно... Ваши стихи – вода живая; наши – вода мертвая: мы ею окатили «Современника». Опырыните его Вашими кипучими каплями. Послание к Давыдову – прелесть!

Наш боец черно-кудрявый окрасил было свою седину, замазав и свой белый локон, но после Ваших стихов опять его вымыл – и прав. Это знак благоволения и поэзии. Прощайте – пишите мне, да, кстати, уж напишите и к Вяземскому ответ на его послание, напечатанное в «Новоселье» (помнится) и о котором Вы и слова о нем не молвили. Будьте здоровы и пишите. Живи и жить давай другим.

Весь Ваш А. П.

14 апр.

Пришлите мне, ради бога, стих об Алексее Божьем человеке и еще какую-нибудь легенду. Нужно».

В этом письме великолепны воспоминания юности, лёгкой иронией притороченные к сегодняшнему дню: «...некогда полувоздушной девы, ныне дебелией жены, в пятый раз уже брюхатой...». С информацией о выходе «Современника» соседствует мягкий пиар: «желаю, чтобы он заслужил Ваше одобрение», похвала «Послания к Давыдову», просьба не забывать Вяземского, настойчивое желание прислать ему необходимые для будущей работы сокровища народной поэзии... Щедро делясь своим литературным богатством: идеями, набросками, замыслом с другими, он не отказывался от помощи своих товарищей. И поражает, конечно, его дивная мысль, неожиданно повернутая небанально: «Живи и жить давай другим». Просветлённая мысль благородного просветителя.

***

Смотрю на посмертную маску Пушкина, висящую на стене моей комнаты, и думаю, как внешне некрасив он был для многих, сколько обидных слов вонзилось в его спину, сколько ироничных смешков услышал он, но ни одной злобинки нет в его стихах, ни одного раздражения нет в его дневниках. Не замечал, – значит, не было.

Великий нравственный урок и в этом тоже.

Иван ТЕРТЫЧНЫЙ

ШАЛЯЙ-ВАЛЯЙ

1

Мой дед Иван был хлебопашцем, участником русско-японской и первой мировой войн, заключённым в исправительно-трудовом лагере на Северном Урале и – что тоже немаловажно – отцом девятерых детей, которые, став взрослыми людьми, не один десяток лет верно, с полной отдачей сил, служили своему народу. Да, именно так: служили, а не работали через пень-колоду ради получения некоей «зарплаты».

В межсезонье, когда поле отдыхало, дед – тогда ещё мужчина в расцвете сил – немного промышлял скотом: объезжая дальнюю и ближнюю округу, покупал то десяток овец, то двух-трёх яловых коров или бычков и после откорма и убоя вёз на базар уже готовый продукт – мясо. Такой промысел приносил большой семье какие-то копейки и рубли, и она в общем-то не погружалась в заметную нужду.

И вот в какой-нибудь воскресный зимний день, дед, наказав Евдокии Ивановне, жене, готовить большой обед, впрягал в розвальни рысака и ехал к братьям. Возвращался обычно через часок, подрумяненный морозцем и, может быть, стопочкой-другой водки. Братья и давние друзья Ивана Александровича вносили в дом полуштофы и шкалики, снимали полушубки и дружным кружком усаживались за стол. Обед... Чаепитие... Долгие беседы... Дед в такие добрые часы и минуты любил приговаривать: «Деньги пропьём не спеша...» – имея в виду, конечно, не скопленную долгими трудами некую сумму, а неторопливость общения. Иван Александрович уважал людей, основательных во всем, занятых и на дух не переносил суетливых, забывающих о небе. «Э, шалай-валяй...» – махал он пренебрежительно рукой, когда упоминали о таких типах. Может быть, именно за здоровую цельность характера его многие уважали и на фронте. «Бывало, бабахают германские пушки – бах-бах! А тут, глядь, кто-то из офицерского блиндажа кричит, машет: «Эй, Иван Александрович! Беги сюда!» Не рядовой такой-то, а – Иван Александрович – так кричали. Посадят рядом с собой, себе по чарочке наливают и мне тоже – чарочку. Пока германец бабахает, сидят, истории разные рассказывают, иногда и меня просили: расскажи, мол, что у вас там за места, какая, мол, семья... Слушали внимательно, когда – о серьёзном, и когда – о весёлом, смеялись, конечно...»

И если кого не то, что не любил, не уважал, а гневно презирал, то это воров. Увидит, скажем, вечером, как Василий Андреевич, механик автобазы, оглядываясь, выгружает из машины у своих ворот какие-то ящики, а его сыновья муравьишками утаскивают их во двор, увидит, пристукнет палкой о землю, плюнет: «Какой же ты, Васька, ненасытный!». И перекрестится.

А там, глядь, другой сосед, тремя домами дальше, шофёр Шурка и его жена перебрасывают доски из кузова прямо через забор... «Да-а, – скажет дед, – кам-му-нис-ты!.. Шалаяй-валаяй». Он не стеснялся подойти, допустим, утром следующего дня к тому же Василию Андреевичу и в лоб спросить: «Что же ты ворует, Василий Андреевич? Ты же партийный. Ты оберегать всё должен. А ты?..» Странно, но Василий Андреевич даже не обижался. Слушает деда, слушает, а потом говорит: «Дед, раз я что-то где-то беру, значит, мне оно нужно или когда-нибудь будет нужно. А теперь послушай о нас, о коммунистах... Вот ты, дед, украдёшь сегодня, а что с тобой будет завтра? Правильно! Приедет милиция, потом – суд, тюрьма... А я взял... ну ладно, украл... Что будет со мной, если узнают? Вызовут на партбюро, пожурят как товарища по партии... ну, выговор, ну, строгий выговор... Меня партия не отдаст суду! Вот так, дед... А ты – «партийный, партийный...»

Помню, по чьей-то просьбе – родственников или соседей – дед в очередной раз рассказывал о революции.

– ...И мы, солдаты, чуть не схватили их главного смутьяна. Паровоз остановился, он спрыгнул... Мы к нему бегом. А тут машинист, видно, нарочно пар пустил, бело кругом стало... А он, как чертёнок, рыжий, увёртливый, рост – метр с кепкой, нырнул куда-то – и след его простыл... И видали мы этого Ульянова...

– Ленина?! – Я вскочил с табуретки, едва не подавившись леденцом.

– Да какой он Ленин... – Дед огладил ладонью аккуратно подстриженную седую бородку. – Мать-то у него немка. И деньги он сколько годов получал от немца рыжего, Паруса, что ли... И газета немецкая в Петрограде одно время выходила. Для их офицеров переодетых. Сам видел газетку эту. Да и какая «революция»... Они сами, большевики, в газетах годов десять писали «переворот», а уж потом украсили – «Великая революция».

– А на гражданской...

– А на гражданской я не воевал. Дети у нас с Евдокией Ивановной народились... Всего стало девять. Вот и не взяли по мобилизации – ни те, ни другие. Да и не дело это: русские люди убивают русских людей. Многие тогда у нас в губернии были: и белые, и красные, и всякие разные. Но хуже латышей не было. Их Петрис какой-то из Москвы прислал покарать непокорных. Ботинки с обмотками, фуражки, майки... Эти майки у нас не водились, на них только и увидел... Звери! Чуть кто что-то не так сказал, не так глянул или лошадку попытался последнюю спрятать от них, – пуля! А что им жалко, что ли, русских людей?

Потом, когда ЧК стала народ причёсывать густым гребешком, ещё тяжче стало. Собрал я старших своих, уже семейных, и сказал: видно, эта власть пришла надолго, голову высоко не задирайте –шибёт!

2

Мороз. Мягкое, пушистое солнце. Мы идем по нашей улице Лесной к тете Наде, старшей дочери деда. Проведать. Тетя Надя живёт на другом конце Стрелецкой слободы. Мы идём и неторопливо разговариваем. Точнее, я спрашиваю деда, а он отвечает.

– Дед, а правда, у нас самые красивые места?

Дед передаёт мне свою тяжелую сучковатую палку, снимает ушанку, ерошит ладонью седой ёжик. Останавливается. Смотрит окрест.

– Лучше нет. Лучше нет...

Надевает ушанку, берет у меня палку. И мы шагаем дальше.

– А знаешь, дед, скоро на всей земле хорошая власть будет, везде социализм будет! Ты рад?

– Какая это – хорошая?

– Ну, социализм... Советская власть...

– Насчет «ализма» этого – не знаю... А какая вот у нас власть, Советская? У нас власть коммунистов, а Советы... они так... на побегушках.

Я смущён. Я поражён. У нас нет Советской власти? И не было?

Помолчав, спрашиваю – о другом.

– А дядя Вася... твой сын... герой?

– Герой... Сгорел в танке... Там... – Дед останавливается и медленно поднимает палку, указывая куда-то на север. – Там... Километров двести...

– И проводит ладонью по щеке.

– И дядя Гриша?..

– И дядя Гриша, сынок мой, герой... Видишь, живой остался...

– А дядя Саша?..

– И дядя Саша... Бомбили его училище, ранили в ногу... попал в плен. А потом, как убежал от германца, воевал, служил после войны офицером...

– А папа?..

– У нас все герои. И наша Евдокия Ивановна – тоже. Таких соколов, таких девок родила и выходила! Да много у нас в державе людей добрых. Эх, если бы не шаляй-валяй!.. То воруют, то сынков своих прямоходом в начальники просовывают или за границу. Блат. Блат. Страшное дело.

– Ты... – я удивлен; я учу немецкий язык; я знаю это слово, но откуда его знает дед? – Ты же не учил немецкий? А знаешь – «блат».

– Учил... не учил... Комиссары давали нужным им человечкам листочек бумаги – блат этот... А на нём написано: выдать на складе такому-то кожаную куртку и галифе. Или – сахару фунт и фунт чаю.

– Да-а...

– Вот наш секлетарь областной на пенсию вышел – и в Москву сразу. Там, говорил Колька, сын Ивана Щигорева, для всех секлетарей областных квартиры заготовлены. Намаются они с нами, с народом простым – и хоп! – уже греются под кремлёвскими звёздами! Рядом – с начальниками страны.

Я загляделся на пустырь. Там, над мёртвой чашчобой репейника, порхают чудо-птицы – снегири. Наверное, склёвывают вкусные семена. Наверное, радуются.

Мы поворачиваем направо, и вон он – совсем недалеко! – крытый тёмной черепицей домик тети Нади.

Идти осталось недолго, и я решаюсь убедить деда в своей правоте.

– Я думаю, дедушка... Я думаю, что...

– Что ты говоришь? – Дед приподнимает клапан ушанки.

– ...наша власть – народная!

Дед молчит. Видно, думает, что мне ответить. Или не хочет отвечать.
Отвечает.

– Она была народная при царе. А сейчас... Да и потом, когда-нибудь... вряд ли... вряд ли ... Ты вот – про власть народную... К примеру, знаешь, как тогда народ ворами управлялся? Скажем, лошадь или корову кто увел... Да, бывало, крепко били... А частее – по-другому: созывают сход, постановляют: тут же вора выслать на житьё в Сибирь! Приезжает становой, стражники; вора сажают в телегу – и поминай как его звали! А попробуй пьянствовать в страду, скажем... Все, как один, отвернутся от тебя. Без всякой команды. Все! Сам в крымы-рымы сбежишь. Вот, я понимаю, власть народная. Настоящая!

И ещё, послушай, скажу... Я как-то был в одном большом селе, коня хотел купить... В году двенадцатом или тринадцатом. Мужик, Никитой звали, раз за снопами поехал. А дело было утром, туман... Он не разобрался, что, где, и увез два крестца (копны такие) снопов с соседского поля. Сложил снопы на гумне – и снова поехал. Глядь, а его-то снопы все на месте! Сосед приедет – позор! Все вором назовут. Он распряг лошадь, примчался домой и тут же повесился в овине! Вот, голубчик, как... И где законы разные были, а главный самый был – это совесть. Ты вот – о власти... Совесть – тоже власть. И какая!.. А в людях, вижу, она того... Убаюкали ее говоруны, шалай-валяй. Понял?.. Не будет у людей совести (а нет в душе веры, откуда ей взяться?), тогда все одно: и державе конец, и... Раньше ли, позднее ли – конец. Не приведи, Господи, увидеть!..

Дед мой оказался прав: через двадцать пять лет после нашего зимнего разговора ослабевшая без главной своей скрепы – совести – великая держава приказала долго жить.

ЧЕРНАЯ БАБОЧКА С БЕЛОЙ ОТОРОЧКОЙ

1

Никита Зернов умер тёмной июльской ночью в краевой больнице, вдали от привычного московского мира. Ничто, казалось, не предвещало скорого конца, но, как говорится, мы предполагаем, а Господь располагает...

Выставка его картин в Японии прошла весьма успешно. Так, по крайней мере, считал он сам. Местная же пресса оценила творчество русского живописца более выразительными словами, но в том ли суть... Домой возвращались всего две его работы, остальные же обрели новый приют, новую и, может быть, долгую жизнь.

Никите стало плохо на самом подлёте к аэродрому. Будто острой ледяной иглой ударило под левую лопатку; потом боль медленно потекла по левой руке – до самых кончиков пальцев. Он, только что толковавший о житье-бытье с соседом, тоже русским, молодым фирмачом из Питера,

сразу обмяк в кресле; лоб, руки, всё тело покрылось холодной испариной; как-то разом его оставили силы, он не мог даже поднять веки...

Через полчаса Зернов уже лежал в реанимационной палате.

2

Жизнь Никиты Зернова была, если не считать последних пяти лет, пожалуй, обыкновенная. Как жизни тысяч и тысяч его сверстников и даже большинства людей его художественного цеха. Школа, армия, институт, женитьба, вечная нехватка денег, рождение ребёнка... И, конечно же, – какая приправа к пресному житью! – кухонные ночные посиделки, где его сверстники, а то и люди постарше, само собой, все непризнанные гении, спорили о политике, о существующем режиме, который душит железной рукой гражданские и творческие свободы... Но всё это – и шумные споры, и громкие манифесты, и новые гости – улетучивалось утром вместе с дымком похмелья. И только не оставляла – дни, месяцы и годы – одна, какая-то подспудная мысль-жало: не то всё, не то... А что не то, он и сам пока что не знал. Мама – тыфу-тыфу! – жива-здоровая, есть жена-красавица, растёт сын, есть отдельное жильё да и кой-какие способности у самого имеются (как без них попал бы в Суриковский?). Что же «не то»?.. И режим проклятый вот уже рухнул, и свободы море разлитое, и рука кой-чему научилась...

А пять лет назад он ушел из дома. Надоели частые назидания жены-искусствоведа: «Дорогой мой, сам знаешь, что кормит современного художника – актуальное искусство... Да-да, чёрточки, заплаточки, кубики, треугольнички! А ты уперся в свой древний реализм! Ну, выставлялся, ну и что?». Надоели её поздние возвращения домой (запашок коньяка, аромат дорогого французского одеколona). А может, что-то ещё... Но однажды весенним утром – как хорошо, ярко тогда светило солнышко! – он собрал свои вещи в чемодан и ушёл на Башиловку, в мастерскую. Навсегда.

3

С Инной он познакомился на вечеринке у давнего приятеля, закоренелого холостяка. Компания была нешумная. Баловались хорошим вином, покуривали сигареты, бродили по старинной просторной квартире, разглядывая картины – последние изыски хозяина.

Она пришла с подругой его приятеля. Ничего особенного, яркого – ни в одежде, ни во внешности. Обычная женщина. Невысокая. Ладненькая. Весёлая. Но что-то было в ней такое, что он не мог назвать словами. Что-то нежно встревожило его. Тёплый грудной голос? Внезапная детская улыбка? Необычайно приветливый взгляд? Как бы там, что бы там ни было, но они почти сразу тайно узнали друг друга, как бы перекликнулись: это ты?.. это ты?..

В следующий выходной Никита и Инна пошли в Центральный Дом

художника, на какую-то выставку. Посмотрели. Погуляли. Поболтали. О том и о сем. Потом встретились ещё раз... И ещё. А через месяц-полтора она огорошила его вопросом:

– Дорогой Никита! А не желаете ли вы отдохнуть на Оке-реке? Лето в разгаре, между прочим.

– Если вместе – да.

– Я приглашаю. У брата есть дом в деревне, по-современному – дача. Ключи у меня.

– А как же муж?

– Два дня назад наша общая с ним судьба окончилась. Поставлена последняя точка.

И она припала к его плечу.

4

... Там, за рекой, за потемневшими холмами клубились сизые тучи. Мощно и широко погромыхивало, точно кто-то невидимый перекатывало с места на место огромные пустые бочки.

Когда они по тропе поднялись повыше и река стала видна от берега до берега, Никита повесил полотенце на шею и, ухватившись за его концы, спросил:

– Давно обратил внимание... Что это за дом за рекой? Вон тот, на холме... Красиво смотрится... Красный кирпич, такие зелёные купы... Владение местного богатея?

Инна прислонилась к нему спиной и, не оборачиваясь, ответила:

– Нет, миленький, не богатея тут живёт...

– Санаторий, что ли?

– Теплее.

И плотнее прижалась к Никите.

– Дом отдыха?

– Дом печали.

И вдруг обернулась, обхватила его руками.

– Я так боюсь тебя потерять! Я всю жизнь тебя искала! Ты мой родной! Ты родной мой!

А когда они уже подходили к дому. Инна коротко взглянула на Никиту.

– Там, в доме за рекой, живут те, кто потерял рассудок...

На «Дом печали» у него ушло около недели. Когда Инна посмотрела законченную работу, то сказала коротко:

– Да.

Для него это означало: она сказала «да» запечатленному; да – заречным былинным далям; да – сизым клубящимся тучам; да – огненному небесному дереву; да – ему. Она и ему сказала – да!

И он сказал себе о сделанном так же коротко: «то»! А вслух тоже сказал:

– Да.

«Треугольнички, кубики...»

Ежедневные походы Никиты к роднику, за водой, дарили ему, сорокапятилетнему, давно забытые ощущения юности и силы. Он садился на обветренное и высушенное солнцем почерневшее бревно и осматривался, как будто не вчера и не позавчера был на этом же месте и будто не летали эти синие и зелёные стрекозы; будто не видел эти пышные розовые соцветья иван-чая; будто не созерцал у своих ног эту милую вертлявую птичку – трясогузку; будто...

А вот её-то он действительно увидел только сегодня. Сейчас. На самом конце бревна примостилась большая чёрная бабочка. Откуда взялась? Как её именуют? Чёрная, белые обводы по краям крылышек... И для себя тут же определил, как он будет её называть: чёрная бабочка с белой оторочкой! Да, так... Именно так!

Никита Зернов удивлялся в своей жизни многому. И хорошему, и плохому. Разному. Но теперь, после возвращения в Москву с берегов Оки, он небывало удивлялся самому себе. Он внутренне преображался. Что было тому причиной? Внезапная любовь? Или вот так несуетно увиденная русская красота? А может быть, неспешная, долгая работа души? Или это всё вместе слилось в некую гармонию?

Перемены в нём заметили давние друзья, знакомые. Первым – старинный приятель Саша Соколов. Они встретились на Преображенке, недалеко от нового места жительства Никиты и Инны.

– Никитус, привет! Откуда здесь? – широко раскинув руки для дружеских объятий, спросил Соколов.

От него, рыжебородого, крепкого телом, как всегда, исходило веселье и добродушие.

– Да вот... живу здесь.

– Инна?

– Да.

– Любовь?

– Любовь.

Никита не стыдился этого признания. Оно ему доставляло радость.

– Так приходите завтра вечером ко мне. Будут все наши. Поболтаем, погуляем... Эх!

– Вряд ли, – честно признался Зернов.

– А что такое? Чем ты, кстати, сейчас занимаешься? – Соколов явно был удивлен. Надо же! Сколько не виделись – и вот те на!..

– Думаю.

– О чем, брат?

– О большом.

– Ага, понятно.

Соколов помолчал. Потом протянул большую обмякшую руку.

– Звони.

– Пока.

На вернисаж в Битцу Зернов теперь ездил редко. Так, любопытства ради. А скорее даже, – Инну немного развлечь. Тамошние знакомые вопрошали: в чём, мол, дело? Где работы? Зернов разводил руками: пока

нет ничего. Бывали на выставках. Но тоже – не часто. Уж если что-нибудь действительно стоящее, настоящее, близкое...

Иногда встречался с сыном, студентом университета. Иногда с ним гуляли просто так, иногда заходили в кафе, пили пиво, курили, говорили об учебе, о перспективах будущей работы Федора. Как-то Никита рассказал ему о поездке – пока единственной – в Суздаль. О красоте города, храмов, монастырей... Но сын ни о чём не расспрашивал, только чуть пожимал плечами: что ты, мол, такого интересного увидел? Вот Москва – это Москва...

«Да, – подумал Никита, – Москва – это Москва... Действительно так...»

Лильке он звонил редко; только тогда, когда нужно было договориться о встрече с Федором. У него, Никиты, теперь совсем другая жизнь. Своя. У неё – своя. С новым и, наверное, умным и хорошим мужем.

По утрам, когда Инна уходила на работу, в туристическую фирму, он ехал в мастерскую. Звонил Инне, докладывал о том, что всё в порядке, и принимался за работу... Иногда там же, в мастерской, примостившись на старом диване (подарок Саши Соколова), читал Осипыча. Так он называл про себя историческую летопись Ключевского. Глубь времён притягивала, манила его... Зачем ему сие чтение? Зачем? Над этим он почти не задумывался. Тянет, значит, надо. Надо. Не случайно же потом встали непрощенные, как бы сами по себе, перед его мысленным взором сюжеты цикла картин «Смута». «Нет-с, господа хорошие, нет в нашем подлунном мире ничего случайного. Лилька – не случайна, Федор – не случаен, Инна – не случайна, даже Саша Соколов и его диван в моей мастерской – не случайны...» – так раздумывал Зернов, отложив в сторону кисть и вглядываясь в свою новую работу «Сын». Фёдор, лет четырнадцати, смотрит сквозь чуть синеватое зимнее окно, смотрит, чуть подавшись вперёд... Чего он ждёт? Кого? О чём вопрошает? Чем так задета его нежная ребячья душа?..

Новые картины Зернов не продавал. Так, две-три, те, что ему показались слабоватыми. Вернее, даже не слабоватыми... Просто они были «не те». Продавал старые. Из той, другой, жизни. А выставляться – выставлялся. Но теперь уже, как говорят ныне, в престижных галереях. Дело ли случая (бывшая однокурсница, бывшая художница, но, слава Богу, не бывший друг – малость помогла), яблочко ли зелёное созрело... Но, словом, стало его имя входить в серьёзные каталоги и прочая. Лёд – пока что в верховьях – тронулся...

По воскресеньям иногда прогуливались по старинному Преображенскому кладбищу. Шли по тропинкам, разглядывали давние надгробья, слушали звон колоколов... Инна, когда они останавливались у какой-нибудь всеми позабытой могилы, поднимала глаза и молча спрашивала его, Никиту: «Вот был человек – и нет его... Почему?.. Мы будем с тобой до конца? Ты не оставишь меня одну в этом огромном мире? Да?..»

«Да, я люблю тебя, – взглядом отвечал ей Зернов. – Я не оставляю тебя одну в этом огромном мире».

Вроде бы не самое лучшее место для прогулок – кладбище. Тяжёлое и печальное должен навевать уже сам его вид. Но – нет. Чистая, как

осенний воздух, грусть... Лёгкая, чуть прохладная грусть... И кажущееся – или настоящее? – прозревание чего-то нового, неизведанного. Чего?..

6

...Медсестра наклонилась к его лицу. И отпрянула. Каблучки быстро-быстро простучали по палате... Вот она птичкой – полы белого халата, как крылья! – летит по безлюдному ночному коридору. Он, Никита, видит, как сестричка вбегает-влетает в кабинет дежурного врача.

– Доктор!.. Доктор!.. Он умер!

– Кто? – Доктор бросает на столик цветной журнал.

– Тот, новенький!

«Я?.. Я не умер, – говорит Никита. – Я же вас вижу и слышу! Я жив!»

Доктор встает с кресла.

– Пойдём!

Никита видит свою картину. Её кто-то невидимый медленно приближает к его глазам. Да, это она, его картина. Чёрная огромная бабочка... У неё – глаза Инны. («Ореховые», – так она говорила о цвете своих глаз). Вот внизу название: «Чёрная бабочка с белой оторочкой». Вот, в уголке, его подпись.

– Рука уже холодная... Всё!

«Чья рука холодная? – удивляется Зернов. – И почему доктор повернулся ко мне спиной?..»

Чёрная бабочка, нежно поблескивая любимыми глазами, вспархивает с полотна и садится на его тёплую ладонь.

«Какая она невесомая! – думает Никита. – Как пушинка!»

– ...и место освободить... – слышит он голос доктора, но доктор ему уже не интересен. Никита видит зелёный холм за Окой, а на его вершине – дом печали. А там, дальше, над полями и лесами тяжело ворочаются в небе сизые тучи, вспыхивает, ослепляя, огромное огненное дерево...

Тёплое дыхание оваяло его руку. Никита смотрит на ладонь... «А, это вспорхнула чёрная бабочка с нежными глазами!» – догадывается Никита. И – точно! Вот она уже летит туда, в заречную даль, и всё уменьшается, уменьшается... Вот ещё один взмах... И бабочка превратилась в чёрную точку.

Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Замлелова Светлана Георгиевна родилась в Алма-Ате. Окончила факультет музееведения и факультет психологии Российского Государственного Гуманитарного Университета. В настоящее время живёт в г. Сергиевом Посаде Московской области. Член Союза писателей России. Член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств (ПАНИ). Главный редактор сетевого журнала «Камертон».

СУМАСШЕДШИЙ

Ох, и хитёр же Николай Макарыч! Он утверждает, будто он – «домашняя курица»! Стоит только войти кому-нибудь в его палату, как он тотчас садится на пол и машет руками на манер крыльев.

Что ж, поневоле сделаешься хитрым, коли под матрацем у тебя лежит миллион!..

Нет ничего более удручающего в природе, чем хмурое осеннее утро. Когда кажется, что кто-то разлил по земле серую грязь, и всё: деревья, протягивающие костлявые руки к небу; бурые травы, утратившие свой зелёный наряд и не успевшие ещё одеться инеем; да и самое небо – печальное, смурное – всё вымазано этой отвратительной серой грязью. В такие дни царит в природе уныние, и скука смертная овладевает всякой тварью.

В одно такое утро Николай Макарыч Пыткин проснулся у себя в постели. Настроение его было прескверным. Он встал и подошёл к окну. Окно его квартиры выходило во двор, замкнутый с четырёх сторон пятиэтажками. Несмотря на ранний час, во дворе возились какие-то дети. Присевший на корточки перед грязной лужей мальчик водил по дну толстой веткой, отчего на луже поднимались гребни, и чёрные брызги, как мухи, разлетались во все стороны. Другие дети с визгом бегали тут же. То и дело из подъездов выходили люди, спешившие на работу. В незастёгнутом пальто и в калошах вышла старуха, очевидно, бабушка мальчика, возившегося в луже. Завидев её, мальчик поднялся и бросил ветку. Другие дети тоже притихли. Старуха постояла немного с детьми, затем, схватив внука, потащила его домой. Товарищи мальчика с сожалением посмотрели им вслед, и поскольку игра их была расстроена, стали разбредаться. Двор опустел. И только прибежавшие откуда-то мокрые собаки затеяли свару. Николай Макарыч постоял ещё немного у окна, поёжился и вернулся в постель.

Обыкновенно день свой Николай Макарыч проводит так. Встаёт он, по старой привычке, часов около восьми. Умывшись, он отправляется в кухню готовить себе завтрак. Каждое утро Николай Макарыч съедает одно яйцо и пьёт чай. Затем он надевает очки в тяжёлой оправе и садится

читать газету. Он прочитывает все статьи и заметки, покачивая головой и побряхтывая. И глаза его, огромные из-за сильных линз, выражают озабоченность и тревогу. Отложив газету, Николай Макарыч отправляется гулять или в магазин. Вернувшись, он включает свой старенький телевизор и смотрит последние известия, после чего садится обедать. Обед у Николай Макарыча скромный, даже скудный. Постные щи, жареная картошка или каша – вот основа его рациона. После обеда Николай Макарыч любит перечитывать «Историю Государства Российского» Карамзина или же «Иностранцев о древней Москве». Почитав часок, Николай Макарыч снова включает телевизор и уж смотрит его весь остаток дня, прерываясь разве на чай или небольшую прогулку, при условии, что выдаётся хороший вечерок. В полночь Николай Макарыч укладывается спать и забывается тяжёлым, беспокойным сном, отчего по утрам у него нередко случаются головные боли.

Друзей у Николай Макарыча нет. Смолоду он дичился людей и стремился избегать шумных компаний. И вовсе не мизантропия причиной тому. Ему казалось всегда, что множественные недостатки не дают ему права занимать достойное место среди людей.

Страшная неуверенность в себе причиняла Николай Макарычу массу страданий. Порой мнилось ему, что из-за пыльных туфель или пятен на рукаве над ним смеются. И он тушевался и старался держаться в тени. Он не был красив, но ни в лице, ни в фигуре его не было ничего уродливого. Однако он сумел убедить себя, что рассчитывать на женскую любовь ему смешно. И всеми силами он избегал женщин, боясь натолкнуться на холодность или насмешки. Мнительность вынуждала его вести жизнь уединённую.

Да и работу он выбрал себе такую, чтобы как можно меньше видеться с людьми. Николай Макарыч – архивариус. Выучившись и получив специальность, он немедленно поступил на службу в музей. Однако карьера его не сложилась. И Николай Макарыч не продвинулся выше «м.н.с.». Сколько потом ни сменилось вокруг него людей, все видели его в этой должности, среди бумаг, как если бы это был не он, а гоголевский Акакий Акакиевич.

Никогда не отмечались в музее дни рождения Николай Макарыча, и только на пятьдесят лет, спохватившись, коллеги преподнесли ему вазу, чем вогнали именинника в густую краску. Он хотел было сказать благодарственное слово, но смутился и покраснел, отчего смутился ещё сильнее и сбился. Махнул рукой и от смущения прослезился.

А когда подоспело Николай Макарычу уходить на пенсию, то сделал он это так тихо, что никто даже не заметил его исчезновения. И лишь спустя неделю, когда хватились его, распространился по музею слух, что Николай Макарыч больше не работает, ибо ушёл на заслуженный отдых.

А Николай Макарыч, уединившись в своей однокомнатной квартире, принялся читать газеты и смотреть без усталости телевизор, потому что других развлечений он позволить себе не мог. Да и не хотел.

Так и жил этот тихий человек, мечтавший порой о больших деньгах, путешествиях, о женской любви и прочих удовольствиях, доступных смертным; и не имевший ни одного из них.

Так жил он до того самого хмурого осеннего утра, когда, выглянув в окно, увидел копошащихся в грязи детей. Дети ужасно раздосадовали его, и, улёгшись в постель, он никак не мог отделаться от охватившего его раздражения, которое только нарастало в нём. Спустя немного времени, Николай Макарыч готов был уже лопнуть от злости на грязных детей, на старуху в калошах, на шнырявших по двору мокрых собак и на самого себя.

Никогда и ничто так не волновало Николай Макарыча и не производило на него такого тягостного впечатления. Теперь же к чему бы ни прикасался он мысленно, всё вызывало в нём жгучую неприязнь. Ему вдруг пришло в голову, что из детей, сидящих в грязи, непременно вырастут свиньи. Да, да! Именно свиньи... Это открытие так поразило его, что он даже приподнялся и сел на постели. Что ж, эти свиньи станут жить без всякой цели, кушать щипки, народят себе подобных, затем помрут... И никто не вспомнит о них. А ведь как все они, однако, ценят себя и свои грошовые жизни!.. Поразительно... Так вот откуда берутся все эти преступления, убийства и ограбления ради карманных денег – все эти зверские, примитивные пороки! Их совершают такие вот свиньи, вылезшие из грязи, названные и дикие...

Николай Макарыч так увлёкся своими рассуждениями, что провалялся в постели до вечера. Размышлял он в одном направлении, но зато уж на все лады. Ему даже стало казаться, что он постиг нечто совершенно новое, важное не только для себя одного, но для человечества в целом.

С того дня идея о том, что человек есть грязное животное, живущее безо всякой цели, захватила Николай Макарыча, заслонив перед ним всё остальное. Все его мысли отныне сводились к одной – к мысли о человеческом ничтожестве. Всюду искал и находил он подтверждения тому. Мерзость виделась ему на каждом шагу. Будь то грязь на улице, или хамы-лавочки, или же новости из мира криминала – всё это радовало и в то же время пугало Николай Макарыча. Радость его походила более всего на злорадство. Глядя на общественные язвы, он посмеивался и потирал руки, как человек, знающий нечто и постоянно находящий реальное подтверждение своему знанию. Он злорадствовал, но вместе с тем в нём рос страх. Страх перед толпой, могущей снести, растоптать, уничтожить. Он рассуждал так: люди, не знающие, зачем и для чего они живут, ежедневно убивают, растлевают и продают в рабство себе подобных. За деньги такие люди готовы на всё. Так где гарантия, что завтра они не выбросят его на улицу, лишив жилья, не заставят собирать милостыню, отобрав паспорт, не отнимут на улице пенсию, оставив умирать голодной смертью. На все эти вопросы Николай Макарыч не мог дать себе ответ. И потому страх взял над ним верх.

Для Николай Макарыча началась новая жизнь. Он стал бояться людей. Отправляясь за продуктами, он брал с собой длинный кухонный нож, который прятал в кошелёку. Нож прорезывал ткань сумки, и кончик его всякий раз показывался наружу. Но Николай Макарыча это не смущало. Согбенный, плёлся он по улице, вглядываясь в лица проходивших мимо людей и силясь разгадать их намерения. До ближайшего магазина от

дома Николай Макарыча было, самое большое, триста метров. Но и этот отрезок казался ему Большой Дорогой. Когда встречался он с кем-нибудь взглядом, то сердце его каждый раз ёкало: «Вот оно!» – думал Николай Макарыч и прижимал к груди кошёлку с ножом. И воображение рисовало ему дикие, одна другой ужасней картины. На каждом шагу видел он угрозу своей жизни. И вынужден был крутиться, чтобы хоть как-то защитить себя. Всякий раз, уходя из квартиры, он вырывал у себя волос и слюной приклеивал его одним концом к двери, другим к косяку. По возвращении он проверял целостность волоса, дабы узнать, не пытались ли в его отсутствие проникнуть в дом.

Но как только Николай Макарыч решал одну задачу, воспалённый мозг его ставил перед ним новую. Услышав однажды, что в соседнем городе эки совершили побег из тюрьмы, он рассудил, что естественнее всего для них было бы схорониться на время, а затем напасть на квартиру с тем, чтобы завладеть деньгами, одеждой и пищей. А где удобнее всего схорониться? Конечно, на чердаке. Оттуда можно перелезть на балкон верхнего этажа (Николай Макарыч как раз жил на пятом, последнем этаже), выбить окна, убить хозяина квартиры, тем более, если тот – одинокий старик; отсидеться в квартире, питаясь запасами убитого, а потом и самим убитым – этого хватило бы надолго, – ну, а после, когда страсти улягутся, можно, как ни в чём ни бывало, отправляться на все четыре стороны. Николай Макарычем овладело сильнейшее нервное возбуждение, от которого он был не в состоянии избавиться. Он не спал ночами, а сидя в постели, всматривался в окно, не покажутся ли беглые каторжники. Рядом с собой он ставил телефон, а в руках держал тот самый кухонный нож. Свет он не гасил, чтобы с улицы было видно, что он не спит.

Болезненные переживания породили в Николай Макарыче невероятную активность и поистине гениальную изобретательность, которые, однако, носили исключительно односторонний характер. Все свои жизненные силы он направлял лишь на то, чтобы оградить свою жизнь и имущество от возможных посягательств извне.

Он заметно похудел и осунулся. Перестал следить за собой, часто подолгу ничего не ел. Книг и газет он давно уже не читал, поскольку однажды ему вдруг пришло в голову, что он достаточно уж прочёл, и теперь это занятие потеряло для него всякий смысл. Случалось, что целыми днями он не выходил из дома, где сидел, запершись, прислушиваясь к тому, что происходит за дверь. Оттого что он перестал мыться и стирать одежду, в квартире у него распространился удрушающий кислый запах. Сам Николай Макарыч ощущал его, но откуда этот запах исходит, долго не мог понять. Вскоре, однако, он сообразил, что в квартиру его кто-то – очевидно, соседи – напустил ядовитого газа. И с тех пор Николай Макарыч стал ходить по дому не иначе, как в повязке из старого полотенца.

Как-то, уже весной, он собрался за хлебом. Он оделся и уж было направился к двери, как вспомнил, что забыл включить радио. Обыкновенно, когда он уходил, то всегда включал радио, звуки которого, слышимые

даже на лестнице, призваны были отпугнуть потенциальных грабителей, внушив им, что хозяева дома.

Николай Макарыч оставил сумку с ножом в прихожей и отправился на кухню, где в углу под самым потолком располагалась радиоточка. Николай Макарыч выкрутил ручку громкоговорителя, но к удивлению своему услышал, что голос диктора обращается к нему. Николай Макарыч замер и стал прислушиваться. Нет, ошибки не было. Диктор обращался к нему, к Николай Макарычу Пыткину.

– Пыткин! Пыткин! – говорил голос по радио.

– Вот я! – откликнулся Николай Макарыч.

– Слушай, Пыткин! Меня зовут Фёдор Триасучкин. Я из штаба дивизии огненных пулемётов. Я послан к тебе, чтобы руководить твоею жизнью. За особые сверхзаслуги ты принят в штаб нашей дивизии и назначаешься главнокомандующим всеми танковыми и мотострелковыми силами в мире. Вместе мы должны победить, потому что мы – творцы победы!

– А что я должен делать? – поинтересовался Николай Макарыч.

– Ничего. Живи, как жил. Ничего не бойся, ты теперь находишься под защитой нашего штаба. И ныне, и присно, и во веки веков.

Николай Макарыч, которого голос Триасучкина застал перед радиоточкой, так и остался стоять, внимая новому другу. Триасучкин понравился Николай Макарычу. Они долго беседовали, и Николай Макарыч узнал для себя много интересного. Так, например, Триасучкин объяснил природу отвратительного запаха в квартире Николай Макарыча. Действительно, завистники хотели отравить его и потому напустили ядовитый газ новейшей разработки. Триасучкин похвалил Николай Макарыча за находчивость, но посоветовал снять повязку с лица, а вместо этого замазать ноздри мылом. Таким образом газ не причинит ему вреда, потому что действует разрушающе только при попадании в организм через нос. Ещё Триасучкин сообщил, что в настоящее время в штабе проводится следствие по его, Николай Макарыча, делу. И если выяснится, что на нём нет никакой вины, его ждут «необыкновенные сюрпризы». На прощанье Фёдор Триасучкин пообещал вскоре снова выйти на связь с Николай Макарычем.

Николай Макарыч постоял ещё на кухне, обождав, не повторится ли «сеанс связи», потом прошёл в комнату и, как был в пальто и ботинках, повалился на кровать.

С тех пор каждый день он подолгу беседовал с Триасучкиным. Общение их начиналось так. Где бы Николай Макарыч ни находился, он всегда каким-то неведомым образом чувствовал, что Триасучкин ждёт «связи», и спешил на кухню. Там он выкручивал до предела ручку громкоговорителя и замирал в ожидании. Тотчас раздавался «в эфире» знакомый голос. Во время «сеансов» Николай Макарыч весь преображался. Он широко улыбался, глаза его лихорадочно блестели. Обращаясь к Триасучкину, он оживлённо жестикулировал и возбуждённо смеялся.

Однажды Триасучкин сообщил, что следствие по делу Николай Макарыча окончено. И поскольку за недостатком улик вины за ним не признали – хотя и были серьёзные обвинения, например, в поджоге музейного

архива, – то отныне ему присваивается звание Трижды Героя Мира, и даруется право ношения всех существующих и несуществующих орденов и медалей всех стран, включая Антарктиду. А, кроме того, в будущем его ждёт солидная денежная премия.

Это известие очень обрадовало Николай Макарыча. Ему вдруг захотелось поделиться с кем-нибудь своей радостью, рассказать о достижениях.

Надо сказать, что после «знакомства» с Фёдором Триасучкиным его состояние изменилось. Он перестал бояться – ведь теперь он находился под защитой штаба дивизии огненных пулемётов! А с тех пор, как он замазал себе обе ноздри мылом, его больше не беспокоил неприятный запах. Николай Макарыч повеселел и даже стал гулять.

Узнав о присвоении ему звания трижды героя мира, он отправился на улицу. Побродив немного, он остановился возле палатки, одной из тех палаток, что торгуют на каждом шагу всякого рода дурманом, и стал рассматривать людей. Внимание его привлёк парень, стоявший тут же. Парень курил. Николай Макарыч подошёл, лукаво заглянул ему в глаза и спросил:

– Знаете, кто я?

Парень смерил его взглядом, сплюнул и произнёс:

– Не знаю. И знать не хочу.

– Напрасно! – Николай Макарыч таинственно захихикал. Потом лицо его приняло торжественное выражение. – Перед вами, – строго сказал он, – Трижды Герой Мира, творец мировой победы...

Парень посмотрел на него глазами, полными – как показалось Николай Макарычу – зависти; и протянул:

– У-у-у!

Затем бросил сигарету и поспешил прочь.

Николай Макарыч тихонько засмеялся и побрёл домой. Всё же ему удалось произвести впечатление на этого парня!

Дома Николай Макарыч поведал Триасучкину о том, что случилось. Триасучкин остался недоволен.

– Никому не говори о своих наградах, – сказал он, – люди всё равно не поймут тебя. Вот если бы ты мог рассказать им о нашем штабе или о дивизии... Тогда, пожалуй, все назвали бы тебя героем... Ступай, расскажи о наших бойцах! Довольно бездельничать!..

Николай Макарыч устыдился. После разговора с Фёдором Триасучкиным он долго думал и нашёл, что не заслуживает тех званий и наград, которых удостоил его штаб. Он решил исправить положение.

На следующее утро он снова вышел из дома. С улицы доносился шум машин и людские голоса. Где-то тявкала собака. Николай Макарыч постоял немного у подъезда, прислушиваясь. Им вдруг овладело приятное чувство, какая-то неизъяснимая радость разлилась по всему телу. Он засмеялся и пошёл навстречу уличному шуму. Он шёл неспешно, глазел по сторонам и ловил взгляды прохожих, пытаясь угадать интерес к себе. Одна старуха как будто задержала на нём глаза. И он, обрадованный, поспешил за нею. Старуха немного прихрамывала. В одной руке она тащила большой пакет. Направлялась старуха к автобусной остановке,

и, когда уже почти поравнялась с ней, подошёл автобус. Старуха прибавила шаг. Заторопился и Николай Макарыч. И через минуту они оба уже тряслись в автобусе.

Николай Макарыч пристроился за спиной у старухи и всё не знал, как бы ему начать свой монолог. Он наклонился к её уху и уже собрался было что-то сказать, как вдруг внутри у него шевельнулось нечто давно позабытое, шевельнулось с новой силой, и он, недолго думая, схватил старуху за грудь. Старуха ахнула, рванулась и дико завизжала. Все, кто был в автобусе, все повернулись к ним. Стоявшая рядом со старухой молодая женщина вздрогнула, закатила глаза и, схватившись за сердце, зашевелила губами.

– Ну... Чего ты? – прошептал Николай Макарыч старухе на ухо.

Но старуха не слушала.

– Батюшки!.. Помогите-и-ите! – кричала она. – Что ж это делается... Господи!.. Я уж восьмой десяток живу, а он лезет... Кобель облезлый...

Пассажиры зашевелились. Николай Макарыча оттеснили от старухи. Кто-то больно ударил его по лицу. Одновременно принялись утешать старуху, освободив ей место. Она всхлипывала и причитала:

– Восьмо-о-ой деся-а-аток...

Николай Макарыч разозлился. Он забыл уж, чего хотел от этой воющей старухи и не понимал, за что ударили его.

– Штаб дивизии огненных пулемётов!!! – закричал он.

Все повернулись к нему и замерли. Наступило молчание. Николай Макарыч обвёл пассажиров взглядом и, потрясая кулаками в воздухе, прокричал:

– Это львы Господни! Львы Господни!..

Его вытолкнули из автобуса и повалили на землю. Потом опять втолкнули в машину и долго куда-то везли. А он плакал и шептал:

– Как львы Господни...

В истории болезни Николай Макарыча Пыткина среди прочего записано:

«...Больной подолгу стоит в одной позе со склонённой головой. Часто неадекватно смеётся, делает неопределённые жесты руками. На момент помещения в клинику был возбуждён, выкрикивал набор фраз, не связанных между собой по смыслу. Ноздри больного были замазаны мылом «от воздействия ядовитых газов». Слизистая носа воспалена. Состояние больного время от времени меняется: заторможенность переходит в возбуждение, во время которого больной дурашлив. При появлении в палате медперсонала садится на пол, машет руками и утверждает, будто он «домашняя курица...»

Анатолий БИЦУЕВ

***

Да, можно жить и жить, не замечая,
 Что голова твоя уже седая,
 Что дни в пыли забот, в поту труда, –
 Все отнимают от тебя года.

Да, можно жить и жить, не замечая,
 Что твой карман, как та сума пустая,
 Что не обставлен дом сверх всяких мер,
 Как у твоих соседей, например.

Но невозможно жить, не замечая,
 Что рядом – чьи-то горести без края,
 Как у вдовы, которая детей
 Одна растит, и очень трудно ей.

Нет, жить нельзя, нельзя, не замечая
 Чужой беды, отпора не давая
 Злу, что к добру вплотную подошло, –
 Не дай, чтоб над добром глумилось зло!

Не дай, не дай невинного в обиду,
 Не будь активным только лишь для виду,
 Ты – человек, борьба – твоя стезя,
 Знай, быть от схватки в стороне – нельзя!

...А личные дела свои нетрудно
 Устраивать. Но совести подсудна
 Вся жизнь твоя. Вовеки не старо –
 Торить пути добру, творить добро!

СТАРИННАЯ ПЕСНЯ

В сторону гор посмотри,
 В сторону вспаханной нови...
 Это не алость зари –
 Отсветы пролитой крови.
 Всюду подковы звенят,
 Ими все дали изрыты.
 Молнии сабель блестят –
 С недругом бьются джигиты.

Всадник-защитник, свой край
 Не оставляй без защиты!
 Всадник-захватчик, ты знай:
 Тропы в аул перекрыты!
 Гибнут мужчины в дыму
 Схваток с врагом то и дело,
 В битве не жаль никому
 Жизни – за правое дело.

Пало джигитов сполна –
Экая славная сила!
Павших в бою имена
Память людей сохранила.
Женщины летопись гор
Пишут слезами от века
В песнях, где плачу – простор,
Где – и бессмертье абрека...

***

Порою седина определяет
Неточно возраст женщин и мужчин,
И глубина познания бывает
Несоразмерна глубине морщин.

Что старого во мне, что молодого,
Я не пойму, но возраст мой такой,
Что должен в сердце я вместить и в слово
Все радости, все беды до одной:
От горя матери моей седой
До счастья сына моего грудного.

КАК СПАЛОСЬ?

А. Налоеву

«Как спалось?» –
Так приветствовать повелось.
«Как спалось?»
Но ни разу еще не пришлось
На подобный вопрос
Отвечать мне всерьез.

«Как спалось?» –
Так однажды спросил у меня
Старший друг на заре наступившего дня.
Я впервые на смысл этой фразы взглянул,
Потому что сегодня я глаз не сомкнул.

Мой ребенок, мой мальчик,
Единственный сын
Ночью бился со смертью
Один на один.
Его хворью, как пламенем обожжена,
До рассвета в тревоге металась жена.

К счастью,
Все-таки вовремя прибыл к нам врач:
Стало ровным дыханье,
Умолк детский плач.
Эта ночь полновеснее множества дней,
Она сделала старше меня
И мудрей.

«Как спалось?» – друг спросил.
Я на этот вопрос
Вслух ответил: «Нормально!» –
Про себя произнес:

«Мне такое, мой друг, пережить довелось...
Но спасибо тебе за слова:
«Как спалось?»
Для меня много разных приветствий слилось
В это главное, в это одно:
«Как спалось?»!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ СЫНУ

Спи спокойно, не тревожься, сын,
Звезды землю озаряют взглядом.
Спи, малыш, ты в мире не один –
Люди на земле с тобою рядом.

Отчего ж ты вздрагиваешь так,
Будто кони оглушают темень?
Не копыта, а часы «тик-так»
На стене стучат – так ходит Время.

То не волки за спиною, спи...
Есть и волки, но они трусливы...
Это где-то ветры по степи
Мечутся, бездомны и крикливы.

То не совы смотрят к нам в окно...
Есть и совы – ночью им не спится...
Только это, как заведено,
С неба месяц лучиком стучится.

Нет на свете слез твоих светлей.
Не подвластный папиным тревогам,
Сны тревожные ты одолей,
Подрастешь – и справишься со многим.

Завтра будет день счастливым, сын,
Будет он к тебе тянуться взглядом.
Ты в прекрасном мире не один –
Люди рядом! Мама с папой рядом!

Спи, мой черноглазый,
Спи, мой большеглазый,
Чтобы стал ты сильным, я хочу!

Спи, мой большеглазый,
Спи, мой черноглазый,
День тебе грядущий – по плечу!

***

Отцовский дом.
Еще в нем не погас
Очаг, зажженный
В тьме белых столетий.
Седая мать
Давно там заждалась,
Когда же в дом
Опять слетятся дети.

И вот я нынче
Радость ей принес:
Приехал
Вместе с малолетним сыном.
И мать,
Счастливых не скрывая слез,
Сидит в дому
Не тихом, не пустынном!

Она то к сердцу
Мальчика прижмет,
То ласково погладит,
И смущенно
Все спрашивать его
Не устает:
– А хорошо ль тебе тут,
Мой внучок?
И говорит мой сын
На радость ей:
– Мне очень хорошо! –
Смеется звонко.
Бежит во двор –
Она за ним скорей.

Он в город –
Она за ним вдогонку.

Подходит срок
Обеденной поре.
Хлопочет мать:
«Проголодались, верно?»).
Мы с сыном
Остаемся во дворе —
Хозяйством занимаемся
Усердно.

Синеет вечер.
В доме трое нас.
Мать вспоминает
Дней минувших даты.
А сын мой,
К очагу лицом склоняясь,
Глядит в огонь,
Как мой отец когда-то...

МАТЬ

Мальчишка, потерпевший неудачу,
Домой бежит с невзгодою любой,
А мать уже спешит навстречу плачу,
С царапины
Сцеловывает боль.
И снова улыбается проказник,
Он лаской материнской
Исцелен...
И снова во дворе –
Футбольный праздник,
И мать глядит, как мяч гоняет он.

...Хворает мать,
А сын, живущий рядом,
Но редко появляющийся здесь,
Пришел
И смотрит невеселым взглядом,
Смущен
И не торопится присесть.

А мать,
Она всегда воспринимает
Всю боль его несчастий и тревог...
Рукою слабой сына обнимает:

«Я ничего. А ты-то как, сынок?»

В рассказе сына горечь и досада:
Жена его не хочет понимать...
Как избежать семейного разлада,
Ему подскажет вечный лекарь –
Мать.

Ей, умудренной возрастом,
Виднее,
Что происходит у него в душе.
Сама больна,
Но боль его больнее,
И поцелуй бессилён здесь уже.

Но знает мать испытанное средство,
Подобного ещё на свете нет:
Немолодое любящее сердце
Опять –
Как щит от всех забот и бед.

Она о жизни очень откровенно
И очень мудро разговор ведёт.
Пусть боль, как в детстве,
Не пройдёт мгновенно,
Но всё-таки когда-нибудь пройдёт.

В простых словах она открыла много
Безоблачного счастья в мире нет...
Уходит он,
Махнув ей у порога,
А мать, как в детстве,
Смотрит сыну вслед.

Татьяна ПОДЫМАН

***

В себе самой я вижу два начала.
 Измена – слово незнакомо мне.
 Я преданность естественной считала,
 Жить в постоянной не смогла б вине.
 Я разная, и, оболочки скинув,
 Страстей земных я вовсе не чужда.
 Иду и гордо расправляю спину,
 Как никогда мне преданность нужна.
 Люблю дорогу, рельсов шум звучащий,
     Люблю когда со мною рядом ты,
     Когда я выход нахожу из чащи,
     Когда осуществляются мечты.
 Одно начало – ввысь и вдаль стремится,
 «Ты будь как все!» – другое шепчет мне.
 Хочу родные чаще видеть лица,
 Не замечать все колкости извне.
 Забуду я, что говорит другое,
 И снова ввысь, и снова в океан,
 Я не хочу себя считать изгоем,
 Пить окружающий меня обман.
 Последую я за началом первым,
 Себя переменить я не смогу.
 Ты для меня останься самым верным,
 Любовь чтоб не замёрзла на снегу.

***

Есть в горах тихих место –
 Наша новая тайна.
 Может в том королевстве
 Оказались случайно?

Ощувив первородство
 Гор высоких, зелёных,
 Ощущаю сиротство
 Душ в природу влюблённых,

В окна – ветви деревьев.
 И грустят одиноко.
 Там сгорают поленья –
 Блики их в стёклах окон.

И они заблудились,
 Будто призраки, где-то...
 Тайна новая или
 Восхищенье поэта?

***

Мы что-то прощаем, а что-то не можем,
 Доходим до грани, где дальше – безмолвье.
 А кто-то всё ближе, родней и дороже,
 Парит, будто ангел у изголовья.

Пусть чувства похожи на терпкость рябины,
Обманчивым звуком зовут и ласкают,
Спрессованы, будто спираль серпантина,
Опасны как тропка, что вьётся вдоль края...

Боль эхом забытым зачем воскрешает
Ошибки прошедшего, таинство бури?
Как жизнь подступает и плещет большая
Любовь, что струится огнём в поцелуе.

И если незримые нити не рвутся,
То ты отзовёшься на зов телефона,
Пусть рельсы, как реки, назад повернутся,
И врозь не помчат в охладевших вагонах.

Что прожито – это ушедшего века,
Научимся чувствовать на расстоянии.
Немного иронии, юмора, смеха,
Чтоб боль не смогла перейти в бичеванье!

Покаяние

Послевкусие на губах вино
Оставляет вишнями-сливами.
Покаяние. Для кого оно?
Словно грозы приносит с ливнями...

Пусть раскаянье набежит огнём,
И судьбу заплетает в кружево.
Днём и ночью все мысли лишь о нём,
Но слова не приходят нужные.

Карнавалом жизнь по судьбе прошла,
Все потери закрасив красками.
Лишь рисунок простого карандаша
Оставляет сюжет под масками.

Я к губам поднесу бокал вина,
Аромат терпким вкусом полнится,
И глоточками выпью всё до дна,
И надолго уйдёт бессонница.

Краска яркая, а под ней пастель...
И она заиграет радугой,
А вино опьянит, как душистый хмель.
Покаяние сердце радует.

***

Во мне сегодня мало благородства,
Окутана я паутиной зла...
Я перед кем-то жажду превосходства,
Жмет груз обид, что с давних пор несла.

И в них вся боль моих потерь угрюмых,
Желаний, что когда-то не сбылись.
В душе запрячу глубоко, как в трюме,
Им никогда не просочиться в жизнь.

Пусть оказались там, в тени заката,
Осколки моей гаснущей мечты,
Порыв мой глупый, дерзкий. Но когда-то
Мечтой играл неосторожно ты.

Тебе под ноги брошу с сожаленьем.
Мою судьбу. Ты промолчишь в ответ...
Возьми и оживи! Моё рождение –
От глаз твоих лучистый тонкий свет!

Загадкой для тебя всегда останусь,
Зовущей песней взгляда, губ и рук.
Одно я не приемлю – ложь и жалость,
Жить блеклым миражом в тени разлук!

***

Хочу тебя увидеть, но ты на расстоянье,
И мысленно на стенке рисую образ твой.
Я говорю с тобою, ну а в ответ – молчанье...
И в такт себе качаю упрямо головой.

Хотела бы увидеть глаза и руки эти.
Хочу унять тревогу, но как унять смогу?
И кружат только мысли об уходящем лете.
Хочу солгать, но знаю – тебе я не солгу.

Мечта, что с драматизмом, качаясь на качелях,
Взлетает вверх, а после летит упрямо вниз,
Где мы с тобой когда-то задумчиво сидели.
Всё на игру похоже, а может на каприз?

Я чувствую, ты рядом, лишь протянуть бы руку
Туда, где горы к небу, и где морской прибор.
Ну, а пока стараюсь свою развеять скуку.
И говорю всё время, я говорю с тобой.

БЕЛКА В КОЛЕСЕ

Бежит белка, бежит, не зная устали. И не догадывается, бедняжка, что никуда так и не добежит. И умрет, наверное, всю жизнь проведя в холостом беге. Да еще подумает в свой последний час, что жизнь прожита не даром, что и она, белка, тоже не стояла на месте, бежала...

НАИВНАЯ СУРЕПКА

Сурепка возвышалась среди увесистых колосьев пшеницы и очень гордилась собой: «Видите, какая я красивая! А вы, колосья, на что похожи? Никакого вида».

Увидел человек сурепку и выдернул ее с корнем. А она опять за свое: «Вот видите! Кого он выбрал за красоту! Меня!»

НЕ ПОМНЯЩИЙ РОДСТВА

Два дубка выросли рядом из желудей одного дерева. Как братья-близнецы. А потом лесничий взял и рассадил их. Одно из деревьев еле прижилось – осталось хилым и невзрачным. А другое расцвело всюю – ветвистое, кудрявое.

Бывало, лесничий вспоминал про то, что были дубки близнецами. И тогда кудрявое гневно возражало: «Неправда! Мы даже не родственники. Посмотрите на нас! Разве мы похожи?!»

Однажды налетел сильный ветер и тогда досталось кудрявому: ветви его пообломались, кудри поредели. А вскоре оно и совсем засохло.

Теперь, когда молодые деревья с усмешкой спрашивают: «А что за палка здесь торчит?» – невзрачный дуб всегда отвечает: «Это мой брат. Мы были с ним близнецами».

ОШИБКА ТУРА

Горный тур, сильный и храбрый, впервые увидел тигра, удивился: «Так ты и есть тигр, которого все боятся? И что в тебе такого страшного? Имел бы ты рога, как у меня, тогда другое дело. Не боюсь я тебя! Выходи на бой!»

«Зачем тебе это? Живи», – сказал ему тигр. Но тур уже мчался к нему, выставив свои рога, острые и большие, чтобы сразиться в честном бою.

Что оставалось делать тигру? Он чуть отпрыгнул в сторону и, когда тур проскочил мимо, одним прыжком настиг его и мощным ударом лапы повалил на землю...

Бедный тур! Он не знал, что у иных сила не в рогах...

ЖАДНЫЙ КОШЕЛЕК

Кошелек был настолько жадным, что даже тогда, когда бывал до отказа набит деньгами, все не мог насытиться. Он думал, что чем больше денег будет в нем, тем ценнее становится сам.

Однажды чужие руки вынули кошелек из кармана. Деньги взяли, а его выбросили.

Борис ЧИПЧИКОВ

ОСЕНЬ. ДВЕ КОРОВЫ. ЛИСТОПАД

*Карачаевским и балкарским женщинам,
чьи истощенные несправедливостью,
трудом непосильным и голодом руки,
вырвали меня у смерти самой, и не только
меня, но и народ наш.*

*В вечном неоплатном долгу пред нежной,
всепобеждающей мощью, я молюсь*

*на руки ваши, они достойны молитвы.
Я никогда не предам их благодати,
во имя благополучия живота своего.*

Осень. Сижу у окошка и тупо смотрю на большую башню котельной и высокое дерево, растущее у окна. Когда сажали, оно было с фундамент, сейчас переросло дом пятиэтажный. Осень – это застывшее время вьяве. Как зримо показывает оно, время ушедшее. На дереве живут две вороны, у них бывают гости. По суетливым их движениям понятно – они здесь не хозяева. Когда обживали дерево, ор стоял, летели перья – сейчас дожились до молчаливого взаимопониманья. Раньше видны были горы, но какой-то богатый человек построил супермаркет в пол-улицы... и горы исчезли. Правильно сделал, но когда он жить собирается? Горы дальние в преддверии зимы – зрелище печальное. Степь хоть проветривается, а горы вбирают, вбирают все, что натворили мы на этой земле. Смотреть на предзимние горы – почти что горе. В них столько бед людских собралось, что никакая радость не могла приблизиться к ним. В них было средоточие некоей мудрости небесной, но никакого земного тепла. В них много учености, знаний, труда, но никакого земного тепла. У мамы раковые метастазы проникли до самых костей, чтобы как-то отвлечься от боли, она любовалась причудливыми формами дыма, рисуемыми неустанной котельной. И муки ночные так высветляли глаза ее, что ничего земного в них и не виделось. Она до последнего пыталась хоть чем-то полюбоваться на земле, от нее уходящей. Дом старый – то вода капает из крана чужого, то чей-то стон, то кто-то кашляет, смеется кто-то, для меня невпопад, а кто-то в ночи смеется анашистским смехом. Накопившиеся за день людские невзгоды доходили до меня, преодолевая бетонные стены. Беды любят копиться в дому – они домоседы. Это радость не любит однообразия, она вылетает в форточку, в окно, в чуть приоткрытую дверь и плещется в просторах небесных, хохотушкой беспечной. Вчера не спалось – то ли усталость, то ли старость, а скорее всего и то, и другое. От безысходья и слабости, обтерев все углы в дому, я лег в материнскую кровать. Ее боли, моя усталость, соединившись, унесли меня в небытие, в тяжелую дрему, без радостей и боли. Хотелось быть немножко котом, немного собакой,

частично человеком, малость птиц, может это придало бы жизни хоть какой-то смысл, а в смысле том и таился бы покой.

Время остановилось. И с одинокого дерева медленно, в час по одному, со стоном, нехотя падают листья. Лучше б я оказался в каком-нибудь Брянске, и осень была бы каким-нибудь необременительным довеском к чужбине. И чтобы вырвать себя из тягостного безвременья, захотелось в лес, в листопад, где часто и обильно падающие листья дают ощущение времени и веру в то, что жизнь когда-нибудь, да продолжится.

Еду на маршрутке из конца города до окраин пригородного поселка – туда, где лес, где листопад приводит в движение время. Люди заходят и выходят из машины, ступая осторожно и замедленно, будто в незнакомое и тайное. Дома вылупляются из безвременья судьбою наружу. Осень – это всегда думы о прошлом. Живем-то мы прошлым, а с настоящим лишь боремся, с большим трудом превращая его в прошлое. Осень. Никаких цыплят. И считать нечего. Жизнь – как самодеятельный спектакль. Как и всякая самодеятельность – бездарная и глупая. Можно, конечно, хорошо спеть и станцевать, но соорудить жизнь...

Но зато – какие декорации: солнце, луна, добродушная, улыбчивая собака, с чего-то вдруг – летящая птица, будто из колыбельной – ласковая трава и кот – себенаумыч.

Сойти б с ума от этой красоты, ведь все равно сходить по зряшности, по пустякам.

А ясновидящая осень бесстрастным голосом вещает: для жизни этой – ты малогрешен, и недостаточно свят для жизни той.

Мы не ехали по дороге, а продирались сквозь серо-желтый сироп, заполнивший землю и воздух над ней, продирались будто на лодке подводной. Всплыли у онкологической больницы, где в окнах, присыпанных придорожной пылью, чернели глаза, как чернствольные осенние деревья, среди разноцветного фейерверка падающих листьев. Двор больницы весь в разноцветных кляксах. Кусок серой облупленной стены исчерчен таким же разноцветьем. На белом бордюре сидит маляр, за спиной едва живая бледно-рыжая трава. Сидит, обхватив голову двумя руками, покрашенный в те же цвета, какими он раскрасил двор больничный. И кому это в голову пришло побелить больницу, да еще и глядя в глаза больных? Это неразрешимая задача. Покрась – в желтое, зеленое, оранжевое – поведет неправдой, почти издевкой. Покрась в темно-фиолетовое – прямым оскорблением. И так-то – не праздник, а здесь – зримый приговор. Нельзя красить такую больницу, да еще и на излете осени, да еще и глядя в глаза больных. Это задача неразрешимая. Разве что в июле попробовать, ведь все равно красить надо. Взять попавшую под руку банку, зажмурившись, нанести первый штрих – а вдруг повезет? Знойное, зыбкое марево, едва подернув пляшущие солнечные зайчики, оживят любой цвет.

То ли ехали, то ли нет – а здесь и вовсе остановились. Впереди авария – выяснение отношений среди машин – откуда-то взялись люди – они осенью куда-то уходят и, кажется, навсегда, а здесь стоят, машут раками, с явным намереньем докричаться друг до друга, но крики их вязнут в осеннем нейтралитете. На белой стене, на матовой вывеске, красными

буквами написано – Аптека. На мраморных, до блеска вымытых ступенях сидит кот, явно кого-то ожидая. На остановке люди, в отделении человек сидит на скамейке, ушедший в думы свои и миг от мига преобразовываясь в продолжение скамейки самой, становясь иллюстрацией к вещам Достоевского или Гоголя. А кот смотрел мимо домов, мимо людей, мимо жизни самой, изредк, лениво подумывая – куда едут эти люди, что высыхивают в этой серости, слегка присыпанной палыми листьями? А кот с большим интересом вглядывался и вслушивался в невидимую даль, туда, где ему виделась воистину жизнь.

Из аптеки вышла старушка, укутанная в зимнюю шаль – один кончик побелевшего носика выглядывал из-под шали. Придерживаясь перил, она медленно спускалась со ступеней, изредка и нехотя стуча стоптанными донельзя еще «сталинскими» туфлями. Она шла по тротуару, шатаясь из стороны в сторону, коту тоже хотелось идти вразвалочку, подскребывая ногтями, с видом сильно утомленного существа, но врожденное изящество не позволяло ему никакой расхлябанности. Он жил, поглядывая игриво в глаза старухи, как бы говоря – ничего, мы еще поживем, но старушечьи каблуки, отдаваясь, стучали все глуше и глуше и эхом едва слышным оседали во мне; и кот, и вывеска, и ступени были похожи на Блока, а бабушка фоном была, и видимым смыслом их страданий.

Вывравшись из разрушенного города, от людей с ружьями в руках, прокопченных порохом, Блок стоял на берегу серого моря, покрытый небом серым и выветленными голодом и безнадежьем до ясени неземной глазами, всматривался вдаль... И видел в гравюре будущую блокаду, видел ее реально и четко. Кому рассказать, кого предупредить? Но человек недоступен человеку, это люди живут, наполняясь эпизодами из жизни других, – человек проживает жизнь свою. Умер Блок, обычной смертью воистину живущего, от изобилия людей и человеческой недостаточности. Однако Даниил Андреев писал – Блока я встретил 1957 году в Бутырке – и я ему верю, ибо истинно живущие всегда говорят правду, просто их не слышат... и проживают от блокады до блокады – пережив одну, не успевая удивиться следующей.

Я смотрел на людей у остановки, на одинокого человека, а в голове стучали глухо старушечьи каблуки каким-то вечным отстуком, и я чувствовал, как стареет усталая земля. 1968 год, советские танки в Праге. На стенах надписи: свиньи, убирайтесь домой. Толпы недоуменных, разгневанных людей и голос очень несчастного, некогда бывшего человеком существа – мы пришли, чтобы освободить вас. Внутри так пусто, и нет желания спросить у себя – кого и от кого? Писатель Пелевин точно выразил то мое состояние – Внутренняя Монголия.

Нет, у меня не было этого, потому что моя учительница Ирина Александровна Куянцева усердно обрывала чертополох Внешней Монголии и без усталости ее поливала. У доски мой одноклассник бегло рассказывает что-то о Парижской Коммуне. Белое лицо учительницы покрывается красными пятнами, она в гневе. Вот ты, Зарубин, задумайся над одной простой и удивительной вещью: из пяти миллиардов второго, как ты, нет на земле, и во вселенной всей. Нет, и уже никогда не будет. С ума сойти

нужно. Ведь это здорово, но какая ответственность. И важно, чтобы это осознание текло в крови твоей, и это важно, это важнее, чем эта книжка, написанная многими умными людьми. И надо жить, и жить неповторимой жизнью своей. Я десятки лет читаю эту книгу, я знаю мнение людей, ее написавших, но мне интересно твое мнение, Зарубин, – и, повернувшись к классу: я никогда не поставлю вам положительную оценку, если не услышу от вас, в двух-трех предложениях, суть прочитанного, выраженную своими словами.

Школа школой, а мне надо вступать в 60-е годы, а как бы я туда попал в серой курточке и коротких штанишках с роговицей у коленок, куда я в таком наряде. Кто меня, «катаевского» мальчика, пустил бы туда. У меня были свои деньги, и я в «Детском мире» за 4 рубля купил брюки и за 9 рублей туфли на резинках – вполне пропускное одеяние. Мама до невозможного сузила брюки. Потом я нашел материал для рубашки – красно-белую вертикальную полоску, и мама, по моему проекту, сшила мне рубаху. Обычно она перешивала из отцовских костюмов. А рубаха получилась – спереди два накладных кармана, прорези по краям, да мне не то что на окраину 60-х, мое место в такой рубахе – в самой середине. Я гордо пришел в школу, еще бы, я не в школу пришел, я так лихо ступил в новую эпоху, да еще и задешево, и так достойно. Я с места выразил свое мнение, Ирина Александровна сказала – садись, четыре. Это была первая и последняя моя четверка, она обычно ставила мне пятерки. Больше я эту рубаху в школу и не надевал, и снова пошли пятерки. К этой рубашке она отнеслась еще серьезней, чем я предполагал.

Я представляю Ирину Александровну и в наши дни, она говорит подросткам – я понимаю, как трудно вам, сама была в вашей шкуре: то ссоры со сверстниками, то непонимание родителей – всего и не перечтешь. Я хочу дать вам совет. Проснувшись, не торопитесь делать зарядку. Лежа, посчитайте все достоинства свои, тогда вы поймете, что на день предстоящий вам хватит хорошего, что в вас есть, и нет смысла перебирать плохое, что в вас ненароком занесло. И читайте Пушкина – он на все времена и на случай каждый. Холодно вам зимой, читайте его солнечные стихи, и вам будет тепло. Жарко вам летом, просмотрите его зимние вещи, и вам станет прохладно и свежо.

Ирина Александровна понимала, как тяжело жить детям в бандитской стране, да еще и без Пушкина. Мне очень ее не хватает, хочется придти и сорок пять минут помолчать о многом, все равно говорить уж больше не о чем, даже молодым и от природы говорливым. Стою на остановке и незнакомая женщина, взглядываясь в меня, спросила: вы не в девятой школе учились – да, сказал я, но вас я вижу впервые. У всех, кто учился в этой школе, какое-то одинаковое выражение глаз – будто вы решаете все время что-то очень важное. Мне стало так радостно. Лет двадцать прошло с ее ухода, но ее вопросы еще живут в глазах наших, живут в ожидании ответа и будут жить до самого нашего ухода. Вопросы эти помогут выстроить свою неповторимую жизнь. И они помогут нам при выборе: быть ли тебе беспредельной рожей или сладостным холуем,

---

поддерживающим беспредел. А ответы на них и будут лучшей вакциной от неверного выбора.

Беспредельщики питаются мясом человека, холюи остатками мяса того. Человек же едва успевает прикрыть ладонью кровоточащую рану свою. Человеком быть легко, надо мало есть и много работать и мыслить, он может думать обо всем, но только не о том, что весь изранен.

Мой отец в азиатской безлюдной степи умудрился найти сапожника, и тот сшил мне сапоги хромовые, мама перекроила отцовский военный костюм с одной маленькой звездочкой на погонах, и я стал человеком пятидесятых и остаюсь в них до дня сегодняшнего. Когда я говорю «родился», я не о маме думаю, а об отце. Мама – это заботы, уход. Отец прошел три войны и выжил. Он думал еще тогда обо мне. Вернулся и родил меня. Это ж каким порядочным человеком надо быть, чтобы выжить в этой чертопляске и вернуть долг самому себе.

О жизни ничего сказать не хочу, но какие незабываемые декорации он мне подарил. Я и в той жизни неспешно буду рассматривать каждое деревце, ощупывать каждую травинку, ощупывать, а если застряну в более низких сферах, то коты и собаки сверху опустят хвосты свои и вскарабкаюсь до более-менее комфортных высот. Я их очень любил, а они благодарные и внимательные, помнят, наверное, любовь мою. А пока жизнь прекрасна во всех ее проявлениях, тем более что плохо она себя и не проявляет. Вокруг тихо и по-утреннему зябко. Я стою у дома своего, в офицерской форме, подтянут, как и само утро, и как всегда смотрю на дорогу. И я услышал в начале дороги какой-то гул, он все нарастал и приближался, пока наконец не прорисовалась колонна машин. Я кинулся к ней и стал у обочины, приложив руку к козырьку. Ехали солдаты, ехали медленно, сидя в кузове на лавочках. Проезжая мимо меня, первый ряд поднялся и, вытянувшись в струнку, отдал честь торжественно и строго, ни улыбочек, ни шуток. Отъехав, сняли пилотки и приветливо ими махали, повернувшись в мою сторону. А солнце уж полностью выползло из-за горизонта и устало село на дорогу. Так я и встретил все машины. Колонна ехала, утопая в красных маках, мимо белых, без единой морщинки гор, ровненько присыпанных снегом, будто пудрой сахарной, они были очень похожи на пасху, которой нас угощали русские бабушки в день Христов. Колонна шла в коридоре тополей придорожных. И липкие листочки тополиные дружно защebetали о чем-то нежном. А солдаты так и махали пилотками и искренне не хотели со мной прощаться, но ехали, и солнце, сидящее на дороге, поглощало их машину за машиной. Это потом я узнал, что их везли на корейскую войну – шел 1953 год.

Они и вправду не хотели со мной расставаться, когда тебя везут на войну, эти пылающие жизнью маковые поля, белые горы и мальчик у дороги, может, и были верой в то, что ты вернешься и вновь проедешь по этой дороге налегке, домой. А мне стало очень тревожно, тревожно, что это время уйдет. Светит солнце, потом приходит дождь, потом снег. Так и на смену этому дню, этому времени, может же придти иное, а мне этого так не хотелось.

Вот почему Ирина Александровна так не одобрила мою рубашку. Не

по сути моей была она. И я не только себя предал, но и это благостное время мое, мальчика в военной форме, этот праздник среди маков и белых гор. Я знал, что, надев эту рубашку, я совершил что-то очень плохое, но чтобы столько предателей... Не до такой же степени... Предать и себя и время.

И время то пришло – заморозило джазом, потом расколом на части – расколола гитарами «битлов» – их я сразу невзлюбил, а как их любить, когда они разрушали время мое, да еще и на моих же глазах. А время то было единственным – других времен у меня не было и уж не будет. Хорошо хоть хлеба попробовал настоящего. Солнце уж побелело – выжгли солнце, в каких бутиках я куплю запах сирени после дождя, двory и дома вдыхали этот запах, дышали им и никак надыхаться не могли, – это ж иное биение сердца, это ж иные мысли. Да что там говорить – каждый человек может оправдаться перед Богом, и это правда, и это страшно. И выхода нет – упавший слаб, выстоявший – мертв. Вот и живи. А где же жизнь? В мое время я думал: вот бы жить, жить долго-долго, а теперь я радуюсь тому, что прожил. А пожелание долгих лет воспринимаю как проклятье.

Но тогда я был молод, а мир был в осколках ледяных, но не тонул пока. Мне было лет четырнадцать, и каждый осколок я принимал за целое. Но мне хотелось осколки эти сложить и увидеть целое. Жить я в нем не буду, но для себя представить, ведь интересно же. И поехал я в Ленинград. Думаю, посмотрю в Эрмитаже старых мастеров, попробую склеить их с современными – может, что-то и получится. Я было разогналсЯ к Рембрандту, но меня остановили черные глаза женщины с картины. Подошел поближе – рисунок углем – Ренато Гуттузо: кипенье тел, а среди них – черноглазая черноволосая женщина, пытающаяся вырваться из громадьЯ тел – глаз большой, как у лошади, и похожа она на коня – коня рвущегося из горящей конюшни. И горела она совсем не плотским огнем – она горела, защищая суть свою.

Казалось, огонь, затаившийся в угле, вырвался наружу. Рядом висели картины, писанные маслом, но они тускнели на фоне угольного огня, он был настоящим, прямо из недр земли. Я смотрел на горящую картину и стоял, пока стоялось. И мне подумалось: коммунист Гуттузо по идеологии своей должен сжигать человека, чтоб людям тепло было. А здесь какая любовь, какое понимание к человеку. Нет – он не коммунист, просто заблудился в этом хаосе. Рембрандт меня уже не привлекал, и я к нему и не пошел, а остался около этой горящей огнем нравственной возмущенности. И больше я не хотел видеть ни одной картины. В Пушкинском музее – выставка Гуттузо. Картин было много – этой не было. Может, продали? Был бы богат, купил бы сразу. Но дома не повесил бы, а повез к дальним родственникам, и раз в году навещал бы их.

Выйдя из музея, я подумал – эту женщину, никогда больше не увижу, но я ошибался, ее я встретил через двадцать лет в одном бывшем некогда курортном городке, где уж давненько не было курортников, где вместо них дул устойчивый суховец, он не столько дул, сколько пророчествовал о грядущем. На краю площади, около тротуара росли две пальмы, две очень радостные пальмы, меж них был натянут баннер, на котором было

написано: «Зори толерантности», и каждый пришедший мог узнать, что ж он празднует. Под баннером стояли два румяных мента, румяные и веселые, как сами пальмы. И они были радостные – будто их завтра переводили на работу в Детский фонд, куда трудящиеся и не очень радостно переводили деньги. Или их завтра отправляли в Кембридж на курсы повышения высококлассности лакеев. По углам баннера были нарисованы ромашки с разной величины лепестками, один размером с кошачье ухо, другой как ухо пожилого осла. Их сами менты и нарисовали – потому как художников не было, они определяют праздники по биению сердца своего.

Курортников не было, а было грустно. И чтобы граждане не горевали, власти сами назначали праздники. Глядя на ментов, толпившихся на площади, понималось, что курортники не скоро будут, а будет долгий застоявшийся запах суховея. Обрывками доносилась духовая музыка в исполнении пожарной команды, и, как торжество развитого феодализма, розовели медалями лица ментов. И, стоя во Внешней Монголии среди праздника жизни, я возопил отчаянным гласом – Боже, пошли хоть пару беспризорников для оживления, во имя реальности самой. И он прислал, их была тьма и тьмы. Они быстро захватили почтамы и вокзалы, даже те, которые предстояло еще построить. Тогда я вскричал в великом испуге: Господи, я столько не заказывал!

Еду в автобусе и с печалью через окошко смотрю на праздничную площадь. И чей-то взгляд возвращает меня в салон. Сквозь просветы человеческих контуров на меня смотрят громадные черные глаза на лице обугленном. И такая жалоба в них, которую знакомым и не доверишь. Жалоба облакам, небу, травам и еще незнакомому, ибо в незнакомом предполагается чистота или отклик на чистоту. Знакомым уж не пожалуешься, потому что они знакомые. Не будьте знакомы ни матери своей, ни отцу своему, ни братьям и сестрам своим, и женщине не будьте знакомы, ибо лишитесь молчаливой, чистой исповеди ее, и не лишайте ее возможности исповедовать вас. И в кипенье тех глаз я видел горение духа человеческого. И горящие глаза ее пытались выбраться из нагроможденья тех тел. Она была похожа на красивого иноходца, вылетающего из горящей конюшни. Выходя из автобуса, она взглянула на меня и едва прикоснулась к руке, и я почувствовал такую мощную поддержку, будто свет небесный соединился с выстраданностью земной. И я понял, что эта женщина уж никогда не покинет меня. И понял я, что чей-то мимолетный взгляд и едва осязаемое прикосновение ладони и есть высшая награда, которую может получить человек. Я смотрел в ее горящие глаза прекрасного иноходца, а в глубине глаз этих виделся озорной, ждущий часа своего взгляд жеребенка. Люди шли на площадь, а она шла в противоход, с лицом, научившимся властвовать собой. Я смотрел ей вслед, и у меня ныла и болела грудь, особенно то место, где раньше было ребро.

И всплыла на поверхность фраза: Человек – это образ и подобие Божье. Эти слова не утверждение и далеко не факт. Это призыв и возможность, это выбор, это единственный наш выбор. Человек – это грандиозный Божий замысел, не заверченный. Господь дал возможность достроить себя и, возможно, стать образом и подобием, все будет зависеть от вкуса

и труда. Чтобы достроить себя, нужны детали, лежащие в тебе, детали, мимо которых ты прошел, недооценил. Они щедрой Божьей рукой разбросаны и по земле. Незавершенный человек подобен недостроенному дому, в доме том скапливаются снега, и дожди любят там пребывать, и ветра холодные.

Так незавершенный человек проживает от беды, до беды, от горя до горя. И нет нетворческих людей – все вынуждены творить – некомфортно жить недостроенному – кто латает себя абы как, кто – достраивает себя на совесть. Как много на свете недостроенных, как мало верующих, ибо незавершенному никогда не постичь Совершенное. Никогда не ощутит Бога недостроивший себя человек.

Она шла сквозь толпу, чернея как космическая капсула, сброшенная на землю. А она-то не падала, а хотела подняться над землей, а это разная степень горения. Она хотела приподняться над землей без всякой сверхпрочной оболочки. Я смотрел ей вслед и думал: с этим человеком я вовек не расстанусь. Я очнулся, слегка потряс головой, пытаюсь вернуться.

Нас в маршрутке осталось только трое: у окошка сидел чернявый остроскулый человек лет пятидесяти и полная, уж возрастной полнотой круглолицая и светлоглазая женщина крестьянского вида, каких в балкарских домах через дом да в доме каждом. Про себя я ее назвал – Дульсинеей – как в воду глядел – Дульсинеей она и оказалось. На ней финский прошитый нейлоновый плащ, который в моде был лет пятьдесят назад, когда-то он был розовым, а сейчас застиран почти до белизны. И из этой хламиды в буквальном смысле вытекали поразительной красоты руки – полнокровные, не маленькие, не большие, и течение руки подчеркивала одна круглая вена – будто река полноводная она стекала к кончикам пальцев, и никаких боковых прожилок. Я откровенно любовался ее руками. Она застеснялась и пересела на другое сиденье, оказавшись спиной ко мне. Из-за спины я видел ее руки, мирно лежащие на коленях, и руки ее жили как бы отдельной жизнью от хозяйки. И, глядя на руки ее, вспомнил слова Энгельса – труд облагораживает. Эти руки и были выточены трудом, облагорожены высокими думами.

Я хорошо знаю эти руки, о них слишком хорошо помнит темя мое. Мы уже ехали по поселку. Неожиданно женщина обратилась к хмурому человеку, вжавшемуся в окно и, наверное, подсчитывающему своих цыплят по осени – их оказалось меньше, чем предполагалось, и это еще сильнее портило ему настроение. «Тебе прислать Ахмата? Он поможет посадить елочки». – «Нет», – буркнул хмурый человек, не отвлекаясь от мрачных мыслей своих.

Во дворах часто виделись рабочие в робах, присыпанных блочной и кирпичной пылью, и пыль та видом и сутью походила на день сегодняшний.

Женщина смотрела во дворы, и столько детского интереса и столько доброжелательной энергии было в ее порыве, что она хотела передать это кому-то.

Как думаешь, Хамзат за месяц управится со стройкой своей? Она перебрала всю родню свою – и дальнюю и ближнюю, знакомых и мало-

знакомых, и все горевала – люди до снега управятся ль со своей работой? А хмурый стоял насмерть – ни одного вразумительного ответа. Вначале я думал, что они просто соседи, а поняв, что это – мать и сын, и почти разозлившись, сказал: «Что ты к нему пристала, ты же видишь, он беспонтовый, как украинская анаша, у тебя есть кроме него еще дети?» – «Да, две дочки и сын». – «Вот приедешь домой, с ними и поговоришь». Женщина, как мне показалось, обрадовалась такому варианту и, с трудом повернувшись ко мне в пол-оборота, провела ладонью своей около лба моего.

Остановите – сказал сын, и они вышли, а мне еще ехать было до конца поселка, и я в восторге стал высматривать их в заднем окне. Мать, скрестив свои прекрасные руки у натруженных колен, улыбалась во все лицо, и сынок пытался улыбнуться, у него ничего не получалось – видно, давно уж не улыбался, но потуги его были усердны и прекрасны. Я ехал, и внутри у меня была сплошная улыбка, и она стирала блеклый день, запыленных рабочих и бесчисленные стройки в этом безвременье. Воистину, нет ничего более ценного, чем мимолетный взгляд незнакомой женщины и едва осязаемое прикосновение ладони ее.

Раньше я думал, что дергаться? – себя уж достроить – поздно. Жизнь прожита по-дурачки и самое ужасное – по-другому и прожить было нельзя. Выбор меж бывшими комсомольцами и бандитами. Меж ними – никакой разницы, просто каждый обкрадывает себя по-разному, не понимая, что украсть можно только у себя. И выбор – меж нежелательным и неприемлемым. Прожил, и никто тебя и не знает, и сам ты не ведаешь, кто ты такой – одни догадки. Каким тебя Бог создавал, и каким ты стал? Узнал одно – нет других поколений, а есть иные формы сумасшествия. Что ты для жизни этой малогрешен, а для жизни иной – недостаточно свят. После встречи с двумя женщинами я подумал: достроив себя, я ж стану другим человеком, и мир будет другим, пусть он предназначен для одного, но важно, что он будет другим. И кто-то достроит себя, и многие достроят себя, и в этом мире, собранным из личных миров, человеку жить уже будет можно.

Я доехал и стою в начале проулка, ведущего к лесу, и пытаюсь разобратся в климате, что царствует во мне, установленный маленькой ладошкой незнакомой женщины. Ладонь – это обмен меж внутренним движением твоим и мирозданьем. Поиск и установление гармонии меж ними. И ребенок смотрит на ладонь гостя, и не потому, что в ней конфеты, главное – в ней возможное спасенье от больших детских бед. В отличие от взрослых ребенок многое знает и о многом догадывается. Ладонь – это то, что подкармливает и присматривает за сердцем. И сердце – как птенец голодный, все смотрит в сторону ладони. И если у тебя холодная ладонь – значит, больное сердце. Все живущее живет в ожидании ладони. И котенок, и кутенок протягивают усталые, недоуменные лбы свои в сторону теплой ладони. Не ищи человека в глазах его – глаза изменчивые – возьми в руки ладонь и по теплу ее ты увидишь, кто стоит пред тобой. В ладони твоей мирозданье и место твое в нем. Относись к ладони своей, как к самой большой ценности, и цены тебе не будет.

И если тебя одолевают беды и невзгоды – взгляни на ладонь свою. И

не забудь, выходя в мир, взглянуть на ладонь свою. Лучше всех понимал женщин Дон-Кихот. Он считал, что женщина – это ладонь. И как бы он в этом испанском пекле отстаивал суть свою и любого другого человека, если б его горячего лба не коснулась ладонь Дульсиныи.

Дон-Жуан же бабочкой порхал над женской поверхностью и думал, что это и есть ее суть.

Человек здороваётся с тобой не только потому, что хочет показать миролюбие свое, он хочет показать, сколько энергии он собрал ладонью своей и сколько энергии предназначается именно тебе. Каждый карачаевец и балкарец, едва освобожденный из колыбели, знает, что его спасли женщины – других просто не было. Но как им это удалось, знает не каждый. Над этим я думаю столько, сколько и живу. И узнал ответ лишь сегодня. Оказывается, чем сильнее потрясение, тем больше тепла в ладони человека. Из несправедливостей и пакостей взрастает тепло. Человек не приспособляется ко злу, не умножая количество зла того, а ладонью перемалывает пакости. Ладонь его для того, чтобы мерзости и пакости жизни преобразовывать в энергию благодати. Наши женщины освоили главный закон бытия, сжигаешь мусор – получаешь свет и тепло.

Труд они делили на труд ради чего – это хлеб и одежда. Труд для души – праздная плоть угнетает вечно трудящуюся душу. И они трудились до нитя в теле и радовалась освобожденной душе. И высшая стадия труда – труд во имя.

Они работали в полях до эстетики ладоней своих. Ночами вязали, наполняя ладони жалобами сегодняшними и завтрашними, радостями одухотворяя ладони свои, и этими ладонями они спасали пришедших с войны подранков, стариков ослабевших и уязвимых детей.

Я всегда хотел поблагодарить вас, но сначала у меня не было слов, потом слова были, но я не знал, как их сложить, чтобы они были достойны дел ваших, а сейчас я боюсь уйти, не успев поблагодарить. Велики дела ваши, но и вас одарили щедрым Божеским подарком.

Вы вытрудили Тимура Энеева, Кайсына Кулиева, Сулеймана Чабдарова, Кязима Мечиева.

Тимура – умного, Сулеймана – праведного, Кайсына – солнечного, Кязима – святого. Христиане говорят: «Верой будет оправдан человек». «И только верой», – сказал Мартин Лютер, и от одной букочки и выросла новая религия. А шейх Сулейман Чабдаров сказал: «Стеснительность и есть половина веры». Идите, счастливого вам пути, по дороге, которую вы сами и наметили. Но нужны новые пути и новые люди на новых дорогах. Скажите дочерям своим, пусть рожают людей стеснительных и людей, живущих трудом – во имя. И какая длинная дорога ни была б, такие люди ее осилят.

Дорога к лесу изъедена коровьими копытами, и углубления заполнены темно-коричневой мочой. Дом на краю улочки огорожен высоким забором, сложенным из речных камней, виден лишь кусочек черепичной крыши, заросшей многолетним мхом. Затяжной спуск упирается у маленькой речонки, пробившей дорожку себе среди пластов голубой глины, хотя берега ее были цвета ядовито-зеленого, из-за принесенного самой

речкой хлама, обрубков бревен, кусков железа и шифера. Иду по грязи обильной – как посуху, меня греет азиатское солнце из детства моего, и маки горят, зажженные рукой случайной встречной. Я их прихватил из детства на всякий случай и вот сегодня украсил ими этот серенький день.

Я иду мимо грязи, среди цветов белых гор, и березовое небо покрывает голову мою. За речкой, на прибрежной поляне, паслись коровы. Они в едином порыве набрасывались на траву, шумно жуя, в едином порыве выдыхали и воздух, и траву, и в такт друг дружке выдыхали.

Дальше начинался лес, где листопад обильней и гуще. Пестрые от палых листьев террасы. Я обмер и похолодел. На одной террасе лежала белая корова в углублении, чуть пониже лежала еще одна, наверное мать и дочь – уж больно похожи они были друг на дружку. Они не обратили на меня никакого внимания, хотя при виде человека они содрогаются. Они боятся не жестокости нашей, к коровам мы относимся вполне любезно, даже ласково. Они ужасаются тем грубым сферам, в которых мы пребываем. Коровы лежали расслабленные и сосредоточенные одновременно. Головы их были повернуты на запад. Третий день я прихожу на это место и третий день встречаю их с одинаковым выражением глаз и в одинаковых позах. И внизу стадо жевало, вдыхало и выдыхало. А белые коровы спокойно лежали и, глядя на запад, думали, думали не о смерти, неминуемо предстоящей, а о жизни грядущей, такой желанной для них и совсем невидимой для меня.

Свет ударился о листья и, преломившись, пал на коров, и их глаза окрасились в небесно-синий цвет. Я, замороженный, смотрел в синеву их глаз и почувствовал отклик на их молитву, льющуюся из тонких сфер небесных. Господи, не есть бы мяса, тогда легче б было смотреть в их глаза. Господи, я шел в этот день и в это место, шел, вынося из жизни остатки свои. Господи, я счастлив!

Счастье – это когда осень узнает тебя по остаткам твоим и одарит движимым и недвижимым имуществом – двумя белыми коровами, которых уж не убить, предварительно выпив их молоко.

И сказочный листопад, пролившись с деревьев на землю, приоткроет небеса, и рука человека, благословя, приблизит небеса те, в которых плещутся и нежатся в благодати тончайшие сферы.

Для счастья-то нужно всего: Осень. Две коровы. Листопад. Мимолетный взгляд незнакомой женщины и едва ощутимое прикосновение ладони ее.

Главное, чтобы был ты и чтобы тебя узнали. Пусть по остаткам твоим, но чтобы узнали. Бывает, приходит человек – ни царापинки, а его не узнают и не узнают больше никогда.

Не предавай себя. Предай мать свою и отца своего. Предай брата своего. Предай сестру свою. Предай Бога самого, если нейдет. И Бог, и близкие всемиловиты, они простят. Не предавай себя, ибо прощать уж некого будет.

И руки женщин, и взгляд синеглазых коров деликатно изливали свет свой, создавали свет общий, и стоял я среди этой благодати, долго стоял, стоял до полного безболия в груди.

ТРИ ЖЕНЩИНЫ И ОДИН ГОРОД

Протяжная и сладкая, с перепевами и повторами песня Умм Кольсум оборвалась на низкой, пропетою полушепотом ноте – ...я хабиби... (о, любимый...), и мелодичный голос диктора, выждав из уважения к любимице всего арабского мира несколько мгновений, произнес знакомые слова, которые отозвались в сердце теплом: «Саадати уа ассаадати, саламу алейкум, уа рахматулла, уа хуббаракату... Кахира хена... – Дамы и господа, мир вам, и благословение Аллаха и благоденствие... это Каир...» Значит – 7 часов вечера и в Каире наступает самое благодатное время – вечер. Вечер в Каире... В удивительном городе, который даже время поста – Рамадан – ухитрялся превратить в целый месяц ночного праздника. Вся городская жизнь перестраивается – кинотеатры и кофейни закрыты днем, люди работают до того времени, когда в 6 часов наступят короткие тропические сумерки и муэдзин возгласит время окончания поста. Потом – очень воздержанное разговление – стакан воды и пара фиников (много есть нельзя – ведь даже простой масри – житель Каира – пойдет в кафе, поест фуль (фасоль) со вкусной лепешкой или мяса с соусом тахина. Усядется на стульчик на тротуаре с чашкой ароматного кофе и закурит сигарету... Из приемника льется песня несравненной Умм – сегодня это «Ана фи интизарак» – «Я жду тебя». Вообще-то её зовут Фатима Ибрагим, но никто не назовет её иначе, чем Умм Кольсум – это имя одной из дочерей пророка Мухаммада и оно стало её сценическим именем. Только журналисты могут не называть её Умм – у них для неё другое имя. Никто в Каире не переспросит, о ком идет речь, когда высоким слогом говорят «каукаб аль Шарк» – «звезда Востока». Король Фарук наградил её высшим орденом Египта – *Нишан эль камаль*, которым награждались только главы государств и члены королевских семей. Правда, не только за её талант. Дядя короля настолько полюбил Умм, что решил на ней жениться, и только яростное сопротивление его сестры, матери короля, которая по восточной традиции имела огромный вес при дворе, помешал их бракосочетанию. Бракосочетание она предотвратила, однако... Факт награждения орденом *Нишан* говорит о том, что Фарук признал её членом королевской семьи... Но была у неё и одна несомненно заслуженная военная награда. Египетская пехотная бригада, попавшая в окружение в Фалудже во время первой арабо-израильской войны в 1948 году, вырвалась из окружения, когда Умм Кольсум по радио пообещала им, что приедет на линию фронта и будет петь только для них, если они прорвут блокаду. Воодушевленные этими словами, египтяне прорвали окружение и

вышли к своим, где их ждала Умм. В числе избежавших плена (или смерти) был человек, который через 4 года со своими молодыми соратниками сверг короля Фарука и возглавил Египет на долгие 18 лет – с 1952 по 1970 год – майор Гамаль Абдель Насер. Умм была честной и преданной женщиной – она продолжала петь для Фарука, даже когда он был в изгнании (ведь он чуть не стал её племянником!). Но и Гамаль был благороден – когда он, уже будучи президентом Египта, узнал, что её сняли с телевидения из-за этих концертов королю, Насер приказал отменить запрет. Он любил эту женщину – пусть сыновней, но любовью, которую пронес через всю жизнь. Знал бы он, что она, хоть и старше его на 20 лет, будет петь и после его смерти... Но не будем о печальном. Шарль де Голь называл её не мадам, а *леди Умм*, подчеркивая её высокое положение в мире искусства, а Мария Каллас назвала её *несравненной Кольсум*. Это её, несравненную, арабы слушают по три-четыре часа, приходя в особое, ни с чем не сравнимое состояние, которое они сами называют *тараб* – эйфория в сочетании с негой. За это время Умм споет только 2 или 3 песни. Как и негритянские религиозные песни – *спиричуэлс* – это будет бесконечный, но не монотонный, повтор одних и тех же фраз, с переносом ударений, интонаций и заменой одной рифмы на другую. (Я варвар, я не могу это слушать более получаса, и когда вижу, что мои арабские собеседники приходят в состояние *тараб*, я говорю про себя так, как сказали бы в Нальчике: «Ну вот, готово – они *поймали кайф*» – и удаляюсь по-английски, тихой сапой, ловлю такси и еду в «Мэрилэнд» – ведь там сегодня, только раз в неделю, будет танцевать несравненная Сухейр Заки. Вот её и Надию Лутфи Насер любил не сыновней, а вполне мужской любовью... впрочем, как и все мы!) Ах да, каирский вечер... Долгий, по-восточному неторопливый, полный звуков музыки и ароматов вкусной еды из ресторанчиков и кафе, вечер неспешно катится от Шария Фарук (в начале этой улицы в центре Каира стоит белое здание оперы, где состоялась первая премьера «Аиды») и площади Тахрир, мимо статуи фараона, через Замалек, мимо нашего посольства и места, где будет скоро стоять памятник Умм, и дальше – в Хелмию, в Гелиополис и в Гизу, где на вершинах трёх великих пирамид – Хеопса, Хефрена и Микерина угасают последние отблески вечернего заката, и служители расставляют рядами белые кресла на террасе ресторана «Сахара-сити», готовясь к ежевечернему представлению «*Сон э люмьер*» (Звук и свет), в котором подсвеченные скрытыми прожекторами пирамиды рассказывают каждая своим голосом о веках, которые прошли пред ними... «*Всё на свете боится времени, а время боится пирамид*» – говорят арабы.

Вечер продлится почти до полуночи и только потом перейдет в бархатную тропическую ночь – когда закроются кинотеатры и зазвучат другие, пульсирующие в ночи звуки – значит, в ночных клубах Каира закончилось время ужина, отзвучали мелодии Глена Миллера, Джоржа Гершвина и Дюка Эллингтона и началось время танца

живота, время Сухейр Заки. Моя ровесница, она начала танцевать в греческих ресторанах уже в 11 лет, а в 27, когда я поселился в квартале Наср-сити в Гелиополисе, уже была знаменитой исполнительницей танца живота в самом шикарном ночном клубе Каира «Омар Хайям» под её собственный, особый ритм – арабы смешно вытягивают губы, имитируя его: *shik-shak-shok* (шик-шак-шок). Она очень строга к своему оркестру – это почти бигбэнд – 20 (!) человек. Ею (да-да, именно ею, а не только её танцем) восхищались и осыпали наградами шахиншах Ирана Мухамед Реза Пехлеви, президенты Гамаль Абдель Насер, Ричард Никсон, Анвар Садат и Хабиб Бургиба. Не было в Египте генерала, у которого было бы больше орденов и званий, чем у Сухейр. В 70-х годах она покорила весь Ближний Восток и переехала в Соединенные Штаты, где выступала в знаменитом «Сансет найтклуб» на Сансет Авеню в Лос-Анжелесе... Но это будет в семидесятых... А в конце шестидесятых я не пропускал её вечеров в «Мэрилэнд». Она танцевала там раз в неделю за символическую плату (не сравнить с «Омар Хайямом», где она за вечер (всего 2 выхода по 15-20 минут) получала пятьсот фунтов – полкило золота!). Здесь она танцевала только потому, что знала – её любят и хотят видеть не только богачи, но и студенты, и служащие, и молодые офицеры. Своего рода благотворительность и благодарность звезды, признание корней своих. Люди ценят такие знаки внимания. Недаром её прозвали *бинт эль балад* – дочь страны... Но как бы ни хотелось продлить удовольствие, надо заканчивать: вечер давно перешел в ночь, а завтра (уже сегодня!) утром молодой мулла возгласит с минарета напротив моего окна, что пора вставать – молитва слаще, чем сон! Позавтракаю в греческом семейном ресторане, похожу по золотому базару Хан эль Халили, пообедаю в недорогом и очень вкусном итальянском ресторане «Гроппи», потом сиеста – вот и прошел долгий день до вечера, каирского вечера, в котором меня ждет встреча с ещё одной замечательной египетской женщиной – в кинотеатре «Рокси» идёт фильм «Эль наддара эль саудаа» – «Чёрные очки». Ничего, что идет он на арабском – в 1965 году он с огромным успехом шел у нас. В главной роли – Надия Лутфи. Паула Мохамед Мостафа Шафик – третья любовь всех мужчин Египта, дочь араба и польки, сыгравшая с 1958 по 1980 год в 50 фильмах. Смелая женщина, не побоявшаяся заступиться за своего друга Омара Шарифа, который подвергся остракизму за то, что заявил на пресс-конференции, что позволит своим внукам, один из которых – еврей, самим выбирать свою веру, когда они достигнут совершеннолетия. И очень красивая женщина, что вовсе не мудрено. Было в кого уродиться красивой: арабы – видимые мужчины, а красота польских женщин общеизвестна. Своё сценическое имя она позаимствовала у главной героини из фильма Омара Шарифа. И Насер, и де Голль признавались, что были очарованы её красотой. Я недаром так часто ставлю этих мужчин рядом. Выдающиеся политики, красивые внешне и внутренне, они олицетворяли настоящее мужское начало в мировой политике на

фоне окружавших их неуклюжих президентов и премьеров. Недаром после их кончины были произнесены слова, которые врезались мне в память: «...их страны не осиротели после них, их страны после них овдовели»...

Когда я вижу орущую и кидающуюся камнями толпу на площади Тахрир, я с горечью понимаю, что уже никогда этот город не станет тем приветливым и уютным Каиром, в котором так комфортно жили вместе арабы-мусульмане, арабы-копты – древние христиане, православные армяне и греки, персы-зороастрийцы и католики-итальянцы. И когда я описывал вечер в Каире, я мог бы просто подставить другие, но такие родные и приятные для нашего поколения названия: не Шариа Фуад, а проспект Руставели, не Замалек, а Авлабар, не ресторан «Гроппи», а ресторан «Дарьял», не кофейня в Хелмие, а подвальчик Лагидзе, не виллу Нуар, где жили в Каире экипажи самолетов Аэрофлота, а Дом лётчиков в Сабуртало, не казино в каирской Цитадели, а ресторан в парке на горе Мтацминда... Они для нас были очень похожи – Каир и Тбилиси. И мы их очень любили. За их особый вкус и аромат. За их талантливых певцов и артистов. За их мужчин, которые были нашими соратниками и друзьями. За их женщин, которые просто были...

Города и люди, которых мы любили. Любили и потеряли...

г. Каир, Египет

Игорь ТЕРЕХОВ

Об авторе

Игорь Терехов – журналист, писатель. Член президиума Клуба писателей Кавказа.

Публиковался в «Литературной России», «Литературной газете», журналах «Дон», «Крокодил», «Ковчег», «Дети Ра», «Футурум Арт», «Литературная Кабардино-Балкария», различных региональных изданиях.

Автор шести книг прозы, нескольких киносценариев художественных и документальных фильмов. Живет в Нальчике.

ПРОПУЩЕННЫЕ ДОЖДИ

Арабески и фантазии

Последний птенец

Начнёшь с утра переставлять книги на полках своих книжных шкапов, и день уже не будет потерян для тебя. Он будет освещен светом знания, гуманизма и добра. И сам ты почувствуешь себя птенцом века Просвещения. Может быть, последним птенцом из этого гнезда.

Райские яблоки

В страстной четверг посмотрел на небо – а оно уже по-настоящему весеннее, ярко-голубое с белыми кучевыми облаками, напоминающими яблоки из райского сада. Будто кто-то там, на небесах, обтряс древо познания, чтобы его плоды не смущали человека в пасхальную неделю.

Полнота жизни

Когда современный человек утром включает свой компьютер и собирается войти в Интернет, он испытывает такое же чувство полноты жизни, какое испытывал средневековый рыцарь, когда слуги подводили к нему оседланного коня.

Прелестные трофеи

Женщины – это всегда трофеи, достающиеся мужчинам в битвах. Возбуждающие, опьяняющие, сводящие с ума женщины служат наградами за проявленное мужество и доблесть в сражениях на полях жизни, а дурные и сквалыжные бабы – это пожива мародеров, найденная ими на бивуаках отступившей армии.

Задача литературы

Праведник покидает наш мир при чтении Священного Писания, грешник – маркиза де Сада, а большинство людей отходит в мир иной за пролистыванием современных им произведений.

И потому основной задачей настоящей литературы в любое время и в любом обществе является не отражение социально-политических процессов своей эпохи, не постановка «вечных вопросов» и не изображение психических аномалий, а предоставление человеку возможности спокойно покинуть этот мир и не особо переживать за всё оставленное здесь.

Молчание

Сад за окном, и тот сегодня с утра молчит. Ни единый птичий голосок не долетает до нашего слуха. Что же вы от меня требуете солнечных песен?

Прощание с уличной Кармен

Жизнь – это не только частая утрата друзей, родственников и любимых, но и постоянное исчезновение цветов, деревьев, привычных ландшафтов и любимых заоконных видов.

Вот уже нет и куста китайской розы возле пятиэтажки на улице Мечникова, который, когда расцветал в июне, всегда поражал количеством соцветий, волшебной гармонией красного и зеленого, и какой-то театральной пышностью.

У тебя он всегда почему-то ассоциировался с Кармен, хотя она в новелле Мериме появлялась то с веткой жасмина, то с букетом белой акации. Наверно, в памяти закрепился образ Кармен с алой розой в волосах из какого-нибудь фильма или сценической постановки.

На память от этого куста осталось всего несколько строчек одного из твоих прошлогодних стихотворений. Пусть это стихотворение не совершенно и не попадет в антологию «Строки века», но прочитав его, всегда можно будет мысленным взором увидеть пышный куст китайской розы, всегда расцветавший в июне на улице Мечникова.

Слово, как, впрочем, и краски, и ноты, – те немногие инструменты, которые дал нам Господь для сохранения памяти, красоты и правды жизни.

Сбор учеников

Мужчина шел по залитой солнцем улице, стараясь держаться в тени деревьев, и разговаривал сам с собой. Разговор был столь напряженный, что, видимо, чем-то поразил проезжавшего мимо него по тротуару мальчика на велосипеде.

Мальчик остановил велосипед и, не слезая с седла, очень почтительно поздоровался с мужчиной. Мужчина внимательно посмотрел на него, и также серьезно раскланялся с мальчиком.

– Я хотел бы быть вашим учеником, – сказал мальчик.

– Но у меня сейчас нет учеников, – сказал мужчина.

– Тогда я буду первым учеником.

– А чему бы ты хотел у меня научиться?

– Как стать человеком!

– А ты разве не человек?

– Я – школьник. Но я очень хочу стать человеком. Как вы!

– Тогда приходи завтра в библиотеку. Я подберу тебе несколько книг. Только читая книги можно стать человеком.

Пропущенный дождь

За окном шел роскошный дождь. Его разнообразные звуки доносились в комнату, несмотря на работающий телевизор. Тихая музыка дождя вызывала в памяти имена Кейджа, Губайдулиной, Алексея Айги, Пекарского и других именитых перкуссионистов.

Правильнее было бы выключить телевизор и свет в комнате, и послушать, как звенят дождевые капли, ударяясь об окна, подоконник, шиферную крышу и асфальтовую дорожку под окнами, как шуршат водяные струи по листьям деревьев, как они сбегают на землю и ручейками собираются в лужи, как чавкает сытая от влаги земля и хлопают лужи, когда в них угодит нога случайного прохожего.

По каналу «Культура» шел фильм с интригующим названием «После Пушкина», и ты не решался выключить телевизор и распахнуть окно навстречу дождю. Решил подождать окончания фильма, благо он был короткометражный.

Но когда завершился фильм, стихли и звуки дождя, было слышно только, как падают на асфальт под окном редкие капли да стекают на крышу соседнего детского сада водяные скопления с деревьев.

А сам фильм оказался никакой. Его героями были именитые фотографы, они ездили по украинской глубинке и с умным видом снимали сцены народного быта и окрестные ландшафты. Среди фотографов был поэт Иван Жданов, что, наверно, и вызвало твой интерес к фильму.

Однако он не читал стихов, а только курил, ел яблоко да щелкал фотоаппаратом. А почему фильм его создатели назвали «После Пушкина» для тебя так и осталось непонятным.

Впрочем, можно предположить, что название было выбрано специально для подобных тебе простофиль, чтобы смотрели за полночь телевизор. Нет, лучше бы ты все-таки вовремя выключил телевизор, и насладился музыкой дождя. Но тебя утешало то, что летние дожди только начались, впереди еще целый сезон дождей, и у тебя будет возможность послушать замечательный косохлест или проливень, и может быть, если позволит Господин Б., написать о нем стихотворение.

А в стихотворении надо будет провести мысль о том, что исторической памятью любого дождя является всемирный потоп, и потому он так притягателен для всех нас, очарованных странников. Главное, подалеже держаться от телевизора.

Современный Пигмалион

Она была обыкновенной Элизой Дулитлл, которая с бодуна решила, что проф. Хиггинсу не хватает очарования лондонского кокни. И прилагала неимоверные усилия, чтобы исправить этот недостаток своего наставника.

На чужой мотив

Ведь как в давние-то годы бывало...

Шмыгнешь после обеда в прихожую, чтобы незаметно выскользнуть из дома, и тут тебя окрик Наденьки пригвоздит к паркету: «Куда, замарашка?». И ты, ничего лучше с ходу не придумав, сдурубрякнешь потаенное: «К Инессе, сумерничать...».

«А, ладно – иди!», – смилостивится Наденька.

А другой раз захочешь незаметно покинуть покои Инессы, а она, как чертик из табакерки, выскочит перед твоим носом: «Куда, лысый хрене, лыжи наострил?». И ты опять оправдываешься: «К Наденьке, мол, справлять супружеский долг!».

И Инесса великодушно: «Это правильно! Это дело хорошее! Ступай, милый!». И еще в лысину чмокнет на прощание.

А ты же – как в первом случае, так и во втором, и в тысяча первом, – известно куда торопишься: в библиотеку Британского музея, делать выписки. Сидишь там днями и вечерами, строчишь из чужих книг в свою заветную тетрадочку, да попутно кое-чего и своего добавляешь туда же.

И вот через определенное время рождается книга. Твоя дорогая книга, твое детище, твое сокровище, сокровищница заветных мыслей и чайний. Вот она лежит перед тобой на письменном столе, стоит на

полках книжных магазинов и библиотек, ее даже включают в перечень книг для обязательного чтения студентам разных направлений.

А название ее тебя самого завораживает – «Материализм и эмпириокритицизм». И ты радуешься и названию книги, и ее внешнему виду, и, само собой, содержанию, его глубине и полемическому задору. И уж, конечно, никогда не узнаешь, что написал, может быть, одну из самых гнусных книг в истории русской философии.

Нет уж, что по мне, так лучше девок мять да пустые бутылки в ларек сдавать, чем сочинять такую ахинею.

Живые картинки

Под вечер в комнате стало быстро темнеть. Все видимое за окном воздушное пространство захватила огромная тёмно-сизая туча, и вскоре стало невозможно читать. Все окружающие предметы окутала сонная мгла, какая бывает только в поздние летние вечера.

И вот уже на небе засверкали молнии. Но они почему-то летели не к земле, как стрелы Зевса, а пронеслись над её поверхностью, как оторвавшиеся от глобуса параллели. И при этом грома почти не было слышно.

Тут же хлынул вселенский ливень. Сразу же вниз по улицам посккали потоки воды.

После темноты, в которой были различимы только небо и земля, черное небо и серая земля, всё видимое за окном пространство сделалось жемчужным, без деления на верх и низ. Весь мир превратился в сверкающую жемчужную сферу.

По мере ослабления ливня в комнате начало светлеть. Жемчужная сфера за окном постепенно перевоплощалась в молочно-белую. И вскоре снова стали различимы верх и низ мироздания – на небе появились светло-голубые участки, а кое-где даже блеснули золотистые отсветы солнца.

Когда дождь стал утихать, предметы за окном снова приобрели знакомую окраску и форму. После беснования стихии обозримый ландшафт вернулся в привычную зеленую раму. А в комнате снова можно было читать. Все вернулось на круги своя.

Свет за порогом

Смерть вовсе не страшна, как представляют все обыватели. Она волнующая, притягательная загадка, которую можно разгадать, только переступив порог земного существования.

Для мужчины смерть в бою – это знак расположения к нему Бога. Но даже смерть в пожилом или зрелом возрасте дарует человеку последнее яркое приключение.

Старый роман

Порой кажется, что разворачивающаяся перед тобой жизнь напоминает страницы давно прочитанного и уже хорошо подзабытого романа.

Пока пытаешься вспомнить, кто эти люди, разговаривающие сейчас с тобой или друг с другом, какую идейную либо функциональную задачу они выполняют в романе, переворачивается очередная страница, и появляются новые персонажи, вытесняя старых со сцены. За объяснениями приходится пробираться на задворки книги, в царство сносок, разъяснений, комментариев.

Перед глазами постоянное мелькание персонажей, штаффажей, типажей, экипажей, плюмажей, метранпажей и тиражей. И только неустанный поиск автора этого произведения, желание встретить главного героя и его даму удерживают тебя от желания побыстрее захлопнуть эту книгу.

Перед занавесом

Не надо забывать, что эта жизнь дана нам для чувственных радостей, для наполнения памяти красочными и сочными картинками ежедневного бытия, для сладостных содроганий в ритме окружающего мира.

Это уже потом, за занавесом, в реальности № 3 (полагая, что второй реальностью является отражение первой в сознании) главным приоритетом станут интеллектуальные развлечения, размышления, сопоставления, игра в бисер.

Разговор на бегу

– Ну, как? Всё пучком?

– Да, нет, скорее узелком! Всё так перепутано, что невозможно развязать!

Внутри антикварной лавки

День напоминал лавку антиквара.

Серебряное зимнее солнце, как дорогая старинная монета, лежало на подушке жемчужных облаков. Силуэты голых деревьев смотрелись, как выставленные на аукцион скульптуры Джакомо. Запорошенные снегом двухэтажные дома походили на наборы сувенирных слоников, а прохожие казались ожившими персонажами с полотен Питера Брейгеля Старшего.

– Сколько пиастров вы хотели бы выручить за ваш скелет? – спросил ворон, сидевший на ограде памятника.

– Скелет продается только с мясом и душой. А душа христианина – бесценна, – ответил ты антиквару.

– А, вы шутник, маэстро... Бесценная! – замахал крыльями ворон, – Тридцать сребреников – ей красная цена! Это знает любой ученик!

– Тем не менее, доктору Фаусту ежедневно выплачивалось по двадцать пять крон, что в год составляет...

– Фантазии немецких сочинителей! Тридцать пиастров – максимум по прейскуранту! Запомните, маэстро! – прокаркал черный антиквар, и перелетел через ограду.

И уже с памятника облаченной в античные доспехи защитницы города прокричал свою крылатую фразу: «Nevermore!»¹.

Зимний транзит

Февраль похож на электричку среди других месяцев – поездов дальнего следования, курьерских, литерных, почтовых, товарных, скорых, пассажирских, и просто «сто первых, веселых».

И как в электричке, в нем всегда бывает много народа и необязательных разговоров. А за окном мелькают привычные полустанки, шлагбаумы, платформы, а на них гуляют собаки и девушки в коротких юбках и китайских пуховиках.

В электричках можно ездить без билета. Некоторые научились электричками добираться до Варшавы или Берлина. А иные из февраля умудряются сразу попасть в лето или осень.

Отсутствие птиц

Самое страшное зимой – это не мороз, не пронизывающий до костей ветер, не холод в квартире и пропажа теплых вещей, а отсутствие птиц. Когда в белом безмолвии зимы не видно птиц, это свидетельствует об отсутствии Бога. И всё дальнейшее тогда становится бессмысленным.

В такие минуты кажется, что только твои молитвы еще способны поддерживать огонь в светильнике всеобщей жизни. А после молитвы надо выйти на мороз, на хрустящий под ногами снег, и разбросать хлебные крошки для тех пернатых, которые привыкли искать корм на открытом пространстве, и насыпать в кормушки зерно для тех, кто не ищет пищу на земле.

И когда в твоё окно, как ангел, постучит клювом первый голубь, открой форточку и дай ему хлеба. Голубь принесет тебе послание о том, что твои молитвы услышаны небесными инстанциями, приняты к сведению и соответствующие поручения даны архангелам и силам.

---

¹ *Nevermore* – никогда (англ.).

Любовь БОЛЕСТЕВА

ГОЛУБИНЫЕ ГОДЫ

Рассказ

Рано утром Саньшу разбудила мать, которая начинала щипать щепу, чтобы растопить печь. Весна в этом году задерживалась, и в избе было прохладно. Он потихоньку выскользнул из-под тулупа, которым укрывался на печке, надев на босу ногу валенки, вышел во двор. Воровато оглядевшись, Саньша проскользнул за угол, где была приставлена лестница к лазу на потолок.

Накануне, компанией таких же, как и сам, босоногих и оборванных сорванцов, провернули, как им казалось тогда, удачное «дело». Они залезли на чердак к местному попу, наворовали свечек, всякой церковной утвари и книг. Читать Саньша мог только по слогам, но ему нравилось повторять в уме прочитанное. С каждым днем он познавал все больше, и вообще, ему нравилось это занятие. Вот только бы мать не догадалась и не дозналась, где пропадает её сорванец.

В школу Саньша ходил за шесть километров в Богатовскую губернию. Мать подымала его ни свет ни заря, кормила тюрей, давала в дорогу краюху хлеба, подпоясывала веревочным поясом, крестила и выводила за околицу. С ним ходили ещё четверо ребятшек и одна девчонка. За малейшую жалобу от учителя родители ставили детей на горох и заставляли читать молитвы, делая земной поклон. Саньша ненавидел молиться, недолюбливал попов, но хочешь не хочешь, а приходилось и ему стоять часами на коленях, отвешивая поклоны, громко ударяясь лбом об пол.

Как-то, возвращаясь из школы, решили наши сорванцы, прокатиться по льду, хотя дело уже шло к весне и несколько дней подряд были оттепели. Лед трещал под ногами, но выдерживал. Так, шаг за шагом, дошли они до середины, и тут случилось беда. Лед хрустнул, и образовалась огромная полынья, куда сразу же затянуло двоих – Прошку и Вершу. Сначала они барахтались, но мокрая одежда тянула вниз, а ледяная вода сводила судорогой все тело. Первым опомнился Саньша. Он быстро развязал свой веревочный «кушак» и бросил Проне. Того вытащили легко. А вот Верка, или Верша, как её звали ребята между собой, с перепугу не могла сообразить, что ей кричат и чего ей надо делать. Она барахталась из последних сил. И вот тут все поняли, что им попадёт. И за самовольный поход на речку и за провал под лёд, а если Верша утонет, то всё, попадёт так, что мало не покажется. Саня скинул валенки, шапку и фуфаячку, прыгнул в прорубь, схватил Вершу за косу и потащил к краю полыньи. Ребята вытащили их обоих. Проня сидел, весь дрожа от холода и выбивая зубами чечётку. Вода ручьями стекала с него. Кое-как одевшись, все пустились бегом к берегу, чтобы окончательно не замёрзнуть. Отогреться решили на чердаке у попа. Благо, тот был на службе. Кое-как просушившись,

ребята взяли со всех честное-пречестное, что никто из них не расскажет о случившемся своим родителям.

Саньша забрался на потолок. Там было темно ещё, но он прихватил с собой огарок свечи и взял в руки книгу. Она была потрёпанная по углам, заголовки и вовсе стерся, но раскрыв её и прочитав первые строки по словам, Саньша уже не мог остановиться. Это была книга Пушкина – сказки и стихи, со всякими «ять» и «ижицами». Очень долго в тот день Саньша задержался на чердаке, он не слышал, как мать звала его к обеду, обзывая его «проказником» и «дармоедом». Он не слышал ничего.

Незаметно пролетело время и стало вечереть. Пора показаться мамке на глаза. Осторожно выглянув, начал спускаться по лестнице вниз, но тут случилось непредвиденное, – лестница подломилась и Саньша рухнул вниз на землю. «Вот беда-то, – бормотал Санька, – как же я теперь буду?» – растирая ушибленную коленку и шмыгая носом, чтобы не расплакаться. Мать давно грозила сжечь лестницу в печке, за её ненадобностью и ветхостью. «Теперь точно сожжет», – подумал Санька, идя в избу, чуть прихрамывая. «Явился, не запылится, а ну марш за стол!» – сказала мать и поставила на стол чугунок с картохой в мундире, а рядом положила краюху чёрного хлеба. Саньша улетал за обе щёки.

Они жили вдвоём с мамкой. Жили бедно, перебиваясь с кваса на воду. Мать ходила батрачить по соседям, пела по праздникам на клиросе в церкви. Голос у неё был высокий, звонкий, певучий. Да и сама была она женщиной высокого роста, дородной, красивой, но, увы, вдовой. Мужа забрали на гражданскую, и он там погиб, а она осталось горе мыкать со своими детьми, а их у неё на руках осталось трое. Те, что постарше, жили в Москве у тётки. Саньша был последним и очень прокудным.

Вот и сейчас, сидит он себе, улетая за обе щёки, а где был целый день, – поди, спроси, ведь промолчит. Мать вышла во двор, на ходу бросив Саньше: «Поди, разомнись чуток, воды привези, завтра постирушку сделаем». Хоть и неохота было выходить из тёплой избы, но делать нечего, мамка шутить не будет, да и провинился на этой неделе добре. Саньша оделся, взял бадейку, поставил на санки и двинулся к колодцу. Возле него стояли бабы, обсуждая последние новости. Саньша насторожился. Тётка Пелагея, мать Верши, рассказывала, что дочка лежит больная и метается в температуре. «Всё-таки простудилась, – подумал Саньша. – Надо бы зайти к ней». Набрал воды в колодце, спотыкаясь и буксуя на проталинах, он отвёз воду к избе, да так и бросил её на санках у порога. Надо поторопиться, а то скоро мамка вернётся, заругает.

Верша лежала на топчане, разметавшись по подушке, набитой прошлогодним сеном. Саньша подошёл ближе и склонился к ней. «Вер, а Вер, ну ты чё, Верша, ты не болей и смотри не выдай нас, ага?! А я тебе что-то принесу, а ещё мамка обещала конхветок дать, мне же день рождения скоро». Верша открыла глаза. Она, конечно же, узнала Саньшу, но что он говорил, не понимала, высокая температура отбила поморки окончательно.

Саньша припустил домой. Он твердо решил показать Верше свою находку – сказки, что тайком читал на чердаке. «А лестницу я почино»,

починю обязательно». Схватив мамкино коромысло, он переломил его напополам, схватил гвозди и топор. Выскочил во двор. Лестница получилась горбатой и несуразной, но вполне крепкой и пригодной.

Саньша залез на чердак, схватил книгу и – назад. Спрятал её в сених, чтобы при выходе из избы легко было взять её и спрятать за полу. Мать заметит, заберёт книгу печку разжигать, она ничего кроме Библии не признавала. Весь вечер Саньша был как на иголках. Мать в сени, он – следом. «Ты куда, пострел, да ещё босиком, а ну, марш в дом!»

Наконец-то утро. Сегодня выходной, в школу идти не надо. Теперь бы найти повод, чтоб выскользнуть из избы. «Ма, а ма, воды надоть ещё?» – «Надо, сынок, надо», – отвечала она ему. «Ну, я схожу, привезу, подморозило, поди, с утра-то».

Саньша мчался к колодцу, желая лишь одного, чтоб возле него не было баб в очереди. Те не пустят без очереди, да ещё и тумака отвесят за попытку пролезть вперёд. «Слава Богу, никого». Он набрал бадейку и помчался домой. «Ма, я пришёл, занеси воду, я погулять, ма, немножечко». Схватил книгу и был таков.

Верша лежала бледная и осунувшаяся. В избе сидели бабы и вполголоса перешёптывались. «Умрёт, сердешная, дохтора надо, а по распутице кто поедет в Богатовку?» Саньша приблизился к топчану. Он открыл книгу и стал читать, а так как он знал почти наизусть все сказки, то получалось у него вполне прилично и без запинки. Бабы смолкли. Мало-помалу они начали прислушиваться, да так и сидели раскрыв рты.

В это самое время и вошёл поп. За ним послала мать Верши, чтобы тот пришёл пособоровать девочку перед смертью. Батюшка увидел такую картину: девочка, с широко открытыми глазами смотрела на мальчика, который читал ей книгу, а на лавке сидели бабы, раскрыв рты, и тишина стояла такая, что было слышно, как потрескивает огонь в печи. «Вот, сорванец, читает-то как выразительно», – подумал батюшка. Но тут взгляд его упал на книгу, которую Саньша держал в руках, и борода его затряслась. «Ах ты, негодник, я те покажу, как брать чужое, ишь, читака тут выискался», – шипел поп на мальчишку. Бабы зашикали, не мешай, мол, дай дослушать. А Саньша читал главу за главой, изредка поглядывая в книгу, чтоб не сбиться. Лёгкий слог Пушкина уносил его и всех окружающих в мир, где добро побеждает зло, где едят и пьют на серебре, где кот на золотой цепи ходит вокруг дуба, – эка невидаль-то, сам поп заслушался. «Вот бы мне такого помощника стихари читать, да и кадило трудно уже разжигать. Годы берут своё», – думал батюшка.

Саньша перевёл дух и оглянулся. Увидев попа в избе, испугался, язык его отнялся и ноги онемели. Искося поглядывая на дверь и ища безопасные пути отхода, Саньша бочком выскользнул за дверь, прижимая книгу к груди. «Только бы не отобрали книгу, только бы не отобрали» думал Санька, дав стрекача до дому.

...На Пасху мать взяла его в храм – на Всенощную. Вначале Санька стоял, боясь шелохнуться, ему всё казалось, что батюшка вот-вот ударит его по лбу кадиллом, но потом осмелел и стал оглядываться. Деревенские бабы и девки были разнаряжены и истово молились. Неподдалёку Саньша

заметил Проню. Тот махнул ему незаметно рукой, намереваясь сообщить что-то важное другу. Санька подошёл и они зашептались. «Верша-то выздоровела, ага, вот только косу ей обрезали зачем-то», – зашептал Проня на ухо Саньке. На них зашикали со всех сторон, и они замолчали. Но Проню распирало от новостей, которые привёз его родной дядька Осип, вернувшийся с гражданской на костылях. «Воине скоро конец, Саньша, а мы с тобой так и не успели сбежать на фронт. Вон у Евдокии муж вернулся, а говорили, что без вести пропал, бедолага. Может, и твой батяня возвернётся». И так они размечтались, что и не заметили, как служба подходила к концу и надо было идти под благословенный крест до батюшки целоваться. У Саньки похолодело внутри. Ватными ногами он сдвинулся с места, идти не хотелось, а надо, иначе получишь от мамки нагоняй, и гостинчиков не даст тебе пасхальных.

Первыми к кресту шли дети, затем мужики, а только потом – бабы. Батюшка сунул Сане крест, пробубнил: «Христос воскрес, – а когда нагнулся к нему, прошептал: – Зайди ко мне наемдни». По виду попа было не понять, с добром он приглашал Саньку к себе или нет.

Получив пасхальное яичко, Саня выскользнул из церкви. Ноги сами принесли его на чердак, где лежала его книга, украденная у попа. Саньша в последний раз открыл знакомые страницы, пересмотрел картинки, вздохнул, бережно завернул в холстину свою драгоценность и побрёл к попу.

Мать справила ему новые онучи и холщовую рубашку, правда, немного на вырост, но вполне даже приличную. Батюшка жестом указал Саньше место за столом. Тот робко присел на краешек настоящего стула. «Перекрести лоб и угощайся». Саньша робко взял вагрушку, потом угостился баранками, искоса наблюдая за отцом Вениамином.

– Где взял книгу? – прогудел поп, и Саньша поперхнулся. Запинаясь, как на духу, он рассказал батюшке и про поход на речку и про то, как ребята угодили в полынью, про всё, про всё. Как на исповеди. И выложил на стол книгу, бережно завернутую в холстину.

– Понравилась книжка-то, ай нет? – неожиданно спросил отец Вениамин. Саньша закивал головой.

– Понравилась, я её наизусть уже знаю.

– Ну-ну, – сказал поп. – За то, что сказал правду, не солгал, дарю тебе её и ещё покажу кое-что.

Санёк был на седьмом небе, он просиял как солнышко, заулыбался, прижимая дорогой подарок к груди.

«Голубиные годы твои, – сказал тогда батюшка. – Поругаешь – нахостишься, приласкаешь – ярче солнышка сияешь». Эти слова навечно врезались тогда в память Саньше. На этом его голубиные годы закончились. Батюшку сослали в Сибирь, как врага народа. Сам он закончил четыре класса и поступил в ремесленное училище. Всё было – и холод и голод и разруха, всё.

Вместе с Проней их забрали в армию в один день. Саньша играл и на гармошке и на балалайке, а Проня подыгрывал на ложках, ловко орудуя ими и присвистывая.

Попали служить в Петрозаводск. Толком ещё и не пообвыкли, а тут

– финская война. Саня и Проня попали в разведроту. Оба умели отлично ходить на лыжах, да и стреляли неплохо. Служили добросовестно, оба получили звание старшины. Оба мечтали съездить в Ленинград, пройтись по Набережной, блеснуть своими медалями и станцевать в городском парке. Молодость, мечты, желания.

А в 41-м вновь грянула война. Вот так, не снимавших сапог за три года, их погрузили в эшелон и отправили под Курск. Здесь судьба их разъединила. Проня попал в разведку, а Саньша принял на себя командование ротой, которая входила в 141-й стрелковый полк, в армии маршала Рокоссовского. «Артиллерия – бог войны» – говаривали бывалые солдаты.

Частенько, когда выдавалось затишье, Саньша брал в руки «тальяночку», которая досталась ему от убитого в бою товарища и с которой он не расставался уже никогда. Солдаты слушали песни о доме и каждый думал о своём. А Сане вспоминались голубиные годы и слова батюшки, сказанные тогда ему, – поругаешь – нахохлишься, приласкаешь – аки солнышко засияешь.

И вот однажды Саньку в бою сильно ранило в ногу, чуть ниже паха. Раненых погрузили в эшелон и повезли в тыл, в госпиталь. В теплушке было очень холодно, рядом под одной шинелью с ним лежал молодой парнишка, тоже раненый. Он всю ночь бредил и всё звал маму. К утру сосед затих. «Заснул поди», – подумал Саня и сам забылся коротким сном. Его разбудили толчки и суматоха вокруг. Сгружали мёртвых, загружали новых раненых, и всё бегом, пока не началась бомбёжка. Саня повернул голову, а бойца-то рядом нет. «Помер. Ночью отошёл, отмучился», – сказала медсестра тихо.

«Сестрица, воды», – слышалось со всех сторон. Саня тоже хотел воды, но губы не слушались, да и ноги свои он уже не чувствовал. То ли в забытьи, то ли во сне, но только грезилась ему большая полынья, вода в ней холодная, вязкая, ко дну так и тянет. Он барахтался в ней, пытаясь выбраться, но края были хрупкие и всё время обламывались, а он сам всё хлебал и хлебал холодную воду, до ломоты в зубах. И тут Верша протянула ему свою косу. Санька пытался ухватиться за неё, но никак не получалось. Как только он протягивал руку, Верша отходила от края полыньи. «Сам выбирайся, ты сильнее меня, ты сможешь».

Саня очнулся в белой палате. Повернул голову, понял, что живой. Пошевелил ногами – целы обе, но боль была невыносимой, и очень хотелось пить. «Сейчас-сейчас, принесу» – сказала ему мелодичным голосом медсестра. Саня пил с жадностью. Вода была холодная и ломила зубы. «Как в полынье», – подумал тогда он. Дела никак не шли на поправку. И вопрос встал ребром: надо ампутировать.

Последняя ночь перед операцией. Нога горит и страшно ноет. «Кому я нужен буду, безногий, кому? Лучше смерть». Санька метался в бреду, а медсестра почти не отходила от его койки, смачивая ему губы влажной ваткой и пытаясь утешить. Голос и вправду у неё был мелодичный. «Как у голубки, – говаривали раненые. – Воркует, а не говорит». Да и имя у неё было красивое – Любушка. Так и звали её к себе бойцы: «Поди-ка сюда, Голубушка ты наша», – и та спешила на зов.

Наутро в палате начался переполох. Кто мог ходить, приводили себя в порядок, брились, чистили ордена и медали. «Начальство прибыло из Ленинграда. Светило в медицине, во как, а значит, ему решать, кого на выписку, кого долечиваться домой, а кому операцию», – вполголоса переговаривались раненые.

Группа врачей остановилась у кровати Саньши. Тихо говоря на непонятном языке медицины, посоветовавшись, они двинулись дальше по проходу. И тут Саньша запел. Во весь свой голос, запел красиво и неистово, как будто прощался со всем белым светом. К нему повернули головы все, кто находился в палате. «Во, Саньша, даёт! – недоумевали раненые. – Ему сегодня ногу оттяпают, а он поёт, ну и дела!»

«Светило» подошёл к кровати Санька. «Как звать?» – «Александр Миронович». – «Званьё?» – «Старшина». – «Где получил ранение?» – «На Курской дуге». – «Откуда родом?» – «С Орловщины». – «Да-а-а? А поточнее?» – «Богатовский я». – «Так-так-так, батенька, и я оттуда же, земляки, значит. А чьих ты будешь, Саньша? Уж не Анны ли младшенький?» – «Так точно, это я. А вы кто будете, простите?» – «А я Иван Вениаминович, сын вашего попа. Помнишь такого?» – «Ещё бы не помнить...»

– Так, этого в перевязочную, посмотрим, что там у него, – отдал военврач распоряжение медсестре. И мелькнула в душе у Санька надежда ма-а-аленькой искоркой. «Авось, пронесёт, не отрежут ногу, как же я без неё-то?»

Присохшие бинты при снятии доставляли нестерпимую боль. Саньша скрипел зубами, но терпел. Военврач внимательно осмотрел рану, прощупал всю ногу, заставил пошевелить пальцами на ноге, а потом сказал: «Попробуем лечить, всё не так уж и безнадежно».

Ему посадили на гнойное место опарышей, – это личинки обыкновенной мухи, черви, проще говоря. Они объедали гнилое мясо, до самой что ни на есть кости, оставляя рану чистой. Наутро сажали новых. Слышно было даже, как они шуршат под повязкой. Рана чесалась и зудела невыносимо. Саня попросил Любушку принести ему пруттик, и вот, когда никто не видел, тихонько почёсывал прутиком рану, ну невыносимо же было уже терпеть. Кожу для пересадки брали у него со здоровой ноги и со спины. И с этого момента пошло дело на поправку. Через месяц Сане разрешили вставать – и это был праздник. Наконец-то можно будет выйти на улицу, затянуться махорочкой, поговорить с бойцами, поспросать земляков. «Везунчик», – так говорили о нём все. Узнав, что он играет на гармонии, ребята раздобыли где-то для него трёхрядку. Пальцы огрубели и не слушались, но вот, с нескольких попыток, гармонь заиграла, и песня, сначала тихая, а потом всё громче и громче, уже лилась по всему госпиталю. Любушка стояла неподалёку и тоже подпевала. Ещё тогда, в госпитале, Саня поклялся себе: «Если у меня будет дочка, обязательно назову её Любушкой. Имя-то какое, – Любушка!»

Очень хотелось домой. Узнать как там мать, кто из земляков не вернулся с фронта. Приехав в свою Богатовку, ужаснулся разрухе, что царила повсюду. Бои здесь были очень жестокие.

Встав на учёт в военкомат, там же узнал о вербовке на Кавказ, в

Чечно, подымать колхозы и совхозы. Здесь же, в Чечне, наш Саньша женился, взял в жёны красивую и умную девушку с длинной косой. И доченьку свою он назвал Любушкой, как и мечтал когда-то в госпитале.

Так уж было заведено в той семье, давать детям по пятаку в школу, на пончики. Старшие дети потратят свои деньги, а у младшенькой всё время появлялись новые книжки. Отец видел тягу дочери к чтению и сам нередко заходил с ней в книжный магазин. Ему не жалко было – пусть читает, узнает из книжек больше о жизни, и охотно объяснял ей непонятное.

А однажды он застал дочку на чердаке, где та читала учебники по литературе старших своих брата и сестры. «Почитай мне, доченька, что там пишут», – попросил отец. И Любочка стала читать, почти не глядя в книгу. Это была сказка – пушкинское «Лукоморье».

И вспомнил Саньша свое далёкое детство, когда вот так же, на чердаке, при оплывшей свече, он сам читал эту же самую сказку, боязливо озираясь, чтоб не попасться на глаза матери.

«Читай, доченька, читай, это твои голубиные годы», – так сказал тогда мне отец, которому я и посвятила эту маленькую повесть. Светлая ему память. Низкий поклон тебе, мой родной, от меня, твоей дочери Любушки.

Историю эту отец рассказал, когда мне было шесть лет. Я хорошо помню, как, сидя у костра, на котором варился кулеш, он рассказывал фронтовые байки и ещё много чего интересного. Всю жизнь отец мечтал надеть ордена и медали и съездить в Москву, на парад Победы. Он очень хотел встретиться с однополчанами. Но мечта его так и не сбылась. Не осталось ни орденов, ни медалей, старшие дети не сохранили, а я случайно нашла одну медаль, которая просто валялась под ногами, – это была медаль «За отвагу».

БАЛКАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР ИМ. КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Касым Хаджимурзаевич Акаев, окончивший факультет администраторов при ГИТИСе им. А. В. Луначарского в ноябре 1939 г., добился открытия колхозно-совхозного театра без статуса профессионального. В декабре 1939 г. К. Х. Акаев поставил пьесу К. Тренева «Любовь Яровая» с Маржан Кудавой в главной роли.

В 1935 г. для учебы в ГИТИСе набрали молодежь, которая в течение пяти лет учебы никому не уступила переходящее Красное Знамя. На курсе было три стипендиата: Сталинскую стипендию получал Узеев Мусса, Станиславского – Рахаев Измаил, стипендию Качалова – Биттирова Жаухар. Такие прекрасные преподаватели, как нар. арт. России, лауреат Госпремии СССР, проф. И. Я. Судаков, нар. арт. РСФСР С. К. Блинников, заслуж. деятель искусств РСФСР С. И. Калинин, проф. О. Рахманова и другие дали студийцам высокие знания.

В октябре 1940 г. по случаю торжественного открытия первого в истории балкарского народа профессионального театра из Всесоюзного комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР приехали представители. Бывший Дворец пионеров был переоборудован под театр; 26 октября впервые открылся занавес и зрители увидели великолепный спектакль «Фуэнте Ове-хуна» Лопе де Вега, поставленный И. Я. Судаковым, главную роль Лауренсии в котором блистательно исполнила Ш. Н. Кучмезова. 27 и 28 октября были показаны «Проделки Скапена» Ж.-Б. Мольера и «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова. После приезда профессиональных балкарских артистов колхозно-совхозный театр распался и более одаренных актеров приняли в профессиональный театр. Художественным руководителем был назначен Н. Леготин, режиссерами – Р. Геляев и В. Старостина.

Во время Великой Отечественной войны большая часть мужского состава сражалась на фронте. Оставшиеся артисты в самых сложных условиях военного времени продолжали свою деятельность. Репертуар носил антифашистский характер.

С марта 1944-го по 1957 г. в связи с антигуманными действиями над ни в чем не повинным народом вся культура балкарцев была начисто вычеркнута из истории. В 1957 г. была восстановлена справедливость, и балкарский народ обрел свои законные права. 1958 г. ознаменован вторым рождением театра, но уже в здании Кабардинского театра, где функционировало 2 труппы – кабардинская и русская. Позже в этом здании остались две национальные труппы – кабардинская и балкарская.

В 1963 г. под руководством народной артистки СССР, лауреата Ленинской премии, проф. В. Н. Пашенной успешно заканчивает учебу вторая балкарская студия при театральном училище им. М. С. Щепкина. Дипломные работы: «Отелло» В. Шекспира, «Гроза» А. Островского, «За тех, кто в море» Б. Лавренева. Эти и последующие годы являются расцветом балкарского театрального искусства. Высокоинтеллектуальный Г. В. Моисеев умело руководил коллективом, вдумчиво подбирал репертуар. На смену ему пришел талантливый, эрудированный актер и режиссер Б. Х. Кулиев.

В 1977 г. окончив ГИТИС, вернулась третья балкарская студия. Художественный руководитель курса В. Ф. Дудин, проф., народный артист РСФСР. Дипломные спектакли: «Антигона» Софокла, «Дон Жуан» Ж.-Б. Мольера, «Ромео и Джульетта» В. Шекспира, «Прошлым летом в Чулимске», Д. Вампилова.

С 31 января 1990 г. в связи с реорганизацией Кабардино-Балкарского госдрамтеатра создаются два самостоятельных театра – кабардинский и балкарский. Здание бывшего Дома политпросвещения (по ул. Балкарская, 2) передается в ведение Балкарского госдрамтеатра им. Кайсына Кулиева. Главный режиссер театра – заслуженный деятель искусств КБР, лауреат Госпремии КБР М. М. Атмурзаев.

В 1991 г. под руководством заслуженного деятеля искусств РФ, проф. П. О. Хомского закончила учебу в ГИТИСе четвертая студия. Дипломные спектакли: «Кюджинские перепалки» К. Гольдони, «Гартноф» Ж.-Б. Мольера и «Мещане» М. Горького. Нынче в театре работают четыре поколения артистов.

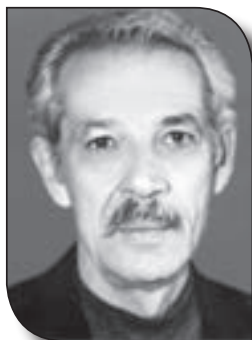
М. Б. Жангуразов – директор, заслуженный артист КБР, народный артист КЧР и РИ

М. М. Атмурзаев – главный режиссер, заслуженный деятель искусств КБР, лауреат Госпремии КБР

Э. Э. Кулиева – зав. литературной частью, заслуженная артистка КБАССР

О. Х. Мокаев – зав. художественно-постановочной частью

Л. П. Соловьева – ведущая электроцехом, заслуженный работник культуры КБР

Х. А. Юсупов – заслуженный артист РСФСР и КБАССР

З. А. Будаева – заслуженная артистка КБАССР

А. С. Шахмурзаев – заслуженный артист КБАССР

Р. З. Токумаева – заслуженная артистка КБАССР

З. А. Бапинаев – заслуженный артист РФ, лауреат Госпремии КБР

Р. Х. Байзуллаева – народная артистка КБР

А. Х. Тетиев – заслуженный артист КБР

К. М. Мамучиев – заслуженный артист КБР

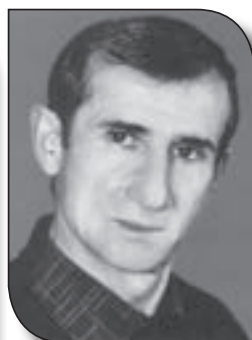
Т. Ш. Жулабов – заслуженный артист КБР

Р. М. Текуева – заслуженная артистка КЧР

Р. К. Урусова – заслуженная артистка КЧР

С. Х. Мирзоев – заслуженный артист КЧР

Л. Х. Бакueva – заслуженная артистка КБР

О. Т. Шаваев – заслуженный артист КБР

Т. С. Мизиев – заслуженный артист КЧР

Ф. М. Жангуразова – заслуженная артистка КБР, народная артистка КЧР и РИ

*М. А. Мисирова – актриса,
лауреат Госпремии КБР*

А. С. Атмурзаева – заслуженная артистка КБР

А. Б. Бачиев – заслуженный артист РИ

Л. М. Бечелова – заслуженная артистка КБР

Х. М. Бичиев – актер

*Г. А. Тапасханова – актриса,
лауреат Госпремии КБР*

Ж. Н. Мисиров – актер

З. С. Тохаев – заслуженный артист КБР

Альберт ДЫШЕКОВ,
 редактор отдела спорта
 газеты «Кабардино-Балкарская правда»

НОЧЬ

Глазницами разбитых фонарей,
 щербато улыбаясь из-за туч,
 в кромешной тьме, среди пустых теней,
 ты смотришь, ночь, ты видишь, я живуч.
 Нетвердою походкойходишь в дом,
 дрожащими руками гасишь свечи.

Ты хочешь, издеваясь, перед сном
 навязывать свои хмельные речи.
 И, боже мой, как тяжела минута:
 изображать к реченьям интерес.
 А на стене – портретик Бенвенуто,
 с мольбой в глазах застывшей – «Эс-О-Эс».

БЫЛО, НО ПРОШЛО

Были когда-то случайные встречи,
 душу губившие терпким вином.
 Шелест волос и пугливые плечи,
 ливневый дождь под дырявым зонтом.
 Были минуты покоя и счастья,
 пылкая страсть и сплетение рук.
 Так почему налетело ненастье,
 вместе с дождем принеся сотни мук?

***

Ночь черна, вокруг пустые тени.
 Звезды пьяные, икая, смотрят вниз.
 Ты одна. Душа твоя в смятении –
 ноги сами встали на карниз.
 Под тобой бездонный мрак лежит,
 пропасть манит лентою асфальта.
 Сердце как мотор стучит, стучит,
 вой собак – заржавленный контрольтю.
 Сделай шаг, и боль твоя уйдет,
 сделай шаг, и грусть твоя исчезнет.
 Ржавая луна кричит: «Зачем?»,
 но душа твоя уже не дрогнет.
 А вдали играет саксофон.
 Звуки хриплые – прощальный джаз любви.
 Сон и явь твои теперь в крови,
 яркий цвет отныне полутон.
 Ночь тиха. Раздался женский крик
 и асфальт могилой стал несчастной.
 Замерли часы на один миг,
 чтобы вновь идти, но безучастно.

ПОДРАЖАНИЕ ВОСТОКУ

Говорят, что нет прекрасней чувства, чем любовь твоя,
я не верю, я несчастен только лишь из-за тебя.
Говорят, что ты страдала, проводила дни в слезах,
между тем друзья узнали – ты с другим была в садах.
Говорят, что ты прекрасна, словно райская пери
я не спорю, но, напрасно я искал твоей любви.
Говорят, любить не может тот, кто песен ей не пел,
что ж, не спорю, но быть может, я всего лишь не успел.

НЕБУ

За что меня ты ненавидишь, небо?
Ты плачешься дождем, а я вином.
За что меня ты ненавидишь небо?
Ведь мы с тобой всегда пьяны вдвоем.

О ГРЕШНИКАХ

Мне говорят: «Ты пьяница и вор!»
И я готов снести такой укор.
Но кто из нас безгрешен, о Аллах?
Пусть пьян я, но не числюсь в подлецах.

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ НЕКРАСИВУЮ...

Не принцесса ты, не царица
и с любой девицей сравнишься.
Не красавица ты несказанная,
не отрада моя долгожданная.
Не фигурная ты, не объемная
грудь не полная, ноги не стройные,
и глаза твои не бездонные,
и движения твои не томные.
Ты как пива бокал недопитого
и как вобла моя недоетая.
Ты как песня любви недопетая,
от которой не чаю ответа я.
Ты как с неба звезда упавшая
И как солнце, луною ставшее...

Григорий ДУДА,

*врач с многолетним стажем,
в настоящее время на заслуженном отдыхе,
живет в г. Нальчике*

КРУГОВОРОТ ЖИЗНИ

Как будто кто-то плачет
В сиреновом саду –
То иволга судачит
С овсянкой поутру.

О чем они толкуют,
Решил подслушать я,
И тихо к ним подкрался,
И встал за тополя.
И слышу – ясно слышу,
Щебечут про весну,
Что судьбами колышет
Любовь в родном краю.
Что скоро будет встреча,
И песня, и любовь...

Все, что живет на свете,
Творить свой будет кров.
Под этим кровом дети
Будут расти в года,
И снова в жизни встанет
Все на круги своя.
И с новою весною
В сиреновом бору
Услышать можно песню:
Люблю, люблю, люблю...

НАЛЬЧИК

И вновь весна, и жизни пробужденье,
И первый гром, и первая гроза.
Республику я вижу всю в цветеньи
Во всей ее красе и чистой, как слеза.
Большою, дружною семьей
Живут в ней многие народы,
Живут все думою одной –
Как устранить быстрей невзгоды.
Твои леса, твои долины,
И горных рек ревуший звук,
И горы, словно исполины,
Стоят, как стражники, вокруг.
Столица Нальчик всем на диво
Стоит, умытая грозой,
С улыбкой строго-горделивой,
Любуясь утренней зарей.
Все вскоре – верю – утвердится,
Мы будем радостнее жить.
На совесть надо всем трудиться,
И вновь, как прежде, всем дружить.

ВЕРЕН КЛЯТВЕ ГИППОКРАТА

Шевхужев Замир Абдулахович – один из молодых и очень известных врачей КЧР. Ставший доктором медицинских наук уже в сорок лет, Замир является опытным врачом и талантливым руководителем. Подтверждение всему этому – его верность клятве Гиппократа, беззаветное служение людям, а их благодарность – высшая награда для него.

После успешного окончания средней школы в родном селении Али-Бердуко, Шевхужев поступил на факультет лечебного дела Ставропольского медицинского института, решив посвятить свою жизнь нелегкой миссии – спасению людей, облегчению их страданий. Выбрав профессию по велению сердца, он со всей ответственностью подошел к овладению премудростями медицины и 1986 году блестяще окончил институт. Потом Замир вернулся в родные края и год проходил интернатуру в Черкесской городской больнице. Последующее десятилетие Шевхужев работает врачом-ординатором в отделении хирургии той же больницы. Уже тогда проявились неординарные способности молодого врача и его нестандартные подходы к решению различных медицинских задач. В течение короткого времени имя и дело врача Замира Шевхужева приобретают популярность как в научных, медицинских кругах, так и среди общественности.

Работая в клинике, Замир ведет активную научно-исследовательскую работу. В 1993 году он заканчивает кандидатскую диссертацию на тему «Эндолимфатическая антибиотикотерапия в комплексном лечении осложнений острого аппендицита». После успешной защиты этой исследовательской работы ему присваивают звание кандидата медицинских наук.

Но это не предел для талантливого и энергичного врача. И в последующие годы он активно занимается различными исследованиями, работает над докторской диссертацией. Тема его монографии – «Эндолимфатическая лекарственная терапия в комплексном лечении гнойно-воспалительных заболеваний органов брюшной полости». В 2002 году Шевхужев закончил работу над своей докторской диссертацией. Работа была высоко оценена в научных кругах, защита прошла на высоком уровне. Сегодня этой монографией пользуются многие специалисты, аспиранты и студенты медицинских вузов.

В 1996 году Замира Шевхужева назначили на должность главного врача МУЗ «Черкесская городская больница». И вот уже более десяти лет Замир является руководителем такого большого лечебного учреждения. Молодому специалисту, конечно, пришлось нелегко на такой ответственной работе, но острый аналитический ум, проницательность, настойчивость и вера в свои силы и в возможности коллектива помогли и сегодня помогают ему успешно справляться с трудностями. Главной его заботой всегда были интересы пациентов и медперсонала клиники, отстаивать которые он готов всеми силами.

Являясь врачом по призванию, Шевхужев продолжает совершенство-

ваться, общается ко всему новому в медицине, что касается его специальности. Замир автор более тридцати научных работ и статей. Все они посвящены вопросам клинической лимфологии, воспалительным, онкологическим заболеваниям органов брюшной полости. Шевхужев активно участвует в работе окружных, всероссийских, международных медицинских конференций, симпозиумов, часто выступает на них с содержательными докладами. Его имя теперь известно не только на малой родине, но и в научных кругах Российской Федерации и даже зарубежом. С 1997 года Шевхужев является членом Нью-Йоркской академии наук.

Человеколюб по натуре, Шевхужев с удивительным самоотречением верно служит людям. Его отличают честность, бескорыстие, стремление вникнуть в слова собеседника. Особенно бережно и с глубоким пониманием он относится к больным. Об этом свидетельствуют многочисленные письма и слова благодарности в адрес этого замечательного врача. Вот один такой пример – слова благодарности от ветерана войны, пенсионера МВД Ш. Магомаева:

«Каждая семья когда-нибудь вынуждена обратиться к людям в белых халатах. И от того, как он или она относится к человеку, потерявшему уверенность в себе, во многом зависит жизнь пациента. Недавно очередь дошла и до моей семьи. Народная молва привела меня к главному врачу МУЗ Черкесская городская больница Шевхужеву Замиру Абдулаховичу. Как говорят в народе, вначале Всевышний, а затем человек, наделенный Им правом, вернули радость в мою семью. Перед окончанием месяца Рамадан моя семья получила огромный подарок – он вылечил мою жену, мать пятерых детей.

О таких людях, как Замир Абдулахович, говорят: счастлив тот народ, который имеет такого сына. Такой человек, как Замир Абдулахович, не может принадлежать только одному народу, уверен, что его можно назвать сыном всех народов страны.

Он также является прекрасным руководителем, в нем нет чванства, хамства. От имени моей семьи выражаю тебе благодарность, мой брат.

Приятно осознавать, что есть среди нас люди, которые, что бы с ними ни случилось, всегда остаются настоящими людьми. Никогда не изменят клятве, данной в начале жизненного пути. Спасибо и твоей семье, она, как мне известно, для тебя является надежным тылом. Я также благодарен тебе, мой брат, за то, что, обучая будущих врачей, ты говоришь им и показываешь своим личным примером, что прежде чем полюбить свою профессию, надо научиться любить людей, независимо от социальной принадлежности.

Поздравляю от себя и своей семьи тебя, твою семью, твоих коллег с твоими новыми успехами. Дай Аллах, чтобы в Ваших семьях всегда было счастье, радость и мир!»

Что сказать после таких чистых слов, идущих от души и сердца!.. Они полностью отражают отношение к своему делу того, кому адресованы.

Когда готовился этот материал, редакция получила радостную весть. Доктор медицинских наук Шевхужев Замир Абдулахович стал членом Адыгской Международной академии наук. Мы поздравляем нашего известного врача с таким большим успехом. Желаем новых творческих успехов на медицинском поприще, здоровья, семейного счастья и долгих лет жизни!

ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА АРТИСТКИ

Детство Светланы Тхагалеговой прошло в Нартене. «С малых лет, – рассказывает она, – я пела кабардинские песни и сама придумывала музыку. Сначала свои песни я пела кукле, а потом своим подругам. Мой отец тоже любил петь. Я помню, как он пел народную песню «Рая», ему нравилось, что я увлекаюсь музыкой, и не было границ моей радости, когда отец купил мне национальную гармошку. Я стала ходить в 1-ю музыкальную школу, но, поскольку не было занятий на национальной гармошке, занималась на аккордеоне. Потом, когда узнали, что Мухамед Маметов проводит занятия по национальной гармонике, перешла во 2-ю музыкальную школу.

После школы поступила в музыкальное училище на вокальное отделение. Моим преподавателем по вокалу была Тамара Харуновна Гергокова, и я ей во многом благодарна.

Свою трудовую деятельность я начала в ДК г. Нарткалы. Музыкальный редактор радио Хасан Карданов по работе часто посещал нас. Однажды он пригласил меня в Дом радио на прослушивание. После этого Аслан Дауров сразу взял меня в свой ансамбль «Даханаго». В ансамбле я была солисткой до 2001 года.

После смерти Аслана Даурова стала работать самостоятельно, проводила сольные концерты. Грамот и дипломов у меня много, но больше всего запомнились и стали ближе первый и последний.

Первый диплом получила в музыкальном училище за мой номер в республиканском конкурсе к 27-му съезду КПСС, последняя Почетная грамота – Министерства культуры Российской Федерации. Это было в позапрошлом году и приурочено к 20-летию моей творческой деятельности».

Светлана Тхагалегова затрагивает тончайшие струны души человека через красоту песни, неся в себе тепло, свет и радость. Ее труд направлен на укрепление и развитие лучших традиций культуры народов Кавказа. За двадцать лет она проделала большой и нелегкий творческий путь. Оказанное доверие она оправдала своим профессионализмом, вобрав в себя ни с чем не сравнимое духовное богатство народов Кавказа. Сегодня она имеет своих благодарных зрителей и слушателей уже во многих уголках нашей многонациональной России. Она занимает достойное, подобающее место в культурном пространстве Кабардино-Балкарии. Светлана Тхагалегова – заслуженная артистка КБР и Республики Адыгея. Пусть путеводная звезда освещает путь артистки, пусть он будет наполнен творческими замыслами, крылатыми идеями и великими достижениями!

Геннадий КОММОДОВ

ДОСТОЙНЫЙ СВОЕГО РОДА

Далеко в лесных предгорьях, в урочище Уаза, почти рядом рождаются две речки – Большая и Малая Шалушки. Их истоки разделяет лишь взгорье. Дальше они сбегают вниз вдоль горного кряжа, поросшего буками и чинарами с величественными стволами и могучими корнями. В горах расходятся на значительное расстояние, чтобы встретиться, слиться на равнине. Обе речки веками выносили из ущелий все, что вымывали в горах, и образовали в низовьях обширный участок плодородной земли. Это место издавна облюбовали люди для своих поселений.

В 1736 году на впервые составленной карте по левому берегу Малой Шалушки были обозначены шесть небольших аулов: Кунижевых, Куденетовых, Моловых, Шордановых, Даутоковых, Таовых. Кабардинцы издавна селились на левом берегу реки, чтобы черпать воду правой рукой и против течения.

Несколько лет спустя, в 1744-м, аулы объединились в одно селение, которое по названию реки стало называться Шалушкой. Аулы остались кварталами села. Долгое время в Шалушке были кварталы Къуныжькей, Люкацей, Даутыкей. Один из кварталов даже назывался Шыпсырына хьэблэ (Крапивный квартал).

Поселение имело выгодное расположение – в нескольких километрах от слободы Нальчик. В селе не было князей, все вопросы общежития решались старейшинами родов и выборным старостой. Сюда переезжали и, с разрешения уже живших здесь, селились те, кому по разным причинам приходилось покидать родные места.

Шалушка быстро росла. Уже в 1834 году в селе было 387 дворов, а население составляло 1757 человек.

В Шалушке всегда были люди, которые славили своё село, о которых знали не только в Кабарде, но и на всём Северном Кавказе. В начале XIX здесь трудились мастера-оружейники Варитлов, Таов, Жагупов. Они изготавливали ружья, что в то время очень ценилось. Каждый мастер тщательно оберегал секреты сверления болванок для ствола, изготовления зарядной, прицельной частей, приклада.

На юго-западной окраине, где село окаймляют холмы, старейшины как-то встречали известного военачальника Чечни и Дагестана – имама Шамиля. Он приезжал в гости к своему любимому мюриду Али Кунижеву. Встреча эта описана в книге С. Голубова «Солдатская слава».

В Шалушке гордятся тем фактом, что участок железной дороги от Ростова до станции Прохладная построен под руководством шалушкинца, полковника царской армии Батырбека Шарданова.

Слово Шалушка происходит от кабардинского «шхаль» – мельница. И действительно, село веками отличалось тем, что почти каждый двор имел свою мельницу. Мурат Шанбеев на Северном Кавказе славился как потом-

Открытие «Праздника таврения лошадей» в с. Шалушка. 26 апреля 2009 г. На переднем плане (слева направо): Кунижев Хачим, ветеран ВОВ Кучменов Мажид, доктор филологических наук Цитинов А.

ственный непревзойдённый мастер изготовления мельничных камней – жерновов. Именно жерновам местные жители возвели современный памятник, ставший своеобразным символом Шалушки.

В памяти сельчан хранится большая благодарность Беталу и Аслангери Кунижевым. Первый – уважаемый старшина села в позапрошлом веке, второй, будучи старшиной в период революции и гражданской

войны, наотрез отказался поставить Деникину в его армию 50 конников. Деникинцы расстреляли Аслангери, но конников так и не получили.

За новую жизнь в 11-й Красной армии и партизанских отрядах сражались Данил, Касбулат и Жанхот Тлуповы, Гели и Хазраил Юановы, Ахмедхан Кужев, Кучук Дзагов, Фица Хутатов, Шихбан и Хамзет Таовы, Гиса и Мухажир Нагоевы, Якуб Жаков, Гали Апажев, Ибрагим Кучменов, Мурат Хутов и десятки других.

Те из них, кто после окончания гражданской войны и победы народа остались живы, возглавили строительство нового. В Шалушке создали партийную и комсомольскую ячейки, родился сначала один колхоз, вскоре – ещё три. Шалушка росла, благоустраивалась...

Хачим Кунижев – герой этого повествования – входит в жизнь в послевоенные годы. Крепкий, очень любознательный мальчишка хорошо учится в школе. Другого и не могло быть. Пример для него – родной дядя Хажпаго Кунижев. Один из преподавателей Ленинского городка знает четыре иностранных языка, автор первого на кабардинском языке букваря для взрослых...

Хачим уже тогда осознаёт, что главное – быть полезным своим близким и всем людям, совершенствовать жизнь самому и звать к тому других.

Впитал это он в детстве, от своей матери – Сакинат.

– Человека с такой внутренней культурой, с такой чуткой душой я больше не встречал, – скажет Хачим позже. – Она всё понимала, всё чувствовала и всё принимала. Мама одаривала теплом, сочувствием, состраданием всех, кто был рядом. Она очень хорошо знала кабардинские обычаи, ритуалы. С ней не стыдились советоваться даже старики.

Хачим в школе (а потом и всю жизнь) особенно любит литературу. Стихи Лермонтова, посвящённые Кавказу, горцам, так красивы по языку, так близки по содержанию. Тургенев восхищает его замечательными картинами природы. Достоевский и Толстой поражают необыкновенной глубиной раскрытия характера героя. Рахметов, Павел Власов, Корчагин для Хачима – образцы высокой человечности.

– Второй учебный предмет, который увлекал меня, – география, – вспоминает Хачим. В моём кабинете всегда находится портрет любимого учителя географии Хазеши Хасовича Хутова. На его уроках мы познавали нашу планету, и у меня даже родилась мечта стать геологом.

Поколение учащихся того времени росло с песней, в которой есть слова: «Под крылом самолета о чем-то поёт зелёное море тайги...» Кумирами современников Хачима были Юрий Гагарин и Юрий Власов.

Особенно привлекал спорт. Очень хотелось стать таким же, как его братья: Хамидби – известный жокей, Мухарби – многократный чемпион России по конному спорту, Алим – тяжелоатлет, первый из адыгов, поднявший над головой 200 килограммов.

Многого хотелось Хачиму... Но жизнь распорядилась по-своему. Тяжёлое материальное положение семьи заставило сразу после школы поступить на завод «Севкавэлектроприбор» учеником слесаря.

Отсюда Хачима призвали в армию. Там он быстро взрослеет, очень серьёзно и результативно занимается спортом. После демобилизации возвращается на завод, работает слесарем 4 разряда. Выполняет сложные сборные заказы. Его изделия не проверяет ОТК – он работает с личным клеймом.

И только через 9 лет после окончания школы Хачим поступает очно в КБГУ на факультет физического воспитания. Отличную учёбу студент совмещает с работой. В первый год – староста курса, во второй – командир народной дружины университета, два года возглавляет совет общежития, а на летних каникулах руководит студенческим стройотрядом «Прометей». Отряд занял 2-е место в республиканском соревновании стройотрядов, объекту, который они возвели, присвоили «Студенческий знак качества».

За годы учебы в университете Хачим добился серьёзных успехов в футболе и особенно в боксе.

Окончание университета совпадает с направлением на работу старшим инструктором в Областной совет ДСО «Урожай». Одновременно Хачим с отличием оканчивает двухлетнее отделение партийного строительства вечернего Института марксизма-ленинизма.

Вскоре он возвращается в Шалушку, по просьбе односельчан становится профоргом совхоза «Шалушкинский». Люди надеялись, что Хачим сможет поднять отстающее хозяйство. В 1990 году его избирают председателем сельсовета.

– Как безмерно я обрадовался... – вспоминает Хачим. – Вот оно, настоящее, большое, благородное дело! Но восторг мой был преждевременен. Вскоре я понял: одному многого не добиться.

Ещё тогда, 23 года назад, своим первым заместителем он берёт Каншау Шаваева. Как он дополнил

Награждение медалью Международного Лермонтовского комитета «За мир и гуманизм на Кавказе»

Праздник двойняшек в п. Шалушка

Хачима! Но отличного работника забрали в парламент республики. В администрацию пришёл Каншоби Варитлов, серьёзный, опытный хозяйственник.

При Кунижеве в Шалушке на всём пятикилометровом протяжении асфальтируют главную улицу, строят две средние школы и двухэтажное здание амбулатории. В

нём есть даже физиотерапевтический кабинет. Село полностью газифицируется, получает водопровод. Шалушкинцы, живущие по берегам реки, почти ежегодно страдали от сезонных разливов. Пришлось привлечь специализированную тяжёлую технику. Русло Малой Шалушки спрямили, углубили на 2–3 метра, возвели дамбы. Теперь не страшны даже сильные разливы.

Я не стану перечислять всего, что сделано для благоустройства села. На это потребовались годы, сотни миллионов рублей.

Серьёзнейшей и очень ответственной гранью работы Хачим с первого года считает воспитание молодёжи, а средством – спорт. Именитый боксер, заслуженный работник физкультуры и спорта, судья международной категории по боксу, Хачим сначала занимался этой работой сам, позже взял в помощники заместителем Алика Тлупова, влюблённого в спорт молодого человека.

Шалушка – самое спортивное село Кабардино-Балкарии. Здесь свой стадион, 3 спортивных площадки, 5 спортзалов, работают 8 спортивных секций, их посещают более 400 детей. Тренеры свои, а также из Нальчика. В средней школе № 2 открыт специализированный зал дзюдо.

Спортсмены села из года в год завоёвывают медали всех достоинств на чемпионатах России, Европы, мира, Кубке мира, на Универсиаде. В Шалушке 5 чемпионов мира, 6 ребят – члены национальных сборных России по боксу, борьбе и кикбоксингу. Бронзовый призер Афинской Олимпиады Хасанби Таов – государственный тренер России по дзюдо.

В Шалушке часто проводят районные и республиканские соревнования. Кунижев много сил и времени отдаёт организации участия спортсменов своего села в различных турнирах. Находит спонсоров.

Кунижев и Тлупов умеют находить и приглашать на встречи известных людей. В Шалушку приезжали легенды спорта – чемпионы Олимпийских игр Станислав Степашкин, Борис Лагутин, Давид Ригерт.

Итальянский путешественник Януш Ривера отличается тем, что никому не дает интервью. Недавно Ривера совершал на велосипеде поездку по Северному Кавказу. Хачим смог добиться, чтобы этот человек сделал

остановку в Шалушке. Произошла импровизированная необычная встреча. Молодёжь села преподнесла Янушу жёлтую майку лидера.

В Шалушке побывал в гостях известный певец и танцор Ричард. Его называют «Майком Джексонем из Танзании». Какими бурными аплодисментами наградили его и за исполнение негритянских песен, и за искромётную лезгинку!

Хачим трепетно относится к старине, к старшим. За околицей села на лугу он организовал праздники таврения лошадей и чествования долгожителей. Ведущим по просьбе Хачима был шалушкинец, доктор филологических наук, историк и этнограф, известный знаток традиций и обычаев Аслан Ципинов. На праздники пришли почти все сельчане, приехали гости из столицы республики и соседних сёл.

Очень много внимания уделяется в селе ветеранам, инвалидам и малоимущим. Эту работу Хачим ведёт рука об руку с Хажкасимом Кучменовым, председателем Совета ветеранов. Несколько раз в году эта категория шалушкинцев получает ощутимую материальную помощь. Администрация, совхоз, спонсоры не скупятся ни на деньги, ни на продукты.

Финансовыми делами Хачим занимается неохотно, только при большой необходимости. Это сфера действий Жанеты Шогеновой, опытного финансового работника, замечательного человека. Она в администрации значит почти столько же, сколько и глава.

– Не всё в нашей работе приносит удовлетворение, – не скрывает горечи Хачим. – Иногда случаются земельные споры между соседями, имущественные, наследственные конфликты между родственниками. Вот когда от меня, от всех работников администрации требуется максимум толерантности. (Не люблю этого слова: есть лучшее – «адыгагъэ» – Г. К.) В таких случаях обычно справляются ведущие специалисты администрации – Фатима Ионова и Фатима Керефова, инженер-землеустроитель Хагау Керефов.

Хачим никогда не забывает, что в Великой Отечественной войне участвовали 636 воинов из родного села. 346 погибли, в том числе 8 Кунижевых.

Лет 10 назад Кунижев сам разыскал 86 фотографий ветеранов войны, увеличил их до портретов и подарил школьному музею. Память о Хамиде Апажеве, Гумаре Шогенове, Хазеше Хутове, Каральби Дзагове, о братьях Варитловых увековечена в названиях улиц Шалушки. Присвоение имен воинов произошло в разные годы, и каждый раз это был праздник для всего села, с застольем для старших, массовыми играми, танцами, выступлениями молодых талантов, спортсменов. В селе давно стало традицией 9 мая отмечать многолюдными митингами.

При сельском Доме культуры работает музыкальная школа. Боль-

*Закладка аллеи дружбы в Ингушетии.
Магас, 2010 г.*

*С дочерью Лалиной
(вручение диплома в Москве лучшему главе муницип.
образования с.п. РФ)*

шим творческим коллективом руководят две замечательные женщины: директор Мадина Жагупова и художественный руководитель – талантливая красавица Ирина Аришева. Вот кто умеет душевно, захватывающее интересно провести конкурсы малышей «Мисс Дюймовочка», старшеклассниц – «Мисс Шалушка», юношей – «Мистер Шалушка»! Вот кто открывает таланты среди молодёжи и делает их достоянием села!

Часто случается так, что ведущим встречи становится

приглашенный гость. Так произошло в один из новогодних праздников. В Дом культуры были приглашены знатные люди старшего поколения Шалушки. Ауес Бетуганов, известный поэт-песенник, вице-президент Артийского комитета вспомнил времена, когда он был телеведущим, и взял в свои руки ведение встречи.

Проведение вечера-встречи студентов МГИМО, университета им. Баумана, вузов десятка городов России с выпускниками обеих школ родного села взяли на себя приглашенные гости: глава администрации Чегемского района М. Мамбетов, доктор филологических наук А. Ципинов, доктор медицинских наук А. Эльгаров и призер Олимпиады Х. Таов.

Министерства, общественные организации нашей республики часто доверяют Шалушке, главе её администрации практическое осуществление больших проектов. Так, в 2011 году Кабардино-Балкария участвовала в конкурсе Всероссийского фонда «В поддержку детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации», стала победителем этого конкурса и получила государственный грант – 2 миллиона рублей. Министерство труда и соцразвития КБР, реабилитационный центр «Намыс» подготовили проект «Возрождение», а директор центра Адальби Карданов решил реализовать проект в родном селе.

15 июля этого года 30 воспитанников центра «Намыс» приехали в Шалушку. Сельский Дом культуры был переполнен: старшеклассники, взрослые, гости из соседних сёл, Нальчика. Мальчишек и девчонок ждали и волонтеры – лучшие люди села, готовые принять их, дать почувствовать душевное тепло, уют и благополучие настоящей семьи. Первыми волонтерами стали Хачим Кунижев, Адальби Карданов, Заур Кучменов.

Группы молодежи Шалушки регулярно проводят «Визиты дружбы» в сёла своей республики и к соседям. Все поездки наполняются большим смыслом. В село Кашхатау поехали с девизом: «Мы горской песни два крыла». Шалушкинцы читали там стихи Кайсына Кулиева на балкарском языке, хозяева читали стихи Алима Кешокова на кабардинском. Визит в

Янкой назвали «Река дружбы» (оба села расположены по берегам одной реки). В станице Екатериноградской, городе Майском и на Ставрополье девиз отразил более чем двухвековую дружбу русских и кабардинцев. В строящиеся столицы Чечни и Ингушетии шалушкинцы привезли и высадили в закладываемых «Аллее Дружбы» и «Аллее Славы» сотни саженцев ясеня, каштана и даже японской софоры. В Северной Осетии большую группу шалушкинцев и Хачима встретили как полномочных представителей КБР. Им показали достопримечательности Владикавказа, дали возможность посетить «Город ангелов» в Беслане.

Хачим в составе российской делегации ездил на Кубу, в Македонию, в Афины. У него много наград – российских и зарубежных. Самой большой оценкой своей работы, всего коллектива администрации он считает то, что в апреле 2010 года селение Шалушка стало победителем в республиканском конкурсе среди населенных пунктов Кабардино-Балкарской республики. Премия в 50 тысяч рублей была распределена среди малоимущих села.

Хачиму Кунижеву присуждено первое место во всероссийском конкурсе «Лучший глава муниципального образования» среди сельских поселений РФ, его имя занесено в «Золотую Книгу России».

В 2012 году главе Шалушки исполнилось 60 лет. Казалось бы, все достигнуто, можно «угомониться», но нет! В плане работы администрации на ближайшие годы намечено строительство физкультурно-оздоровительного комплекса, банно-прачечного комбината, школы в микрорайоне «Мир», реконструкция кирпично-черепичного завода, обновление и расширение Мемориала воинам-шалушкинцам, погибшим в Великой Отечественной войне, бурение скважины для лучшего снабжения водой нижней части села, асфальтирование улицы Кереева, газификация новой части улицы Северной.

Хачим в поиске новых действенных средств воспитания молодого поколения.

– Я твердо уверен, что основа духовной, нравственной, эстетической сути человека должна закладываться в семье, в родном селе, базироваться на конкретных делах сделавших свою жизнь людей. На школу, на литературу, на кино и телевидение надеяться, как это было в нашем детстве, нельзя. Из образования все больше убирают живого учителя, литературу сократили до совершенно непозволительного уровня, кино – одни боевики и детективы. Телевидение, по-моему, вредно.

...В заключение я хочу попросить читателя, чтобы меня не упрекали за некоторую восторженность в изображении родного села и тех, кто многие годы делает его историю. Я живу в Шалушке 76 лет из своих 83-х, а Хачим Кунижев и многие здесь названные – мои ученики. У меня на уроках рождались они с замечательными героями литературы. Они взяли в свою жизнь лучшее, что было на уроках Самират Тамашевны, Хутовой, Дзудзы Темруковны Герговой, Серафимы Кетмурзовны Кучменовой, Ольги Фёдоровны Коммодовой, Зои Блитовны Шаковой, Магомета Аскербиевача и Раисы Васильевны Бабаевых, Мухамеда Жанхотовича Кереева, Назира Муратовича Каширгова. У нас на уроках они учились чувствовать, думать, жить!

ПОЛВЕКА ПО ОДНОЙ ТРОПИНКЕ

Да, в то далекое время действительно простая дорожка, тропинка, протоптанная на зеленом лугу, вела от дома молодоженов Биляла и Гуаши Бекуловых из селения Нартан к небольшой индюшиной колхозной ферме. И, пожалуй, во всем селе нет других людей, которые так долго ходили по этому пути. Летом он обрастал густой травой, каждое утро его щедро покрывала обильная роса. Молодоженам приходилось ходить в резиновой обуви, чтобы не замочить ноги...

И Билял, и Гуаша еще совсем юными начали работать на ферме, здесь же подружились, полюбили друг друга и поженились летом 1962 года. Забегая вперед, скажем, что тропинка эта со временем превратилась в широкую прямую асфальтированную дорогу, связывающую Нартан с городом Нальчиком.

Все начиналось с двух небольших примитивных птичников, где не было никаких механизмов, поэтому все работы – и раздача кормов индюкам, и очистка помещения от навоза, и подача птице воды – выполнялись вручную с помощью ведер, лопат, граблей, метел.

На глазах у супругов Бекуловых все на птичнике менялось неуклонно, постепенно, пока он не стал крупной государственной птицефабрикой с полной механизацией всех процессов труда. Почти всю жизнь посвятили

супруги этой отрасли. Правда, слово «почти» касается только Биляла, который на три года оставил фабрику и устроился рабочим на знаменитый в то время комбинат «Искож».

– Не выдержал я хваленую рабочую жизнь, бешеный ритм, тесные рамки семичасового рабочего дня. Меня обратно потянуло на прежнюю привычную работу птицевода. И до ухода на пенсию больше не изменял ей, – говорит Билял.

А Гуаша за всю свою жизнь ни разу не бросила своих индюков, а позже и кур-бройлеров, достигавших при хорошем кормлении веса ненамного ниже прежних индюков. Многие рабочие, специалисты, руководители хозяйства приходили и уходили, только Билял и Гуаша оставались на своих местах.

Производство менялось, за короткое время выросли большие капитальные производственные корпуса, где все процессы ухода за десятками тысяч кур были полностью механизированы.

– Например, со строительством крупного кормоцеха, – вспоминает Гуаша, – мы, птицеводы, позабыли, когда мешанку корма для птиц готовили вручную в металлических чанах и разносили по птичнику в ведрах.

Все эти перемены в работе фабрики происходили не только на глазах у супругов Бекуловых, но и при их личном трудовом участии. Они возводили вместе со строителями все возникшие на просторной территории объекты: механизированные птичники, огромные автоматизированные кормохранилища, кормосмесители, гаражи для автомашин и тракторов. Есть немалый трудовой вклад супругов Бекуловых и в то, что вместо одноэтажной примитивной конторки здесь вырос большой трехэтажный дом с просторными рабочими кабинетами, актовым залом, специальными помещениями для зооветеринарной службы.

Можно и дальше перечислять заслуги простых рабочих Биляла и Гуаши, их друзей по труду в развитии и становлении такого крупного сельскохозяйственного объекта в районе и республике, как птицефабрика «Нартановская», что находится в верхней оконечности села на границе с Нальчиком.

Одними из первых пришли они на ферму более полувека тому назад, миновали все этапы развития производства и ушли на заслуженный отдых в тот период, когда фабрика перестала быть государственной, превратившись в ряд акционерных обществ. Но на этом факте птицеводческая династия Бекуловых в Нартане не прервалась. Место своих знаменитых родителей заняли в качестве арендаторов сыновья Биляла и Гуаши – Замир, Тимур и Эдик, которые успешно занимаются выращиванием и реализацией куриного мяса.

Удивляет трудолюбие, работоспособность, верность своему долгу супругов Бекуловых, особенно Гуаши, этой невысокой, хрупкой на первый взгляд, разменявшей восьмой десяток труженицы, которая, несмотря на многолетний непрерывный физический труд, сумела вырастить, воспитать прекрасными людьми трех бравых парней, дала им хорошие специальности, помогла создать отличные семьи.

При этом в течение всех лет работы Гуаша Бекулова пользовалась

и у руководства фабрики, и в коллективе заслуженной славой одного из лучших птицеводов. Еще в молодости ей присвоили звание ударника коммунистического труда, и она ежегодно вновь и вновь подтверждала это звание. Подобную историю прожила и ее фотография на Доске почета фабрики, которую по высоким трудовым результатам Гуаши обновляли в конце каждого года.

В середине октября прошлого года в биографии Биляла и Гуаши произошло знаменательное событие – 50 лет совместной жизни. Все эти годы они остаются верны установившейся с первых дней знакомства дружбе и любви. Крепкая привязанность друг к другу помогла им успешно преодолеть все трудности эпохи, заслужить славу прекрасных тружеников, добропорядочных, мудрых, человеколюбивых людей, верных гуманистическим принципам мусульманской религии, заветы которой выполняют беспрекословно.

Золотая свадьба Биляла и Гуаши собрала в просторном, уютном дворе «молодоженов» десятки людей: трех сыновей с супругами, их детей, близких родственников и просто уважающих их знакомых, соседей.

Свадьба прошла весело, интересно, с соблюдением всех старинных кабардинских обычаев – таких, как «унаишэ» невесты, во время которого ее осыпали деньгами, пшеном, орехами, «щазуишыж», «нэчыхытх», который осуществил мулла по всем правилам. Все это сопровождалось задушевной живой музыкой, лившейся из национальной гармонике. А о щедрости столов, разнообразии блюд, которыми были уставлены столы, можно рассказывать без конца и с восхищением!

Андрей ХАКУАШЕВ
д.ф.н., профессор КБГУ

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ К. СИЖАЖЕВА, ПЕРЕВЕДЕННЫЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

(к 150-летию со дня рождения народного джегуако)

После окончания университета, уже работая над диссертацией, посвященной творчеству классика кабардинской литературы А. Шогенцукова, я впервые обнаружил сборник стихов известных народных джегуако Сижажева К., Кажарова И. и Хавпачева А. (в него были включены некоторые произведения самого составителя) под общим названием «Песни и стихи» на кабардинском языке. А Шогенцуков издал их перед самой Отечественной войной. Если не считать разрозненные публикации отдельных стихов в периодической печати, то это было первым появлением в печати наиболее популярных произведений этих авторов. После знакомства с этой книжкой наиболее сильное впечатление на меня произвело маленькое стихотворение К. Сижажева «Гъатхэ мыхъумыщIэр» (Ненастная весна), в котором просто, емко и образно повествуется о горькой доле простого горца в дореволюционной Кабарде. Вот как оно звучит в оригинале и подстрочном переводе:

*Гъатхэ мыхъумыщIэр,
Сымаджэ щIыкIейр,
Пэгун Iэлъэныкъуэр,
Гъатхэ мэкъуниэр,
Шыниэ къэрэгъулыр,
Лым и мэщIэгъуэр,
ДжэдыкIэ закъуэр,
Хъэтыкъ ныкъуитIыр,
Мы удз къэмыкIыр,
Фыз кIишрейр, –
А къомым сыкъелрэ
Апрельым симыхъу
Майм сытехъэжтэмэ
Къурмэн щIыжынт.*

*Ненастная весна,
Ноющий больной,
Однорукое ведро,
Весна без сена,
Сторож без коня,
Нехватка мяса,
Одинокое яйцо,
Две половинки хатыка,
Нерастущая трава,
Крикливая жена, –
Если, все это преодолев
И миновав апрель,
Я дотяну до мая,
То совершу курман.*

С тех пор я постепенно стал собирать публиковавшиеся в печати материалы, относящиеся к творческой деятельности талантливого джегуако. Со временем накопилось множество интересных материалов, но, зная, что исследованием его творчества занимается глубокий знаток адыгского фольклора незабвенный Заур Налоев, все не решался написать о нем что-нибудь. Однако совсем недавно, прочитав очерк, посвященный заюковскому кудеснику и опубликованный в фундаментальном исследовании талантливого адыгского фольклориста «Институт джегуако», я убедился, что вне его поле зрения и других исследователей остались многие интересные произведения К. Сижажева, переведенные на русский язык

еще в довоенные годы. О том, что З. Налоев, не ограничившись поисками стихов на родном языке, интересовался и переводными материалами, свидетельствует упоминание в его монографии стихотворного обращения джегуако к воинам Красной Армии, опубликованного в сборнике «В огне Отечественной войны». Кроме этого очерка на русском языке З. Налоев еще в 70-90 годах прошлого столетия посвятил талантливому певцу и музыканту (он не только пел, но и играл на бжами) несколько статей на кабардинском языке. В своих статьях много теплых слов сказали и впервые обнародовали много интересных и новых материалов его земляки Хупсергенов Х. (Адыгэ псалъэ, Джегуако из Заюково, 23-го марта 1991 года) и Кармоков М. (Адыгэ псалъэ, Три старика из Заюково, 27, 28, 29-го сентября 1995 года). Интересную статью о джегуако написал талантливый черкесский поэт Мухадин Бемурзов (Адыгэ псалъэ, Сижажев Кильчуко, 30-го декабря 1999 года). Но и в этих статьях ничего не сказано о произведениях джегуако, переведенных еще в предвоенные годы на русский язык.

Множество статей, написанных о нем, свидетельствует, что историки национальной литературы не обошли своим вниманием мудрого кабардинского певца. В свою очередь, партия и правительство в свое время высоко оценили его многогранную творческую деятельность, еще в 1939 году одним из первых в республике наградив орденом «Знак почета» (с Кажаровым Индрисом). Однако вызывает недоумение тот факт, что поэт, еще в те давние времена получивший столь высокую оценку и всеобщее признание, до сих пор не имеет изданной поэтической книжки. Некоторые его стихотворения и песни, публиковавшиеся до и после Отечественной войны, не спасают положение, ибо они почти недоступны рядовому национальному читателю.

По общему мнению адыгских литературоведов, в формировании младописьменных литератур народные джегуако сыграли значительную роль. При этом не так-то легко точно определить вклад каждого из них в зарождающуюся национальную культуру. Мимо такой актуальной проблемы не мог пройти и Заур Налоев, посвятивший много сил выявлению связи между традициями народного творчества и письменной литературы, определению роли представителей фольклора в ее становлении. Учитывая степень развития авторского сознания каждого из них, исследователь делит адыгских джегуако конца 19-го и начала 20-го столетий на четыре типа. Характеризуя основные признаки первой группы, З. Налоев в своей монографии пишет: «С этой точки зрения наиболее древним типом поэта-песнетворца, активно творившим в периоды возникновения и становления адыгских литератур (адыгейской, кабардинской, черкесской) и национальной письменной культуры, следует признать архаического джегуако, совмещающего в своем амплуа поэта и скомороха, какими были Л. Агноко, К. Сижажев, С. Мижаев и др. Для этого типа народных поэтов характерно двоякое отношение к песенно-поэтическому творчеству: Серьезное отношение к заказным песням, главным образом, к гыбзам и «несерьезное отношение к смеховым песням и поэтическим импровизациям». Считая такое деление, мягко говоря, немного искусственным,

мы не будем касаться других групп, ограничившись тем, что творчество К. Сижажева относится, по выражению З. Налоева, к «древнему типу поэта-песнетворца», т.е. в нем наиболее полно воплощены типические черты древних джегуако.

При характеристике творчества народных джегуако возникает и другой не менее важный вопрос – это их отношение к тем изменениям, которые произошли в их стране после 17-го года, их восторженное восприятие нового общества. Как справедливо отмечает в своей монографии З. Налоев, «Адыгские джегуако и песнетворцы, как и народ, встретили октябрьскую революцию и установление советской власти как осуществление вековой мечты о земле и свободе». Но после этих справедливых слов автор исследования полагает и утверждает, что К. Сижажев «стал создавать новые песни, хохи и стихотворения по подсказке «вышестоящих». Более того, по его мнению, «все политические стихотворения и песни К. Сижажева не столько показывают действительность, сколько захлебываются от славословия вождю». Представить себе, как партийные функционеры осуществляли такое руководство, нелегко, но из-за сменившейся политической структуры не надо думать, что все они находились на службе у партийного руководства, сами не верили в социализм, в строительство новой жизни, и упрекать их в том, что в свое время они не распознали сущность вождей партии. В таком случае всех советских поэтов и писателей, начиная с М. Горького и В. Маяковского и кончая А. Шогенцуковым, А. Кешоковым и К. Кулиевым, воспевавших в своих произведениях вождей революции, надо считать активными пособниками руководителей партии и советского правительства.

Общими усилиями многих исследователей, хотя и не в полной мере, собраны основные произведения К. Сижажева на кабардинском языке. Однако произведения поэта, переведенные в предвоенные годы на русский язык, все еще остаются недоступными не только для рядовых читателей, но и специалистов. Это связано с тем, что вся периодическая печать и книги, изданные в тот период, не сохранились в республике, а их поисками в центральных книгохранилищах вплоть до наших дней никто и не занимался.

Особый интерес к творчеству народных сказителей первые исследователи национальной культуры стали проявлять в середине 30-х годов прошлого столетия. И, предположительно, это связано с тем, что тогда, с одной стороны, общими усилиями готовили к изданию фундаментальный труд «Кабардинский фольклор» и, с другой стороны, чуть позже впервые два народных джегуако (К. Сижажев и И. Кажаров) были награждены орденом «Знак почета», а четверым работникам культуры (К. Мечиеву, А. Хавпачеву, А. Шогенцукову и А. Шортанову) присвоено высокое звание «Заслуженного деятеля искусства КБАССР».

Как свидетельствуют архивные материалы, в эти годы с К. Сижажевым стали плодотворно сотрудничать Х. Теунов и М. Талпа. В преддверии 15-й годовщина автономии Кабардино-Балкарской области на страницах «Социалистической Кабардино-Балкарии» появились два стихотворения Сижажева в пересказе М. Талпы. Он не владел кабардинским языком,

поэтому, по всей вероятности, подстрочники для него готовил Х. Теунов. В стихотворении «Колхозный хох» поэт описывает те разительные изменения, которые произошли в родном ауле, ту зажиточную жизнь, которую принесла его жителям революция. Во втором стихотворении, которое озаглавлено словом «Хох», с подробными экскурсами в прошлое, рассказывается о тех замечательных достижениях родного края, с которыми он встречает 15-летие своей автономии. Хотя М. Талпа к стихотворению «Колхозный хох» делает приписку о том, что перевод сделан «с сохранением ритмов подлинника», на самом деле это не поэтический перевод, а дословный пересказ содержания этих двух стихов. Но и в таком виде они для нас бесценны, ибо они сохранили для нас содержание двух произведений славного джегуако.

Особый интерес у читателей вызовет, очевидно, стихотворение «Пушкину», обнаруженное нами недавно в архиве Х. Теунова. Оно написано рукой кабардинского писателя, а в конце рукописи сделана такая приписка: «Записал в с. Заюково 18. 12. 36 г. Х. Теунов. Подстрочник сделал М. Талпа». Но примечательно то, что, как отмечается в начале стихотворения, его сложили три автора: «М. Казиев, К. Сижажев, А. Шогенов – кабардинские народные певцы, колхозники агрогорода им. Кирова, КБАССР». В то же время стихотворение с таким же названием Али Шогенцуков опубликовал под авторством К. Сижажева в сборнике «Стихи и песни», изданном поэтом в 1940 году. Хотя в этих двух произведениях встречаются одинаковые строки и даже строфы, они не идентичны, самостоятельны, но восстановить сейчас историю их создания не представляется возможным. Следует отметить и такой примечательный факт. В сноске данного стихотворения Х. Теунов делает такую приписку: «Певцы слышали в переводе на кабардинский язык «Памятник», т. е. они знакомили народных песнетворцов с произведениями великого русского поэта».

Для тех, кто изучает русско-кабардинские литературные связи и взаимодействия интересно будет стихотворение, состоящее из двух частей, под общим названием «Кабардинская здравица». Первая из них имеет подзаголовок «Сталин», а вторая называется «Ворошилов». Оно опубликовано на страницах газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария» 26 октября 1936 года в переводе известного советского поэта Демьяна Бедного и без указания автора. Как отмечается в конце стихотворения, оно «Извлечено из материалов для тома «Народное творчество», присланных в редакцию «Двух пятилеток». Установить авторство первого стихотворения нетрудно, оно, безусловно, принадлежит К. Сижажеву, у него есть несколько хохов о Сталине. Хотя мы на кабардинском языке не нашли стихотворение, посвященное Ворошилову, М. Талпа в одной из своих статей пишет, что «широкую известность приобрел хох Сталину, Ворошилову, Буденному с замечательным припевом». Песня о Буденном не сохранилась ни на родном, ни на русском языках, а вот хох о Ворошилове, переведенный Д. Бедным, и является, предположительно, тем произведением, о котором речь идет в статье М. Талпы, хотя оно не сохранилось в оригинале. Первое стихотворение в русском переводе звучит не так, как в оригинале,

но удивительно то, что русский поэт сохранил размер кабардинского хоха. Такое же звучание он придал и своему четверостишию, которое он предпослал к этому стихотворению. Оно звучит так:

*Песнетворцам чудесным,
Слагателям здравицы этой,
С кабардинского мной перепетой, –
Хох!*

*Пламенный привет кабардинцев
Товарищам – Сталину, Ворошилову.*

В том же 1936 году на страницах «Социалистической Кабардино-Балкарии» была опубликована в поэтическом переводе знаменитая в предвоенные годы песня «Сталину уэ ди дыщэ дыгъэ» (Сталин – солнце золотое наше). Газета не указала имя переводчика, но интересно отметить, что в подготовляемую в те же годы книгу «Орденосная Кабардино-Балкария на Всесоюзной с/х выставке» были включены следующие стихотворения К. Сижажева: «Мы победили», «Песня о Сталине», «Пусть будет жизнь твоя долговечной» и «Песня о Сталине». Три из них приводятся без указания переводчика, а первую «Песню о Сталине», оказывается, на русский язык перевели А. Кешоков и Н. Столяров. Этот факт свидетельствует о том, что в начале своей поэтической деятельности кабардинский поэт занимался и переводами национальных поэтов на русский язык. В свое время песня о Сталине пользовалась широкой популярностью не только в Кабарде, с ней познакомилась и многомиллионная масса советских читателей. По свидетельству того же М. Талпы, «Сижажеву принадлежит песня о Сталине – «Сталин – солнце золотое наше», перевод которого был опубликован в «Правде». Исследователь не указывает год и дату номера этой газеты, поэтому сейчас невозможно сравнить текст предлагаемого нами перевода с напечатанным «Правдой», но сам факт примечателен.

Любимый народом джегуако не только глубоко знал родной фольклор, сочинял хохи, но и создавал музыку к своим песням, он проникновенно исполнял как народные, так и свои песни, был неутомимым пропагандистом национального искусства. Несмотря на преклонный возраст, в своем Заюково он организовал ансамбль из таких же сподвижников, как сам, и втроем выступали не только по радио, но в городах и селениях республики. Вот как участников этого ансамбля оценил в те дни М. Талпа, который неоднократно встречался с ними и каждого из них знал хорошо: «Значительную роль в развитии советского фольклора играют певцы селения Заюково, знатные агрогорожане Мамыша Казиев, Кильчуко Сижажев и Асхад Шогенов. Этот творческий коллектив представляет собой очень своеобразное и замечательное явление – образец подлинно коллективного творчества. Свои песни они исполняют также вместе: Шогенов аккомпанирует на скрипке (пхашина), Казиев кастаньетами (пхацик), а Сижажев играет на флейте (бжами).

Ведущую роль в этом коллективе играет 73-летний Сижажев. Несмотря на большой возраст и на тяжелую в прошлом жизнь, Сижажев молод духом, очень инициативен и отзывчив на вопросы советской жизни. Наиболее характерным видом творчества этого трио являются популяр-

ные в Кабарде «хохи». Эти приветствия, добропожелания – «хохи» заюковского трио поразительно ярки, насыщены живописными образами, подлинно эпичны».

Еще в начале 30-х годов прошлого столетия ансамбль К. Сижажева выступил в Ростове-на-Дону на смотре традиционного искусства народов Северного Кавказ и Дона, и зрители их восторженно встречали, а на страницах газет было опубликовано множество хвалебных статей в их адрес. Как отмечается в черновых материалах книги «Цветущая Кабардино-Балкария», хранящихся в государственном архиве, с 8 по 10 1939 года в Нальчике проходила олимпиада народных сказителей. В ее проведении активное участие приняли не только народные джегуако, но и вся творческая интеллигенция республики. В одной из бумаг архива сказано: «Известный в Кабардино-Балкарии орденосолец – поэт Кильчуко Сижажев выступал с показом музыкальных номеров, танцевал и прочитал хох в честь вождя всех народов».

Живое участие принимал К. Сижажев и в общественной жизни республики. В связи со 100-летием гибели великого русского поэта М. Лермонтова специальным решением Совнаркома КБАССР был создан республиканский Лермонтовский комитет, куда от Союза писателей включены были А. Шогенцуков и К. Сижажев.

С первых же дней Отечественной войны заюковский ансамбль активизировал свою пропагандистскую работу: чаще стали выступать по радио, встречаться с колхозниками, воспевать своих земляков, отличивших в борьбе с фашистами. В эти дни К. Сижажев создал два произведения, которые остались только в переводе на русский язык. В переводе поэта Н. Корнеева они были опубликованы на страницах газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария» 5-го октября 1941 года. В первом стихотворении 80-летний поэт призывает воинов Красной армии, не жалея ни сил и ни жизни, мужественно защищать честь, свободу и независимость своей отчизны. Мудрый певец верит в силу и мощь страны Советов, не сомневается в ее победе:

Сыны! В боях за честь родной страны

Заветам будьте ленинским верны.

За вами наша родина, народ,

К победе мудрый Сталин вас ведет!

На страницах «Социалистической Кабардино-Балкарии» русский писатель и журналист М. Киреев 16-го ноября 1941 года опубликовал статью «Горные орлы», в которой он писал о ратном подвиге нашего земляка Таубекова. Как отмечалось в ней, «В одном из упорных боев на Юго-Западном фронте лейтенант Таубеков прямой наводкой из гаубицы расстрелял вражескую колонну и вывел из строя более 50 автомашин неприятеля.

С гордостью и радостью встретили эту весть родные и земляки славного артиллериста – колхозники сел. Аушигер, все трудящиеся республики. Народный певец, 80-летний Кильчуко Сижажев приветствовал героя коммуниста сердечной песней». Старый джегуако желает мужественному

воину успехов в борьбе с захватчиками и скорейшего возвращения домой с победой:

*За то, чтоб через все бои
Прошел ты невредим!
Ты, кем на родине горды –
Носитель чести Кабарды.*

Из неопубликованных материалов джегуако приятным сюрпризом для современных читателей, как мы надеемся, будет уникальное как по содержанию, так и по форме сказание «О чем поет моя бжами», напечатанное на страницах «Социалистической Кабардино-Балкарии» 30-го октября 1936 года. Это поэтический сказ о том, как на земле впервые появилась музыка, о ее силе и роли в жизни человека, это гимн новой колхозной жизни, радость человека, наконец-то обретшего желанную свободу и семейное благополучие. Эту интересную легенду записал и опубликовал Н. Якименко, неизвестный нам журналист.

Неизвестные произведения К. Сижажева, публикуемые нами, открывают новые грани его обширной творческой деятельности. Они подтверждают, что кудесник из Заюково печатал свои стихотворения в периодической печати не только на родном языке, но их активно переводили и на русский. С ними знакомились, наряду с соплеменниками, и обширная русскоязычная читательская аудитория большой страны. Несмотря на свой преклонный возраст, он до самой смерти беззаветно служил своему народу, свято верил в чудодейственную силу слова и искусства, в новых условиях продолжил славные традиции своих великих предшественников – народных джегуако. Мудрый певец сделал для нас все, что мог, и мы, его потомки, должны сделать все возможное, чтобы его славное имя сохранилось в памяти родного народа. К празднованию его 150-летия со дня рождения необходимо подготовить и издать отдельной книгой все произведения талантливого певца и одну из улиц Нальчика назвать его именем.

Использованная литература

1. Стихотворение цитирую по кн.: Песни и стихи. Нальчик, 1940. С. 24-25.
2. З. М. Налоев. Институт джегуако. Нальчик, 2011. С.377.
3. Там же. С. 393.
4. Там же, С. 360.
5. Там же. С. 370.
6. М. Талпа. Народные певцы. Социалистическая Кабардино-Балкария, 7-го ноября 1936 года.
7. Там же.
8. Кабардино-Балкарский государственный архив, ф.276, оп. 1, ед. хр. 279. С. 38.
9. Социалистическая Кабардино-Балкария, 14-го мая 1941 года

Пушкину

Ты украшал собою старый мир,
А черные змеи шипели царю ненавистному
О хорошем делами певце,
И черные змеи из-под камня ужалили,
И, черной душою, царь зарядил пистолет.
Люди, пришедшие в мир после тебя,
В бездонную пропасть сбросили вчерашний день.
И слово твое понеслося на всех языках
Нашей великой советской земли.
Сто лет прошло, как Пушкина нет,
На тысячи лет остались твои золотые слова.
Вдоль Терка-реки ехал наш гость.
У подножья Татартупа сделал привал.
Курганы могильные видел на нашей земле,
Подарок царя – чума – наших отцов поедала,
Над прахом наших отцов ты горько вздохнул.
Твое золотое перо хорошие писало слова,
Их блеск не угаснет.
Ленин нас вывел из тьмы,
Сталин – солнце золотое – строит новый наш дом.
И писанье твое стало всем известно
И до наших глаз дошел свет твоей звезды.
В новых газетах на нашем языке читая Пушкина,
Дети приходят из школы домой – говорят о Пушкине.
Раньше слагали мы гыбзы, теперь – песни радости,
Просторно на душе, как в аэроплане,
Когда мы летали в синем небе.
Солнце всего мира Сталин счастье принес,
Радость и молодость – наша жизнь,
И ты – наш ровесник и гость,
В лад с тобою песни поем,
К тебе не зарастет травой наша тропа.

*Записал в с. Заюково 18.12.36 г. Х. Теунов
Подстрочник сделал М. Талпа*

Примечания переводчика

1. *Терк* – Терек.
2. *Татартуп* – Возвышенность на берегу Терека. Упомянуто Пушкиным в «Путешествие в Арзрум» под названием Татартуб.
3. *Гыбзы* – плачевные песни.
4. *В аэроплане* – певцы в день 15-летнего юбилея области поднимались на аэроплане.
5. *Наша тропа* – певцы слышали в переводе на кабардинский язык «Памятник».

Алим ФИАПШЕВ,

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки КБР,
декан финансового факультета,
заведующий кафедрой «Финансы и кредит» КБГАУ

ТАЛАНТЛИВЫЙ УЧЕНЫЙ И ПЕДАГОГ

К 90-летию со дня рождения Башира Кумахова

Кумахов Башир Абубекирович (1923 – 2006) – профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный деятель науки КБР, академик Российской академии естественных наук, академик Петровской академии наук и искусств, академик Адыгской международной академии наук. Трудовая и научная деятельность Б.А. Кумахова получила высокую оценку. Награжден медалью «За доблестный труд».

Родился в селе Лескен Второй, Урванского района Кабардино-Балкарской республики. Участник Великой Отечественной войны с 1942 года. Окончил Краснодарскую межкраевую партийную школу, Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Работал в партийных и советских органах, в средствах массовой информации на журналистской работе.

Тема докторской диссертации – «Экономические проблемы производства кукурузы в предгорьях Северного Кавказа». С 1967 года до ухода из жизни Башир Абубекирович работал в вузах: сначала в Кабардино-Балкарском государственном университете, затем в Кабардино-Балкарской государственной сельскохозяйственной академии (ныне аграрный университет).

В течение двенадцати лет являлся председателем Совета ветеранов войны и труда, был членом методического Совета академии, председателем методической комиссии финансово-экономического факультета, членом специализированного Совета по защите кандидатских диссертаций по экономическим наукам.

Б. А. Кумахов – автор шести монографий, двух учебных пособий для студентов вузов по агроэкономическим специальностям.

***

Кумахов Башир Абубекирович принадлежит к той плеяде ученых и педагогов, которая составляет цвет и гордость нашей республики. Быть может, на эту мою оценку накладывает отпечаток то, что я был близок к нему, он был моим дядей – старшим братом моей матери. Но это суждение, главным образом, сформировано моей

многолетней совместной работой с ним. Я был непосредственным свидетелем многочисленных проявлений его педагогического таланта, организаторских и исследовательских качеств, отличающих большого ученого.

Начало моих воспоминаний о Башире Абубекировиче датируется еще моими детскими годами. Наши семьи были и остаются необыкновенно близки. Помню наши с сестрой и родителями визиты к ним, по праздникам и не только. В то время Кумаховы жили в доме на первом этаже на проспекте Ленина, от которой веяло необычайным уютом и душевной теплотой. Каждое посещение становилось для меня событием. Их было много, но более четко помню одно, в моем дошкольном прошлом.

Зимой, по-моему, накануне нового года, мы всей семьей шли по центральной улице Нальчика. Четко отложились в моей памяти высвечиваемые уличными фонарями хлопья летящего как в сказке снега, мамино пальто, энергичная походка папы и наш с сестрой непослушно-детский, опережающий родителей, бег навстречу порывам ветра. И сейчас, по прошествии многих лет, помню волшебново-новогоднее, радостное чувство, охватившее меня в тот миг: вот, совсем скоро, я войду в дом, встречу дядю и тетю, двоюродных брата и сестру, погружусь в атмосферу семейного праздника.

Запомнилось еще одно событие, произошедшее немного позже, когда мы в течение нескольких дней в той же квартире ждали возвращения из армии Олега – сына Башира Абубекировича. Почему-то мне памятна продолжительность этого момента. Ожидание казалось мне необычайно долгим. Видимо, из-за моей особой мальчишеской заинтересованности – я очень надеялся, что мне достанется часть армейской амуниции двоюродного брата.

Шли годы, и вот я, солдат срочной службы, приехав в отпуск, навещаю своих близких. Башир Абубекирович с заботой, свойственной добросердечным старшим, интересуется моими армейскими проблемами и успехами, дает наставления, ведь с армейской реальностью в гораздо более ожесточенных формах он был знаком, будучи участником Великой Отечественной войны.

Влияние дяди на выбор мой будущей профессии было ощутимо. Окончив Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, защитив кандидатскую диссертацию, я стал общаться с ним как коллега, и в профессиональной деятельности ощущал его постоянную квалифицированную поддержку во всех своих делах и начинаниях.

В то время передо мной, молодым специалистом, Башир Абубекирович предстал как мудрый наставник, эталон педагога высшей школы, организатора научно-исследовательской и учебно-методической работы кафедры «Организация агропромышленного производства и предпринимательства Кабардино-Балкарской государственной сельскохозяйственной академии (ныне аграрный университет).

Он отслеживал все этапы моей деятельности и стимулировал к

профессиональному росту. Когда мне присвоили ученое звание доцента, я пришел к нему поделиться радостью. Башир Абубекирович тогда лежал в республиканской больнице, чувствовал себя не лучшим образом и ждал вызова в Москву на операцию, но искренне порадовался за меня и посоветовал на этом не останавливаться. Его слова стали мощным стимулом для меня в решении задач по подготовке и последующей защите докторской диссертации.

Позднее, работая деканом финансово-экономического факультета сельхозакадемии, я продолжал советоваться с ним по многим вопросам, возникавшим в ходе учебного процесса и научно-исследовательской деятельности. Его наставления становились основой последующих решений, направленных на совершенствование учебно-методической работы, повышение эффективности научных изысканий.

Продолжительное время мы совместно с Баширом Абубекировичем работали в диссертационном совете вуза. И в этой непростой работе по подготовке научно-педагогических кадров его отличала основательность суждений. Он всегда выступал по существу выносимых на защиту диссертаций, его замечания были конкретны и обоснованы. Но при этом ощущалась отеческая забота о соискателях, доброжелательность, стремление стимулировать их к дальнейшему научному поиску. Во всем этом ощущалась основательная школа, которую прошел Башир Абубекирович. Школа, выковавшая высокие нравственные установки, большой профессионализм, талант педагога и ученого.

Башир Абубекирович Кумахов был и останется виднейшим представителем аграрной экономической науки. Его труды широко известны научной общественности. За плодотворную научно-педагогическую деятельность он был удостоен почетных званий заслуженного деятеля науки Российской Федерации и Кабардино-Балкарской Республики.

И сегодня, участвуя в научных форумах различного уровня, знакомясь с исследованиями в области развития аграрной сферы, я часто встречаю ссылки на те научные результаты, которые были получены Баширом Абубекировичем. Его именем названа почетная стипендия, которой удостоиваются наиболее достойные студенты Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета. И в этот 2013 год, когда исполняется 90 лет со дня его рождения, будет проведена научная конференция, посвященная этому знаменательному событию. Это событие станет нашей данью памяти этого замечательного человека, талантливого ученого и педагога.

У истоков национальной драматургии: либретто «Джабаги Казанок» Т. Шеретлокова

Краткое содержание живой картины из жизни
ДЖАБАГА КАЗАНОКОВА
по постановке учителя Т. А. Шеретлокова¹

Посетители «Сквера Свободы» в Нальчике видят два монумента, вплотную друг к другу прижатые и которые обнесены небольшой железной решеткой. Это – памятники Джабаги Казанок и его супруге умершей – первый в 1163 г. и вторая в 1183 г. магометанской эры. Памятники эти перенесены сюда лет 25 тому назад из местности «Казанок» – с ущелье Кенже где в начале XVIII века находился Кабардинский аул называвшийся «Казанок», но ныне уже не существующий. Возникает вопрос – кто же такой был Джабага Казанок. К сожалению, всей характеристики этой важной исторической личности здесь не дать, а передам, как краткий сюжет представляемой на вечере 13-VIII небольшой картинки. Казанок известен своими заботами о благосостоянии своего кабардинского народа, который в свою очередь любил и уважал его. Его советами руководствовался вождь народа – Асламбек Кайтукин. Причем Казанок, обладая в высокой степени благоразумием, добился утверждения обрядов и отцовских постановлений, благодаря чему кабардинцы приобрели уважение среди своих соседей. Равным образом он известен своею обширной деятельностью по искоренению в Кабарде воровства (им сформирован первый суд – «жем дуг – тлы-хех») и пагубной кровавой мести. В борьбе этой сам Казанок становится жертвой, получив серьезное ранение от одного неводержанного буян-сородича. И вот потерпевший будучи еще прикован к постели больным и, чувствуя что народ и вождь последнего Асламбек Кайтукин жестоко накажут обидчика, в предупреждение этого спешит помириться с своим кровником и вырабатывает сам такой адат (хабзе), дотеле не применявшийся в народе. Больной старик приглашает к себе своего любимца – советника Умара Эркенова и говорит ему так: «Прославию твое имя, окажись только благоразумным рыцарем: примири с моим кровником» («Лпыфлу узгэЛунуц, ухъуфым: си биим сегъэкЛужыф»).

В результате вырабатываются правила – тройкого рода применения кровников и первое из этих правил применяется к самому адатисту – Казанок. Оно состоит в следующем: обидчик дарит обиженной стороне хорошего коня, затем приглашает его к себе в дом с почетными стариками и друзьями и им устраивает пир. Причем церемония начинается так: обидчик с чашей бузы и хлеб-солью встречает своего

¹ Архивный документ публикуется в оригинальном виде с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

противника. Последний принимает чашу левой рукой и передав её в правую руку, не торопясь, с некоторой выдержкой, возвращает её обратно обидчику и после уже распивается эта медовая – грозная буза и тем учинен немой акт примирения сторон.

Обычай этот привился среди Кабардино-Горского народа и не приходится распространяться о том, насколько он важен и как его чтит рыцарское поколение Антского народа».

11 августа 1922 г.

Учитель Т. А. Шеретлоков».¹

***

На надгробном памятнике в Кабардинском сквере гор. Нальчика, куда он перенесен из окрестностей сел. Гунделен Баксанского района КБАССР (как отмечено во второй книге Л. И. Лаврова «Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках». Книга II. Надписи XVII–XX вв. М.: Наука, 1968:58, обозначен под номером № 508), имеется надпись, опубликованная ранее **Лавровым** (смотри «об арабских надписях, ст. 104, табл. 1. подпись IV»):

- [1] «**Обладатель этого**
- [2] **умерший, получивший прощение**
- [3] **ал – Хаджи Джабаги**
- [4] **б. Казанук.**
- [5] **Да помилует всевышний Аллах**
- [6] **их обоих! [Прочтите] общую за его душу**
- [7] **Фатиху! Дата:**
- [8] **1163 год**
- [9] **Работа Шихали».**

1163 год хиджры, что соответствует 11. XII.1749-29. XI.1750 году.

На другом надгробном памятнике под номером 523, также перенесенном в гор. Нальчик и поставленном рядом с памятником Джабаги Казанука, как отмечается в книге Лаврова, имеется следующая надпись:

- [1] «**Покойная...**]
- [2] **дочь...**
- [3] **...**
- [4] **возвратившийся**
- [5] **всевышний Аллах**
- [6] **им обоим...**
- [7] **...**

[8] **1183 год»** [Л. И. Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Книга II. Надписи XVII–XX вв. М.: Наука, 1968:63]. Более подробно см. сноску **Лаврова** об арабских надписях на стр. 109-110.

Как отмечает кандидат культурологии Л. Шауцукова «Толчком или даже своеобразным началом развития историко-исследовательской

¹ Р. В. Ц. Типография издательства «Красная Кабарда» гор. Нальчик [Выкопировка материалов из Архива УФСБ РФ по КБР от 24 декабря 1999 года. // Абазов Альбек. Либретто. «Джабаги Казануков» Т. Шеретлокова. Журнал «Гъуазэ» («Ориентир») 2003, №3. С. 13.].

мысли о Жабаги Казанок послужил перенос его надмогильного памятника из аула, где он был похоронен, в Нальчик, тогда еще слободу – окружной центр. Здесь он был установлен в сквере напротив здания суда и окружного управления (**время, причины и обстоятельства этого переноса до сих пор недостаточно ясны**)» [Шауцукова Л. Х. Система моральных воззрений адыгского мыслителя XVIII века Жабаги Казанок. Краснодар, 2010. (Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии)].

Фольклорист М. Е. Талпа в 1936 г. датирует этот факт концом XIX века и связывает его с подъемом революционного движения в Кабарде и Балкарии [Талпа М. Е. Кабардинский фольклор. М., Л.: АКАДЕМИА, 1936]. Иное и, по-видимому, более правильное (к тому же и раньше других) толкование дал Евгений Баранов, нальчикский корреспондент газеты «Терские ведомости», страстный собиратель фольклора кабардинцев и балкарцев. В номере газеты за 1 января 1895 года он писал: **«...в память величайшего соизволения, по которому в 1888 году леса и некоторые пастбища в Кабарде предоставлены в вечное пользование кабардинцев, единогласно решили перенести каменные памятники, поставленные в горах Жабаги и его второй жене в слободу Нальчик, на бульвар, чтобы два этих камня всегда напоминали кабардинцам мудрые советы Жабаги, которыми они должны руководствоваться в жизни»** [Баранов Евг. Неверные жены: (Кабардинское предание) // Газ. «Терские Ведомости». Владикавказ, 1895 год, 1 января. с.3-4.]. Существует кабардинская легенда **«Жабаги Казанок и его жена»** в записи и обработке Евгения Баранова, которая была опубликована в газете «Голос курортов» в Пятигорске 9 октября 1910 года в № 125 с. 2 под псевдонимом «Кабардинец».

При исследовании возможности переселения бывшего аула Хаджи Жабаги Казанок(ва), именовавшегося тогда как «Казанукой» не следует забывать и о том, что Хан-Гирей в «Записках о Черкесии» 1836 года упоминает аул дворянского рода под № 13 «Ккезанекко-р» как аул **Ккезанеккоай** на речке Пшишь, относящийся к владению Черченайскому. Возможно, что владельцы этого аула, равно и многих других, вместе со своими людьми переселились за р. Кубань вследствие проведения жесточайшей карательной экспедиции по «выселению аулов» в Кабарде 1821 года.

Таким образом, дата переноса памятников Жабаги Казанок и его жене, согласно сведениям Шеретлокова, фиксируется 1897 годом.

Глоссарий

1. **Адат** – неписаный закон, обычай у народов, исповедующих ислам.
2. **Жем дуг-глы хех** (жэм дыгъу лыы хэх) – замена кровной мести платой за кровь.
3. **Хабзе** – обычай, общепринятый порядок, традиционно установившиеся правила общественного поведения.
4. **Шеретлоков Т. А.** (1884-1937 гг.) – представитель кабардинской творческой интеллигенции, подвергся политической репрессии, реабилитирован лишь в 1960 году.

Салих ЭФЕНДИЕВ,
доктор философских наук, профессор

Вспоминая Жанаканта Залиханова

В ноябре 2012 года отмечалось 95-летие со дня рождения народного писателя Кабардино-Балкарии, заслуженного работника культуры РСФСР Жанаканта Жунусовича Залиханова, выдающегося поэта, писателя-романиста и известного общественного деятеля.

Жанакант Залиханов пришел в литературу в переломный момент всемирной истории – 30-е годы XX века, когда происходили коренные социально-экономические, общественно-политические и культурные преобразование в стране.

Воодушевленный обновлением и подъемом образования и культуры Кабардино-Балкарии, совсем молодым включился Жанакант Залиханов в этот процесс. В то время молодые талантливые люди, глубоко осознав историческую важность поставленных перед страной проблем, плодотворно и вдохновенно трудились над созданием письменной литературы на родном языке. Поколение 30-х годов стояло у истоков становления художественной литературы бесписьменного балкарского народа. Они были огненными факелами, осветившими путь в ночной мгле в глубоком ущелье. В этом заключается неопенимая заслуга первого поколения писателей и поэтов балкарского народа. Современники Ж. Залиханова обладали мощной энергией – среди них Саид Шахмурзаев, Берт Гуртуев, Керим Отаров, Кайсын Кулиев, Омар Этезов, Азрет Будаев, Салих Хочуев, Хабу Качиев, Максим Геттуев, Сафар Макитов. Это был невиданный взрыв пассионарного характера в духовной судьбе малочисленного балкарского народа. Благодаря творчеству этой группы балкарская литература была включена в орбиту художественной литературы СССР. Это был мощный социокультурный феномен.

С таких позиций следует рассматривать жизнь и творчество славного сына балкарского народа Жанаканта Залиханова. Он феномен и знаковая персона той исторической эпохи. Такие люди составляют гордость народа.

Залиханов был человеком с широким кругозором, диапазоном мышления, интеллигентным, добрым, простым, обаятельным, улыбчивым и гуманным. Таким он остался в народной памяти.

Поэт интересовался мудрыми народными изречениями, пословицами, поговорками. Он был хранителем и носителем этнокультурных традиций балкарского народа, накопленных веками. Его записные книжки – можно сказать, энциклопедия народной мудрости. Они играют большую роль в осмыслении этнической культуры балкарского народа.

С юных лет он обладал удивительной мягкостью и обаянием. Проявлял

глубокое уважение к коллегам. Об этом свидетельствуют многочисленные архивные материалы: выступления на юбилейных мероприятиях, воспоминания, статьи, посвященные памяти предшественников и друзей.

У Жанакаита Залиханова была огромная работоспособность, он очень много читал, обладал широкой эрудицией. С 1957 по 1996 год он написал много литературно-критических статей о творчестве балкарских и кабардинских поэтов и писателей. В личном архиве поэта их насчитывается более шестидесяти. В 50-60-е годы именно он одним из первых заложил основы балкарской литературной критики и литературоведения. Ж. Залиханов написал рецензии на однотомник рассказов, повестей и романа «Тамата» Хабу Кадиева, на пьесу Омара Этезова «Кровавый той», на повесть «Танг аласында» («На заре») Саида Шахмурзаева, на рассказы Османа Балаева «Акь кья артында» («За белой скалой»), «Тейри кьылыч» («Радуга»), а также анализировал рассказы и стихи молодых авторов – Хасана Шаваева, Ахмата Созаева, Башира Гуляева, Абидина Байчекуева, Иссы Боташева (например, драму «Татаркьан»). Писал отклики на роман Мухамеда Кармокова «А тополя все растут», на «Толковый словарь современного карачаево-балкарского языка», на «Очерки городов и сел Кабардино-Балкарской АССР».

В годы депортации Жанакаит Залиханов работал директором издательства ЦК Компартии Киргизии, пользовался большим авторитетом. Среди всех представителей депортированных народов Жанакаит Залиханов занимал самый высокий пост. В 1947 году его командировали на 28 дней в Москву, Ленинград и Казань по указанию первого секретаря ЦК Компартии Киргизии И. Разакова.

В годы депортации самая образованная часть балкарского народа жила в городе Фрунзе. Это Кайсын Кулиев, Керим Отаров, Ханафи Хутуев, Жанакаит Залиханов, Чомай Уянаев, Сафар Макитов, Мухажир Кульбаев, Магомед Цораев и др. Все они сыграли основополагающую роль в решении о возвращении народа на родную землю. Заслуги этой выдающейся плеяды трудно переоценить.

Здесь следует сказать, что в то время, в 1956 году, ни среди карачаевцев, ни среди чеченцев и ингушей не поднимался такой вопрос, лишь представители балкарской интеллигенции отважились написать письмо Н. Хрущеву. Все это сыграло важную роль не только в росте этнического сознания балкарского народа, но и в формировании национального самосознания.

Было решено послать в Москву с письмом троих – Жанакаита Залиханова, Магомеда Цораева и Канамата Уянаева. Перед отъездом делегации из Фрунзе в Москву провели собрание во главе с Жанакаитом. В нем участвовали люди из районов, в том числе студенты. В то время я учился на 3-м курсе Киргизского государственного университета, а Аниуар Боллуев учился в Сельскохозяйственном институте им. Скрябина.

Вскоре делегацию, которую возглавлял Жанакаит Жунусович, принял секретарь ЦК КПСС Л. Брежнев. Залиханов подробно рассказал о желании балкарского народа вернуться в отчий край, о том, что балкарцы не могут жить без гор.

Внимательно выслушав гостей, Леонид Ильич сказал: «Хорошо, что у вашего народа сохранилось чувство патриотизма и любви к родным местам.

Я знаю ваши красивые горы, глубокие ущелья с чудесными отвесными скалами. Несколько лет назад я отдыхал в Кисловодске. Председатель Совмина Кабардинской Республики Казмахов показал мне Приэльбрусье, Голубые озера, Чегемские водопады, высокогорные пастбища с разноцветными альпийскими лугами. Действительно, эти места величественны. Там можно развивать животноводство. А балкарцы, как вы говорите, потомственные скотоводы...».

Этот обстоятельный и душевный разговор Л. И. Брежнев завершил такими словами: «Сейчас Никита Сергеевич находится с визитом в Польше. Я эти вопросы сам не решаю, но подробно доложу о нашем разговоре, о желании балкарского народа вернуться на родину, и передам ваше письмо».

Здесь необходимо подчеркнуть, что в решении вопроса о возвращении балкарского народа есть немалая заслуга Леонида Ильича Брежнева, который со вниманием отнесся к просьбам делегации. Именно он доложил Хрущеву суть и содержание письма, за что его бесконечно благодарит балкарский народ.

На копии письма в Президиум ЦК КПСС, датированного 23 июня 1956 года, написано рукой Ж. Залиханова: «Вручено 23 июня 1956 года лично товарищу Брежневу Леониду Ильичу, с приложением подписей»...

Жанакаит Жунусович был разносторонне развитым и высокообразованным человеком среди балкарцев. Он поэт, прозаик, литературовед, известный общественно-политический деятель, который прошел большую жизненную школу. В 30-е годы Жанакаит Жунусович окончил педрабфак и затем учился в Москве на курсах подготовки редакторов, работал в республиканском книжном издательстве. В годы Великой Отечественной войны работал первым секретарем Черекского райкома партии. В годы депортации окончил отделение русского языка и литературы Киргизского педагогического института. Жанакаит Залиханов имел обширные связи со многими известными писателями и поэтами. Ему шли письма из разных мест – Ленинграда, Москвы, Алма-Аты, Фрунзе, Кургана, Махачкалы, Баку, Башкирии, Украины, Прибалтики, Якутии и т. д. Эти архивные материалы свидетельствуют о том, что Жанакаит Залиханов был человеком добрым, отзывчивым и гостеприимным.

Двери его дома всегда были открыты для гостей. В гостях у поэта бывали Чингиз Айтматов, Мустай Карим, Наби Хазри, Давид Кугультинов, Абдигамил Нурпеисов, Левон Мкртчян, Расул Гамзатов, Юрий Жданов – ректор РГУ, переводчики Семен Липкин, Лариса Лебедева, Яков Серпин, Владимир Пархоменко и многие другие.

Жанакаит Залиханов сочинил большое количество стихов, несколько романов – «Горные орлы», «Горящее сердце», «Звезда Эльбруса», – рассказы, пьесу и множество литературно-критических статей. Жанакаит Залиханов – основоположник балкарского романтизма, классик, который внес огромный вклад в национальную культуру. Его произведения вошли в золотой фонд балкарской литературы. Невозможно представить ее без имени Жанакаита Залиханова.

ИЗБАВЛЕНИЕ

К 70-летию освобождения республики от фашистской оккупации

К ноябрю 1942 г. впервые с начала войны советскому руководству удалось добиться общего превосходства сил над немецко-фашистскими войсками. Сталинградская битва, ставшая поворотной в ходе всей войны, повлекла за собой коренной перелом и в ходе боевых действий на Кавказе. 22 декабря 1942 г. войска Закавказского фронта перешли в наступление и через несколько дней подошли к восточной границе Кабардино-Балкарии.

Командующий 37-й армией генерал П. Козлов поставил задачу в ночь с 31 декабря на 1 января 1943 г. наступать в направлении Нальчика и освободить столицу республики. Кабардино-Балкария вновь стала ареной боевых действий. В первых числах января 1943 г. Красная Армия освободила населенные пункты Лескенского, Урванского и Черекского районов. 3 января части 2-й гвардейской дивизии вступили в бой на подступах к Докшукино, к исходу дня заняли Вольный Аул, Хасанью, Долинск и приблизились непосредственно к Нальчику. Город был окружен минными полями и хорошо укреплен. Воины полков Красной Армии под командованием майора Н. Охмана и подполковника Т. Поветкина разгромили группировку немцев и утром 4 января освободили Нальчик. «Захватив Нальчик, – сообщало лондонское радио, – русские овладели городом, который мог бы служить немцам прекрасной зимней квартирой... Немцы уже не приближаются к богатейшим нефтяным источникам Кавказа, а, наоборот, все больше отдаляются от них».

В боях за Нальчик немцы потеряли за сутки более 500 солдат и офицеров, 180 гитлеровцев были взяты в плен, в качестве трофеев советским войскам досталось много вооружения и стрелкового оружия.

В то же время войска 9-й армии освободили Урух, Старый Урух, Озрек, станицы Александровскую и Котляревскую. 5 января был освобожден поселок Майский и весь Майский район. В панике гитлеровцы бросили более десятка танков, 200 автомобилей.

Одновременно части 58-й армии перешли в наступление в районе Моздока и Курпских высот, освободив Малую Кабарду. 3 января советские войска форсировали Терек, вступили в Моздок. Продолжая наступление в направлении Георгиевска, Красная Армия освободила северо-восточную часть Кабардино-Балкарии.

После освобождения Нальчика 2-я гвардейская дивизия освободила Кенже, Шалушку, Яникой и Лечинкай. Началось преследование врага на баксанско-пятигорском и моздокско-прохладненском направлениях. Упорные бои происходили близ Прохладного. 5 января немцы были выбиты из города. В боях за Прохладный отличился экипаж танка лейтенанта С. Воронина, уничтоживший 9 огневых точек и колонну транспортных машин противника.

Гитлеровцы пытались оказать сопротивление у Баксана, но 6 января советские части обходным маневром с востока и запада заняли селение. В тот же день были освобождены Баксаненок, Старая Крепость, станица Солдатская, Карагач, Алтуд, Заюково, Кёнденен, Куркужин. Советские войска освободили и Приэльбрусье.

Особо сильное сопротивление противник оказал на Малкинском рубеже. Немецкие подразделения, засевшие на этом рубеже, получили строжайший приказ держаться, пока не вывезут из городов Кавминвод всех лечившихся и отдохавших там немецких солдат и офицеров. В течение трех дней шли упорные бои. Утром 8 января сопротивление было сломлено и враг оставил Малку. Здесь погибло 819 солдат и офицеров.

Последний организованный очаг сопротивления гитлеровцы пытались устроить в районе селений Куба-Таба, Куба и Марьинская. В результате ожесточенных боев войска 9-й армии вытеснили неприятеля и вышли на прямые рубежи для наступления на Пятигорск. Пали последние пункты немецкой обороны на территории республики. Уходя, фашисты намеревались угнать из Кабардино-Балкарии и прилегающих районов Ставропольского края до 20 тысяч мужчин и женщин в Германию, но не успели это сделать. 11 января 1943 г. части 37-й армии полностью очистили Кабардино-Балкарию от немецких оккупантов. В феврале альпинисты поднялись на вершину Эльбруса, сбросили оттуда фашистские штандарты и водрузили советские флаги.

В боях за освобождение Кабардино-Балкарии участвовали представители русского, грузинского, армянского, азербайджанского и других народов. Многие из них отдали свою жизнь за Кабардино-Балкарию. Среди освободителей было около 600 ее сынов и дочерей. В их числе К. Карданов, В. Михайленко и С. Ушанев – впоследствии Герои Советского Союза.

В октябре 1943 г. фашисты окончательно были изгнаны с Северного Кавказа. В честь этого события была учреждена медаль «За оборону Кавказа». Этой медалью награждены 864 000 человек.

После оккупации республика представляла собой печальное зрелище. Вывоз из нее продовольствия и сырья происходил в широком масштабе с чисто немецкой методичностью и фашистской беспощадностью. Были уничтожены и разграблены почти все промышленные предприятия, колхозы и совхозы республики, 16 МТС со всеми тракторами и комбайнами, 216 школ, городские больницы, кинотеатры, библиотеки. В сельском хозяйстве было уничтожено или вывезено немцами 248 тысяч овец и коз, 23 тысяч голов крупного рогатого скота, около 6 тысяч лошадей, почти все поголовье свиней и домашней птицы. Фашисты вывезли из республики 32 439 единиц сельхозмашин и другой техники. Колоссальный урон нанесла война Нальчику. Были уничтожены железнодорожный вокзал, Дом пионеров, драмтеатр, больницы, школы, все заводы, 117 лучших зданий города. При отступлении немцы взорвали все мосты и разрушили железнодорожные пути на большом расстоянии. Ущерб, нанесенный народному хозяйству республики, был оценен в 2,3 млрд. рублей.

Уже в год освобождения республики началось возрождение мирной

жизни. Правительством РСФСР в апреле 1943 г. было принято постановление «О мероприятиях по восстановлению народного хозяйства в городах и районах Кабардино-Балкарии, освобожденных от немецких оккупантов». Правительство хотело, чтобы освобожденные районы быстрее включились в производство, и ассигновало на строительно-восстановительные работы в Кабардино-Балкарии 11 млн. 350 тыс. рублей.

В первую очередь восстанавливались промышленные предприятия, которые призваны были выпускать продукцию для фронта и тыла. Одним из первых был отстроен Нальчикский мелькомбинат, снабжавший мукой Красную Армию и население. В рекордно короткий срок – за девять дней – была восстановлена железная дорога на участке Прохладная–Моздок. К 15 марта 1943 г. была налажена связь Нальчика с 13 районными центрами. Благодаря помощи правительства и напряженному труду людей за короткое время в Кабардино-Балкарии были восстановлены БаксанГЭС, Докшукинский спиртзавод, первая очередь Тырнаузского вольфрамо-молибденового комбината, мосты через р. Малка, Черек и Урвань, мебельная фабрика, Нальчикский и Терский райпромкомбинаты, два маслозавода. Возрождались и сельское хозяйство. Колхозы и совхозы успешно справились с весенним севом, собрали неплохой урожай зерновых культур, овощей и фруктов, оказали большую помощь Красной Армии продовольствием.

Параллельно восстанавливалась база соцкультбыта. В республике начали работу школы, больницы, поликлиники. В октябре 1943 г. возобновились занятия в пединституте и педучилище, начали работать Кабардино-Балкарский ансамбль песни и танца, драматические театры.

4 января 1944 г. была торжественно отпразднована первая годовщина освобождения Кабардино-Балкарии от оккупации. Это был год нового патриотического подъема населения, которое самоотверженно помогало фронту громить врага.

Людмила МАРЕМКУЛОВА,
искусствовед

**ТЬМА – ЭТО ПРОСТРАНСТВО,
КУДА НЕ ДОШЕЛ СВЕТ**

Образ мира Халимы Атаби

*Иероглиф цвета неба и зорь,
Тушечница с охрой опрокинулась.*

Художник, особенно когда речь идет о профессионале, не может не ставить перед собой мировоззренческих и эстетических задач на пути самореализации. Эту аксиому творческого процесса Халима Атаби исповедует ровно столько, сколько пребывает в искусстве.

Поиски искусства в себе и себя в искусстве – это не формальная дань времени, но насущная потребность. Что может делать художник и чего он не может не делать? Проблема философской концепции, сознательного осмысления формы и энергии, которой эта форма должна быть наполнена, – это задачи, которые решает Халима Атаби всегда, с какой бы фактурой ни осуществляла свой творческий замысел.

Реализуется закон высвобождения, казалось бы, навсегда замороженных сокровищ памяти, подсознания. И это наивысшая награда за все страдания и труды. Предчувствия отрываются и падают, как камни в глубину колодца. Архаичная мелодия предчувствия становится зримым образом. Разнообразное богатство всего, что создано цивилизацией изобразительного искусства, позволяет свободно составить из всех цветов, школ, направлений, опытов изображения свежий букет собственной цивилизации.

Халима как художник, который овладел многими стилями, ищет соответствия координат самовыражения и той своей энергетики, которую она воплощает, оставляя при этом право выбора за собой. Постепенно или внезапно она приводит пространство и время к одному целому, а живое многообразие мгновения проявляется через вековую преемственность. Мысль и чувства обретают новое измерение, где каждое прикосновение к фактуре, каждый вздох, каждое сокращение мышц являются символами творения, собственное движение которого повторяет внутреннюю энергию и замысел художника.

Мысль постигает значение того, что происходит, открывается новое понимание, в глубинах которого века и пространства разговаривают друг с другом. Когда диалог идет на одном языке, можно говорить о гармонии, о таком творении, которое состоялось «здесь и сейчас». Глубина познания и энергия воплощения внутреннего состояния, предощущений художника приходят к метагармоническому состоянию. На вдохе и выдохе.

По причине противоречия между человеком и его творением, такое

явление бывает совсем не часто. Но... Не может художник не быть в плену своей энергии и поисков координат ее воплощения. Ибо уготован к этому Всевышним. Можно постараться (именно постараться!) забыть о пути, по которому должно пройти, можно не анатомировать свое развитие, но уготованный лабиринт познания не удастся художнику Халиме не пройти. Ибо для нее, ее естества невозможен «упрощенный» лабиринт, когда работы делаются от мастерства, не затрагивая душу, не вибрируя в духовном пространстве. Органика не позволяет. Жесткая рисовальная школа Строгановки, куда она попала в 17 лет, сделала свою работу выстраивания отношения к линии, пространству, но не смогла сломать в художнике Халиме Атаби своего взгляда на мир, на цвет, на эмоцию, концепцию восприятия и реализации замысла.

Долгий путь не короток. Поиски в сфере цвета, пятна, живописной пластики сформировали в художнике ощущение того, что называется профессиональным чутьем. Она училась писать в разных стилях, делала скульптуры, графические листы, керамику, ювелирные работы... Это даже не столько поиски своего стиля, сколько укрощение той мощной энергии, Богом дарованной, которая ищет своего выхода.

Можно говорить о парадоксе, который характерен для творения Халимы: по принципу самонаполняющихся сообщающихся сосудов, чем больше энергии вкладывается в осуществление замысла, тем ее больше, и мастерство становится отточенным. Парадокс творческого процесса, когда Божественный замысел и есть удел Личности.

Халима как зрелый художник сочетает в себе красоту и непредсказуемость, лежащие не в плоскости внешнего эпатажа, а в тех внутренних сферах, куда заказан путь другим. Разнообразие как образов, так и хроматического воплощения, пластического решения пространства, велико. Мастер умеет соотносить стиль, энергию и мысль, все приводит к одному знаменателю – творческому воплощению.

На мой взгляд, от картины к картине Халима движется по вектору развития, который она знает и чувствует одновременно. Перетекание интуитивного мировосприятия, неких подсознательных предощущений и реальных форм, закономерностей, которые уже неважны, но существуют в объек-

*Халима Атаби.
МЕЛОДИИ СТАРИНЫ. (70 x 60)*

тивном пространстве развития духа. На этом Пути важно, очень важно не споткнуться о подсказки «лукавого», быть честной по отношению к Космосу, себе, своему мастерству. Потому для Халимы очень значимо философское обоснование того, что она хочет сказать миру, ровно настолько, насколько можно не попасть в область формальных поисков.

Занятие поисками новых форм вне энергетической наполненности и философского мировоззрения для художника неинтересно, схоластично, безжизненно. Но при этом энергия как сущность, меняющаяся в бесконечном времени и пространстве, также не является предметом особой заботы. Она существует как некая данность, которую надо «приручать», соразмерять, выражать.

Сознательно художник «отсеивает» ту энергию, которая несет в себе разрушение, негатив, темная энергия не может транслироваться на холст только потому, что она существует. И это подкупает опрятностью отношения к Космической духовности.

«Важна гармония, которая пропущена через себя. Достичь этого состояния очень тяжело, и диссонанс является толчком к его поискам. Вчерашний опыт становится другим. Свет может стать тьмой. Тьма тоже свет, это тоже бесконечность. Для того, кто видит, это свет; для того, кто не видит, это все равно тьма. Свет, который не освещен, это тьма – пространство, куда свет еще не дошел. Тот, кто «практикует», приходит к свету», – уверена Халима. Сознательно отказываясь от тяжелых, темных эмоций, Халима приходит к декларации тепла, любви: «Иногда срываюсь к обыкновенному реализму и тогда прошу прощения у Бога».

Задачи, с которыми художник приходит в этот мир, предначертаны. Проблема только в том, насколько он ощущает и осознает эти задачи, соразмеряет их с возможностями своего мастерства. Халиме любая фактура интересна и подвластна; важно то, что она делает или не делает, ибо все это лежит в плоскости того посыла, той энергии, которую она может отдать миру, зрителю.

Призывая всех к диалогу, художник тщательно готовится к нему. «Фигуры расставлены на шахматной доске», и мастер предвкушает пиршество глубокого духовного и интеллектуального общения. Диалоги с миром, самим собой важны для любого творческого человека, но для Халимы они приобретают со временем все большую значимость. Она не может остаться в замкнутом мире самореализации, ибо для нее – как художника, так и человека, – очень важен посыл энергии, которым она хочет поделиться с миром, Космосом; она не может этого не делать, ибо к этому уготоваана. Это честно по отношению к себе и миру.

Серия работ «Материнство»... Плотная упаковка холста, тонкое ощущение тайны и красоты женского начала. Охристость и золотое свечение лежат в области солнечного сплетения. «Что» и «как» неразделимы, все это одна энергия тепла, космической любви. Одна пластическая линия, один посыл делают эту серию значимой для духовного пространства, создавая новый уровень восприятия как самим

художником, так и зрителем. Все, что должно решаться в картинах, было сделано так давно, что теперь пришло к Халиме и транслируется сквозь ее внутренний мир. И здесь обучение и исследование уже не имеют ничего общего с тем, что происходит на холсте, бумаге, с любой фактурой.

Значимость творчества и его беда в том и состоят, что это либо миссия, либо убежище. Антиномия. Все, что происходит в мире художника Халимы Атаби, находится на этой оси, но при этом приближается к «миссии», находя в ней убежище для своего предошущения света. Приближение к гармонии само решает задачу цвета – основополагающей характеристики живописного пространства. Игра в «цвет» отражает то новое состояние в поисках гармонии, которое истолковывается во времени неких вневременных истин. Цвет воссоздает конкретные аспекты энергетического поля, которые в других сферах могут называться законами развития.

Эстетическое любопытство, поиски гармонии прокладывают путь к познанию сущности энергии, психологии художника Халимы Атаби. Перед мастером каждый раз встает проблема соотношения между постигаемым и рациональным – некая разновидность «сверхрационализма» (иррационального), стремящаяся интегрировать постигаемое и рациональное, не пожертвовав ни одним из этих качеств. И решить проблему можно только в том случае, когда неустанно оттачивается чувство меры, чувство гармонии и единения с мировым Космосом. Все остальные методики постижения – не более чем холодная игра ума, что никак не может питать духовность, а значит и душу такого художника, как Халима Атаби.

Процесс тяжелого труда «переписчика иероглифов» вырабатывает в художнике тот иммунитет против метафизического примитивизма, который необходим при стремлении к истинности духовного заряда произведения. Рассматривая постулат о непрерывности между переживаемым и реальностью, Халима приходит к постижению метафизики творчества. Она поняла и забыла независимо от своего желания, сохранив только ощущение от мысли о том, что переход от одной категории к другой означает дискретность. Для достижения реальности вначале отбрасывается переживание, чтобы потом мастер умело воплотил его в объективном синтезе, очищенном от любого чувственного восприятия. В результате художник имеет энергию произведения как посыл, как вклад в мировое космическое духовное пространство, канву диалога со зрителем.

Летнее утро в ущелье... С отвесной скалы падающий камень разрезает жирный воздух, многократный звук падения и есть оркестр Природы. Гармония. И в этом есть всё – движение, вертикаль, энергия и материальность восприятия воздуха. Картина, которая не дышит, не живет своей жизнью, не интересуется Халиму на уровне внутренней сопричастности к мировой энергии, древним философским учениям

или практикам, соответствия множеству стилевых воплощений замысла, темы.

Тема Природы, натюрморты, портреты, живописные композиции... Все это и многое другое – предмет исследования и любви художника. Там, где есть ритм, дыхание, энергия, там есть предмет диалога с миром и самой собой. Изображение действительности Халима сознательно деформирует ради сугубой выразительности в передаче своего духовного феномена, энергии и пространственного воплощения. Пространство холста заполняется выверенно, грамотно, а значит профессионально; хроматические задачи не являются тем открытым звуком, который громко вещает о болях и страданиях, бурных эмоциях. Тепло и глубина выражения идеи, ощущения цвета выверяются с безупречным чувством меры.

Картина не может быть прямым слепком с Природы, внешнего мира, личных переживаний и впечатлений художника. Это не является для Халимы задачей, которую надо решать. Реализм второго порядка, или, если хотите, сюрреализм, – это когда художник пишет свои картины так, как ему дано свыше, как он видит своим внутренним оком. И в этом честность художника по отношению к своему внутреннему миру и мастерству. Что есть реальность?! Внешний мир художником превращается в многоплановые символы, значение которых недоступно непосвященному; тогда и обыкновенный цветок может стать не только предметом любования, но и поводом для глубокого духовного погружения. Халима достигает воздушности через цветовое решение, плотный мазок и ту энергию, которую отдает холсту.

Художник – это прежде всего свой мир. Если этого нет, то надо говорить о простом ремесленничестве. Но... Создать свой мир удастся далеко не каждому; в его сотворении художник принимает участие через опыт души и ума. И когда этот мир уже не может существовать только для него, тогда появляется страстное стремление к диалогу, появляются картины. Натюрморты, портреты, композиции. Материализация духовного опыта и пространства.

Ритмы... Свойство энергии к вибрации, а значит передаче – то, что является объектом духовного и профессионального исследования художника. Ритмы древних цивилизаций, духовных практик и исканий будоражат, направляют духовные искания к истинному мировосприятию. К поискам высшего смысла, универсальной энергии, света. Пространство обладает собственными ценностями, так же как звуки и запахи – цветом, а чувства – весом. Рыбы, подобно эстетам, различают светлые и темные запахи; пчелы классифицируют интенсивность света в категориях веса. Темнота для них тяжелая, а свет – легкий.

Творение художника Халимы Атаби приближается через ритмы к мифам и символам древних цивилизаций.

Борис ТЕТУЕВ,
доктор филологических наук

**«АЙРАН» АЛИМА АЛАФАЕВА –
ИСТОЧНИК МОЛОДОСТИ И МУДРОСТИ**
(о новом сборнике поэта: *Айран. Лирический дневник. –
Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т», 2011. – 244 с.)*)

Поэзия, как форма словесного искусства, многогранна, многозвучна и многоцветна. Миллионы людей ищут и находят в ней то, что соответствует их затаенным мыслям, душевным переживаниям и опыту восприятия жизни. Поэты – светлые и мудрые учителя, самые душевные и близкие друзья читателей.

В литературе Кабардино-Балкарии много ярких и талантливых имен. Их художественные произведения вызывают глубокие раздумья и радугу чувств, несказанную гордость за сопричастность к великому и вечному поэтическому слову. Таково воздействие истинного искусства, заставляющее радоваться и грустить, смеяться и плакать.

На поэтическом небосклоне Кабардино-Балкарии появилась целая плеяда поэтов, пишущих на русском языке или, как принято их называть, русскоязычные авторы: Ю. Болатов, Х. Мечиев, Дж. Кошубаев, Т. Толгуров и др. Их лирические произведения стали заметным явлением в нашей литературе, обогатив новыми мотивами и интонациями. Приятно отметить, что в этом ряду появляются новые имена, в частности Алим Алафаев, автор трёх сборников: «Учитель» (М., 2009), «Ариука» (Нальчик, 2010) и «Айран» (Нальчик, 2012).

С осени 2009 г. А. А. Алафаев живёт и работает в родном Нальчике. Вдохновлённый новыми впечатлениями на родине, он представил на суд читателей сборник стихов с оригинальным названием «Айран», о котором хотелось бы сказать несколько слов.

Автор – преподаватель КБГУ, кандидат исторических наук, профессор Академии военных наук, член Союза журналистов России и Союза писателей России. Он не только интересный поэт, но и прекрасный переводчик. Как переводчика его интересует гражданская лирика балкарских мастеров. Алим Алафаев стал лауреатом Международного конкурса переводов тюркоязычной поэзии «Ак Торна» (Уфа, 2011).

Скажу сразу, что Алим Алафаев – поэт романтического склада характера, склонный к философским размышлениям над поэтическими образами о родине, о дружбе, о любви. Его лирическая книга «Айран» удивительна и уникальна по многим параметрам. Читая её, можно увидеть величавость белоснежных гор и седобородых старцев, услышать исповедь бушующей горной реки и гордый клекот парящего в небе орла, очароваться царственной красотой поющей чинары и божественным обликом прекрасной горянки, читающей стихи о любви. В авторских стихах – неизбежная любовь к

своей Родине, боль за деградацию нравственных ценностей в обществе и вера в возрождение светлого начала в человеке.

Приятно держать в руках новенькую объемистую книгу в мягком переплете, оформленную с большим художественным вкусом. В верхней половине обложки на облачно-белом фоне проступают небесной синевой имя поэта и название книги. Нижнюю половину обложки украшает фотографическое изображение Голубого озера, в котором отражаются «небо, горы, лес» («Голубое озеро»). Эффект двойного видения предметов благодаря зеркальной водной поверхности создает философско-поэтическое настроение и наводит на мысли о символичности, параллельности и взаимосвязанности существования природы и поэзии, жизни и искусства, любви и дружбы, материи и духа. Авторский дизайн обложки по художественному замыслу, философии цвета и богатому символическому смыслу изобразительного ряда гениально прост и интересен, ибо, кроме всего, соответствует общему романтическому настроению и глубокому содержанию рецензируемого поэтического сборника.

В лирике А. Алафаева поражает, прежде всего, удивительно верное отражение собственной жизни. Без всякой натяжки можно сказать, что все написанное им – это исповедь, исповедь души, возвышенной и чистой, как снега на вершинах гор, тающие в горные потоки.

Интересно складывалась судьба поэта. В век глобализации, когда чуть ли не половина жителей периферии выехали или мечтают уехать в более благодатные края, Алим сделал свой выбор: вернулся на свою малую родину после 33 лет жизни и работы в Москве. Упоминаю об этом не случайно, ибо этот факт обусловил необычный угол зрения, определил не только мотив щемящей ностальгии поэта, но и особую свежесть, остроту видения нашего непростого времени. Это ощущение приходит с первых же строк, где он с пронзительной искренностью, остроумно, с легкой иронией представляет себя читателю. Предисловие А. Алафаева «Мозаика фактов и откровений» – это маленький литературный шедевр, отличающийся лапидарностью и легкостью изложения, завораживающий калейдоскопом ярких мыслей. Автор пишет о себе и своих учителях, любви и дружбе, добре и зле, о природе человека и назначении поэзии. В заключение даёт ключ к пониманию своего поэтического сборника, заявляя, что «Айран – источник и символ жизни!».

Лирический дневник открывается ключевым стихотворением «Айран», продолжая традицию предыдущих книг поэта. Ода национальному напитку балкарцев звучит как утоление ностальгической жажды лирического героя. Айран не просто художественный образ, он животворящий источник, дарующий радость и силу родной земли. Поэт прославляет восхитительный напиток, раскрывает его сакральное и бытовое значение в жизни горцев. Стихотворение завершается торжественной здравницей в честь айрана:

*Нектар далёких предков
Веками люди пьют,
Но жаль, поэты редко
О нём в стихах поют.*

*Трудны у горца будни,
С айраном легче жить.
Пусть он поможет людям
Смеяться и любить!..*

*Прекрасней нет лекарства
От разных бед и ран.
Да здравствует балкарский
Целительный айран!*

Лирический герой А. Алафаева тонко чувствует, понимает и любит природу, в которой живёт естественно и просто. Для поэта мир людей и мир природы един. Такова, например, картина озорного веселья реки или ночной свадьбы старого «утеса» и целомудренной «тучки», созданной рукой мастера:

*Веселясь, играет Терек
На серебряной зурне,
Оглушает песней берег,
Улыбается луне.*

*В небе тучки, как горянки,
Кружат танец, веселясь.
Горы с гордою осанкой
Наблюдают чудный пляс.*

Детство и юность поэта прошли в поселке Кашхатау, где он впитал красоту родной природы и научился понимать ее язык. В одном из ранних стихотворений «Гроза» поэт создает зримый антропологический образ явлений природы, рожденных мальчишеским воображением:

*Примчался ветер
На коне верхом,
Играет плетью –
Молнии кругом...*

*Свисает грузно
Вымя облаков,
И струйкой дружно
Льется молоко.*

Великолепная и меткая метафора – «вымя облаков»! Так мог сказать только деревенский мальчик, чье воображение опирается на ассоциации из деревенского быта, который трудно представить без кормилицы-коровы.

Следует отметить, что из всех времен года Алим Алафаев любит весну. В одном из своих солнечно-лирических стихотворении «Весной» поэт

необыкновенно свежо и ярко передает опьяняющее воздействие этого чудесного времени года:

*Над хмельной головой
Синь небес молода, глубока,
Солнца луч золотой
И белей молока облака.*

*Воздух девственно чист,
И так хочется глупой душе
Целовать каждый лист,
Как ладошки смешных малышей.*

*О как жаждется жить,
Выбегая навстречу громам,
Быть любимым, любить
И сойти не с пути, а с ума!*

Тема весны, проходящая через все творчество автора, с особым мастерством развивается в более позднем стихотворении «Майская гроза», посвященном Ф. И. Тютчеву. Эмоциональный накал стихотворения, соединившего время и пространство, создается не только адресным посвящением и перекличкой поэтических образов, но и ритмом, свежестью и смелостью восприятия весенних страстей природы:

*Люблю грозу в начале мая...
Она так девственно чиста!
Глаза горят, дождём сверкая,
И стонут томные уста...*

*И скачет Зевс над облаками,
И ржет под ним прекрасный конь.
И небо, низвергая пламень,
Вонзает в землю свой огонь!*

Пейзажным зарисовкам присуща психологическая иносказательность, метафорические уподобления поражают своей неожиданностью и в то же время необычайной наглядностью и зримостью. Таковы стихи, проникнутые нежной сыновней любовью к родному краю: «Балкария», «Двуглавый Эльбрус», «Мой край» и др.

С неподдельной любовью автор посвящает проникновенные стихи классикам русской и балкарской литературы: Ф. Тютчеву, С. Есенину, К. Мечиеву, К. Отарову, К. Кулиеву, Т. Зумакуловой. В них А. Алафаев выступает как тонкий ценитель поэзии, подмечающий самобытные грани творчества собратьев по перу. Размышления на поэтические темы обладают удивительной ясностью, четкостью сформулированной мысли, характерной для человека науки.

Общительный и доброжелательный, поэт посвятил серьёзные и шуточные стихотворения своим друзьям, знакомым, близким. Его многочисленные посвящения отличаются сердечной теплотой и остроумием. В цикле адресных стихотворений поэт проявляет себя как тонкий психолог, умеющий высветить индивидуальные черты человеческой личности. Посредством пронизательных наблюдений, метко схваченных отдельных штрихов характера, он создает портрет не только современника, но и своего времени: «Письмо к солдату», «Друг», «Листопад», «В краю отцов», «Осень», «Моцарт и Сальери», «Джюльбарс», «Дружба». Особенно удаются автору стихи-посвящения патриотического и гражданского звучания: «Осенний тост», «Учитель», «Пророк», «Песня о Кабардино-Балкарии», «Сыновья Эльбруса», «Бунтующие горы», «Застольные беседы» и мн. др.

Познав горечь потерь родных и близких, Алим Алафаев свято чтит их память: отца («Отец»), братьев («На кладбище в Кашхатау»), учителя («Мамонт»). С необыкновенной нежностью и теплотой он относится к своей седой и многодетной матери («Письмо к матери», «Песня о матери») и любимой старшей сестре («Молочная сестра»). Эти стихи, вырвавшиеся из глубин благодарного сердца, проникнуты суровым драматизмом и светлым поэтическим чувством:

*Молюсь и плачу, стоя на коленях,
Прошу творца продлить остаток дней
Любимой, самой лучшей во Вселенной...
Я благодарен матери моей.*

*Весною дарят, улыбаясь, дети
Подснежники, что всех цветов нежней,
Любимым и единственным на свете...
Пою о них и матери своей! («Песня о матери»)*

Родниковая, мудрая и нежная поэзия А. Алафаева действует как удивительный бальзам, исцеляющий от душевных переживаний, разочарований и сомнений. Она вселяет в сердце любовь, терпение и веру.

Поэт обладает редким даром – тонким чувством юмора. Он создал интересные лирические миниатюры и посвящения, представленные в большом разделе «И в шутку, и всерьез». Порой безобидный юмор переходит в сатирическое изображение незадачливого персонажа, чьи черты характера подмечаются в эпиграммах и посвящениях довольно остроумно и колко, но достаточно щадяще и деликатно («Золовки», «Поэт-формалист», «Старый петух», «Друзьям» и др.). Например:

*Я гляжу с улыбкой
На большой разрез:
Хороша ты в юбке!
Хороша и без... («Разрез»)*

Или:

*Когда любовный пыл потух,
То стал философом петух
Подруг не топчет красоту,
Поёт, мечтая: эту, ту... («Старый петух»)*

А вот ещё (о завистливых друзьях):

*О, друзья, шагающие рядом,
Для меня вы – счастье наяву,
Разделяйте, коль не трудно, радость,
Горе я и сам переживу... («Друзьям»)*

Поэт, к его чести, не лишён и самоиронии:

*Люблю беседы я застольные,
Когда за водочкой вдвоём
С тобой – о счастье! – малосольные,
Хрустя, огурчики жуём...*

*Когда доходим до кондиции,
Пьём стоя за прекрасных дам...
Боясь бандитов и милицию,
Идём тихонько по домам. («Застольные беседы»).*

Одна из самых сильных и ярких сторон творчества Алима Алафаева – это его любовная лирика. Душевные откровения влюбленного поэта пленяют радугой переживаний и неподдельной искренностью, пробуждая в сердце вулкан страстей и ливень весенних чувств: «Кабардинка», «Ариука», «Горянки», «Песня о горянке», «Дорога любви» и др.

В ранних стихах поэта доминируют мотивы грусти, разлуки, тоски («Первая любовь», «Листопад», «Голубое озеро»). Его зрелая поэзия наполняется радужным ожиданием любви, предчувствием долгожданной встречи и сердечным трепетом сбывшейся мечты («В лучах и звуках», «Лесная царевна», «Подарок»). Он, радостный и счастливый, поет о своей Прекрасной Даме, встреча с которой стала для него поворотным событием и бесценным подарком в судьбе и жизни. Хмельное от счастья сердце жаждет «познать и миг, и вечность» («Песня о невесте», «Подарок», «Благодарю»). Лирика любовного томления сменяется жизнерадостными и жизнеутверждающими настроениями.

Поэт утверждает, что истина кроется в любви. Эту истину он открывает в духовной красоте женщины-горянки («Истина», «Женщины и мужчины», «Таинство любви», «Горянки», «Дорога любви», «Песня о горянке», «Зеленый май», «Строка поэта»). Воспеваемой возлюбленной горянке поэт дает звучное и говорящее имя – Ариука, что означает – Красавица. Она – источник высокого вдохновения, весенней страсти и юношеского восхищения:

*Ариука, чей стан стройней чинары,
И луной, и солнцем рождена!
Расточает чародейка чары
И поет, как звонкая зурна.*

Несравненная горянка Ариука очаровательней всех женщин во времени и пространстве, с жаром утверждает поэт. Он, окрылённый своей любовью, клекоча, как орёл, вступает в творческий спор с великими предшественниками, писавшими о любви. Трудно отказать в искренности и смелости балкарскому поэту. Он и сам, вознося горянку на высокий пьедестал заоблачных вершин, восклицает в стихотворении «Горянки»: «Чтоб обладать такой орлицей, / Мужчине надо быть орлом!», «Чтоб обладать такой царицей, / Мужчине надо быть царем!». Лирический герой не сомневается, что достоин руки горянки, а пылающая в сердце любовь поможет ему стать и «орлом», и «царем». В «Песне о горянке» влюбленный поэт создает возвышенный и поэтический женский образ,

*Косы льются, словно водопады,
А улыбка ландышем горит.
Тают горы под янтарным взглядом,
Что нежнее утренней зари.*

Необыкновенная физическая и духовная красота образованной горянки очаровывает и пленяет не только земных людей, но и божественную природу:

*Замирает время облаками,
Затихает вечный шум реки,
Бог орлом парит под небесами,
Наслаждаясь чудными стихами,
Что звучат из сердца Ариуки!*

Соперничая с великими предшественниками, мастер художественного слова, как истинный сын гор, обращается за помощью к седовласому двуглавному великану Эльбрусу: «Дай, Эльбрус, священный жар таланта, / Чтоб воспеть горянку на века!»

Лирическому герою, находящему смысл жизни в любви, а источник неземного счастья в улыбке возлюбленной, сама природа в «Строке поэта» спешит на помощь:

*Всех наград земных дороже
Сердце нежной Ариуки...
Шлет Эльбрус мне, став моложе,
Две чудесные строки!*

Влюблённый поэт, воспевая прекрасную горянку, шагает вместе с ней счастливой «Дорогой любви»:

*Открыт нам Млечный путь судьбою,
И мы идем – в руке рука.
А звезды шепчут меж собою
Земное имя: Ариука!*

Таких звёздных строчек о чудесном шествии высокой любви по радуге Млечного пути немало в поэзии А. Алафаева. Удивительно, что автор, словно предугадывая свою судьбу и поэтический дар, в одном из ранних стихотворений «Мой путь» признается в своей потаенной мечте: «Воспеть любовь на звездном вече / И встать на вечный Млечный путь!».

Историк, журналист и поэт А. Алафаев, обладая энциклопедическими знаниями в различных отраслях, смело и ясно выраженной жизненной позицией, создает цикл гражданских стихов, поражающих остротой политической мысли и афористичностью ее выражения («Новые русские», «Учитель», «Пророк», «Застольные беседы», «В конце уходящего света», «Монолог Заратустры» и др.). Может быть, эти стихи покажутся читателю излишне дидактичными, публицистичными, но в них с такой неподдельностью звучат боль и надежда, скорбь и гнев нашего современника, поэта и гражданина, человека совестливого и думающего о настоящем и будущем страны, что вопрос о поэтических достоинствах отступает на задний план.

Итак, судьба поэта состоялась, а высокая мечта детства, о которой он поведал в самом начале поэтического пути, счастливо сбылась. Такое в жизни и поэзии случается не часто! Поэтому в стихотворении «Мужчины и женщины» автор, благодарный своей судьбе и любви, радостно и гордо признается всему миру: «Я пою одну из лучших женщин, / Что поэтом сделала меня!». Действительно: любовь – источник поэзии, таланта и счастья.

Поэтическая философия любви просветляет, вдохновляет и окрыляет душу. Не являясь алхимиком, поэт создал, образно говоря, волшебный напиток «Айран», который смело можно назвать эликсиром молодости и мудрости. Не верите? Попробуйте сами, хотя бы несколько «глотков»! Строчки стихов, как солнечные весенние лучи, заряжают теплым и оптимистичным настроением, возвращают в высокий мир философско-поэтических переживаний. Они заставляют глубже задуматься над вечными вопросами быстротекущего бытия, противоречивостью и несовершенством природы человека, острыми проблемами и трагическими коллизиями современности, включая её поэтические и политические аспекты.

В заключение хотелось бы сказать, что мои добрые слова о рецензируемой лирической книге являются данью глубокой благодарности автору, чьи стихи дарят минуты истинного наслаждения, опьяняя, как шипящий балкарский напиток. Высокие литературно-художественные и философско-эстетические достоинства сборника «Айран» действительно помогут утолить духовную и поэтическую жажду взыскательного читателя.

*Маржан МАКОЕВА,
Мадина АПШЕВА*

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НА ЖИВОМ ПРИМЕРЕ

Успешная деятельность любого предприятия, любой организации во многом зависит от того, кто управляет ими. При этом задачи подготовки управленцев решаются сегодня в единичных вузах. Хотя потребность в кадрах растет с каждым днем.

В советские времена управленцы разных уровней проходили школу практической подготовки в различных общественно-политических организациях. В настоящее время реализуются программы по обучению управленческих кадров за рубежом. К примеру, программа главы КБР, направленная на подготовку управленческого кадрового резерва.

Реализация этой программы обходится недешево для республики, да и основной критерий отбора кандидатов – знание английского языка – не может являться условием, определяющим дальнейшую их успешность в управленческой сфере. Понятно, что более значимых критериев немало.

Трудно сегодня, в условиях экономического кризиса, говорить о том, что требуются вузы с соответствующей кадровой базой для подготовки управленцев, но можно же воспользоваться и другими реальными возможностями, не менее результативными. Имеются в виду если не мастер-классы, которые могут быть продемонстрированы управленцами высокой общей и управленческой культуры, то хотя бы знакомство с опытом их работы.

Среди референтных управленцев, работающих в Кабардино-Балкарии, можно найти и попытаться описать систему работы не одного руководителя. К примеру, это известный не только в республике, но и далеко за ее пределами опытный руководитель с концептуальным видением решения сложных вопросов, проблем, возникающих в процессе управления, доктор философских и технических наук Феликс Ахмедович Хараев. Его богатый управленческий опыт, основанный на данных мировой науки и передовой практики, может оказаться значительно ценнее, полезнее обучения в любых английских, американских и российских вузах.

Конечно, можно назвать еще не одну фамилию успешного современного управленца республики, но думается, что описание хотя бы одного опыта может носить более конкретный и целостный характер в качестве примера для тех, кто хотел бы видеть некие образцы в плане культуры управления. Мы бы хотели остановиться на методах работы ректора Нальчикского филиала Современной Гуманитарной Академии Али Хакимовича Атабиева. Может быть, это даже не описание опыта, а скорее изложение профессиональных, личностно-характерологических особенностей, которые способствуют тому, что НФ СГА относится к числу

лучших филиалов Академии. А коллектив, возглавляемый Атабиевым, можно назвать работоспособной командой, двигающейся по направлению вектора, определяемого руководителем совместно с сотрудниками.

Как ученый в области социологии управления Али Хакимович считает, что современные условия хозяйствования требуют развития управленческой культуры. Это один из значимых факторов повышения конкурентоспособности, эффективности производства и управления любой организацией, в особенности образовательной. Нельзя, осуществляя руководящую деятельность, обойтись без соблюдения базовых норм культуры управленческого труда, к каковым относятся юридические, моральные, личностные, организационные, экономические нормы.

Говоря о руководителе Нальчикского филиала СГА, многочисленные сотрудники акцентируют внимание на его умении своевременно отвечать на бесконечные «внешние вызовы» в условиях изменяющегося мира. А его навыки стратегического проектирования, системного моделирования протекающих в вузе процессов, организации эффективных межличностных и профессиональных коммуникаций обеспечивают целенаправленность и общие положительные результаты коллектива. Он должным образом организует совместную деятельность, зная и глубоко понимая не только сущность происходящих перемен в мире, стране, республике, но и учитывая индивидуальный, интеллектуальный, организационный и психологический потенциал каждого сотрудника.

Свойственные Атабиеву объективность и дальновидность способствуют развитию вуза, помогают выделять в потоке огромной информации достоверные факты, отличать действительное от кажущегося, а истинное от надуманного. Творчески подходить к профессиональной деятельности помогают накопленный опыт и знания, а также предприимчивость и последовательность. А такие качества, как гибкость и мобильность ректора, позволяют переносить накопленный опыт на инновационные сферы деятельности, каковых сейчас немало, с учетом особенностей рынка образовательных услуг.

Следует особо подчеркнуть, что все свои знания, умения и богатый опыт взаимодействия с людьми Али Хакимович использует в сфере подбора кадров, кадрового резерва. Он считает, что успешность работы коллектива, в основе своей, определяется кадрами.

Приведем пример. На вакантную должность преподавателя специалиста-психологи предложили кандидатуру человека, на их взгляд, подходящего. Однако ректор указал на ряд качеств, которые не могут способствовать тому, чтобы кандидат состоялся как хороший преподаватель. Психологи продолжали настаивать на своем. Тогда руководитель, решив эмпирически доказать свою правоту, принял рекомендуемого на работу, сопроводив это решение словами: «Как бы ни пришлось вам пожалеть об этом». Не прошло и полугода, как все предсказанные опасения нашли свое абсолютное подтверждение.

Формальный и неформальный лидер в одном лице, Али Хакимович не устает повторять, что не нужно с ним соглашаться по всем высказываемым позициям. В случае постоянного соглашательства, если и бывает успех,

то он носит кратковременный характер. Нужны инакомыслие и творческий подход во всем. Если их нет, то работнику, а особенно управленцу, трудно пребывать в тонусе. Для того чтобы коллектив был жизнеспособным, нужны разные люди – как, например, в строительном деле, чтобы стена была крепкая, недостаточно выложить ее из хороших камней, для сцепления требуются и щебенка, и песок, и цемент. Коллектив, состоящий только из гениев, нежизнеспособен. В сложившемся коллективе уже можно предоставлять сотрудникам необходимую для творчества свободу. Несвободный человек не способен творить. Контроль должен быть, но он может носить ненавязчивый характер.

Высокий уровень управленческой культуры ректора НФ СГА сказывается на формировании благоприятного морально-психологического климата в коллективе. Помимо того, что в филиале выстроен и активно функционирует современный спортивный зал, ректор лично участвует в организации и проведении множества корпоративных мероприятий. Все это сплачивает людей.

Кто хотя бы раз присутствовал на этих мероприятиях, где царит атмосфера дружелюбия, насыщенная тонким чувством юмора, вниманием и доброжелательностью, тот имел возможность убедиться в том, что коллектив напоминает единую семью, где каждый готов прийти на помощь друг другу. А песни, исполняемые под гитару самим Али Хакимовичем, находят широкий круг поклонников еще и такого вида его творчества. То же самое относится к танцам. Кстати будет сказано, что на конкурсе военно-патриотической песни, проведенном Министерством культуры КБР, номер, исполненный под собственный гитарный аккомпанемент ректором НФ СГА, вызвал бурные эмоции одобрения. Поистине тот, кто умеет работать, умеет и отдыхать!

Трудно назвать важные события (горе и радость) в жизни сотрудников коллектива, которые остались бы без должного внимания со стороны руководства. Безупречное же умение ректора выделять основное, отсекая детали, вскрывать причины недостатков, рационально решая профессиональные задачи, не бояться эмоционального сопровождения в выстраивании отношений с коллегами (ведь ничто великое не совершалось, согласно высказыванию Гегеля, без эмоций, без страсти) являются еще одним основанием считать его истинным лидером.

Все вышеизложенное позволяет говорить о высокой общей и управленческой культуре Али Хакимовича Атабиева и может служить примером наглядной референтной личности управленца не только для руководителей, но и для тех, кто в будущем видит себя в этом статусе.

Анатолий СЫТНИК

СЕДАЯ БЕРЁЗА

Седая береза – волшебный наряд:
Снежинки на ветвях искрятся-горят.
Береза, поведай нам думы зимой,
Под инеем, снегом ты стала седой.

Мечтает береза о вешних всех днях,
Когда оживала природа в лучах:
И почки раскрылись на ветвях весной,
А клейкие листья с приветной красотой.

Раскинулась крона зеленой листвою,
Под ветром береза казалось живой...
Дарила поэту забавные сны,
Влюбленных манила листвою весны.

Гремели над кроной весенние грозы,
Шумела листвою душа у березы...
В жару простирала прохладную тень,
А летом дарила душистую сень.

Серёжки украсили ветви березы,
А запахи лета приносят ей грезы...
Рисует погода с чудесной порой
Осенний наряд с пожелтевшей листвою.

Береза, поведай нам думы зимой,
Под инеем, снегом ты стала седой.
Седая береза – волшебный наряд:
Снежинки на ветвях искрятся – горят...

Припев:

Ты помнишь весенние теплые дни:
И солнце в зените, и вешние сны?!
Кудрявые ветви ласкал ветерок...
Морозные зимы для жизни урок...

Марита ЖИЛЯСОВА

ЧИСТОТА ДУШИ

Взаимосвязь времён и поколений, сплетение судеб человеческих и исторических событий, – всё это широко отразилось в книге Раисы Афауновой «Свет далёких звёзд», которая недавно вышла в Нальчике, в государственном книжном издательстве «Эльбрус».

Имя Раисы Туловны широко известно не только в Кабардино-Балкарии, но и за её пределами. Являясь популярным журналистом на национальном радио, Афаунова более 45-ти лет отдала делу служения людям. Её цикловые передачи «1эдиоух» и «Очаг», направленные на сохранение культуры, традиций и самобытности кабардинского народа, укрепление семейных ценностей, снискали уважение в разных слоях общества и имели большой резонанс в широком кругу радиослушателей. Человек большой души и чистого сердца, Афаунова своим глубоким и насыщенным голосом словно завораживала своих слушателей. Она готовила материалы не только для местных СМИ – её передачи часто звучали и на Всероссийском радио. За такую плодотворную работу ей было присвоено высокое звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации», она не раз поощрялась почетными грамотами и различными премиями.

«Свет далёких звёзд» – книга, призванная способствовать тому, чтобы в благодарной памяти потомков остались имена людей, отдавших свои жизни за мир, и тех, кому было свыше суждено увидеть светлый день Великой Победы. В своей книге Раиса Афаунова собрала материалы, которые в разные годы готовила для республиканского и общероссийского радио. В своих статьях, очерках и зарисовках Раиса Туловна рассказывает о людях, на чью долю выпала горечь испытаний военного и послевоенного времени. Есть среди них и Герои Советского Союза, как братья Кардановы – Кубати и Кабард, есть и простые бойцы Красной Армии или тыловики, которые тоже внесли свою лепту в дело Победы.

Очерки Афауновой – это жизнь и помыслы человека, его судьба, иногда счастливая, а порой и горькая. Но это всё же жизнь, которая хоть раз, да загорается ярким светом звезды. «Посмотрите, как издалека светит вам его звезда, – пишет журналистка в одном из своих очерков. – Не потеряйте её... Она ещё долго послужит вам добрым ориентиром во многих трудных жизненных ситуациях...»

В номере:

Памятные даты	2
<i>Танзиля Зумакулова. Стихи</i>	3
<i>Заур Канкулов. Затерявшийся в городе. Главы из повести</i>	4
Наши юбиляры. <i>Шаваев Хасан Исмаилович.</i>	26
<i>Хасан Шаваев. Последний день недели. Главы из повести</i>	32
<i>Алла Скорых. Поэт – он с небом обручен. Очерк</i>	43
<i>Светлана Моттаева. Стихи</i>	50
<i>Александр Пряжников. Строка полна любовью. Очерк</i>	60
<i>Анатолий Парпара. Заметки. Читая Пушкина</i>	64
<i>Иван Тертычный. Шалаяй-валаяй. Черная бабочка с белой оторочкой.</i>	
<i>Рассказы</i>	77
<i>Светлана Замлелова. Сумасшедший. Рассказ</i>	86
<i>Анатолий Бицуев. Стихи</i>	93
<i>Татьяна Подыман. Стихи</i>	99
<i>Борис Кагермазов. Миниатюры</i>	102
<i>Борис Чипчиков. Осень. Две коровы. Листопад. Рассказ</i>	103
<i>Борис Кудаев. Три женщины и один город. Рассказ</i>	114
<i>Игорь Терехов. Пропущенные дожди. Арабески и фантазии</i>	118
<i>Любовь Болестева. Голубиные годы. Рассказ</i>	125
Балкарский Государственный драматический театр им. К. Кулиева	132
<i>Альберт Дышеков. Стихи</i>	137
<i>Григорий Дуда. Стихи</i>	139
<i>Людмила Абидокова. Верен клятве Гиппократы. Очерк</i>	140
<i>Мария Виндижева. Путеводная звезда артистки. Очерк</i>	142
<i>Геннадий Коммодов. Достойный своего рода. Очерк</i>	143
<i>Задин Маремов. Полвека по одной тропинке. Очерк</i>	150
<i>Андрей Хакушиев. Неизвестные произведения К. Сижажева, переведенные на русский язык. Статья.</i>	153
<i>Алим Фиапшев. Талантливый ученый и педагог. Очерк</i>	161
<i>Альбек Абазов. У истоков национальной драматургии: либретто «Джабаги Казанок» Т. Шеретлокова. Статья</i>	164
<i>Салих Эфендиев. Вспоминая Жанакаита Залиханова. Очерк</i>	167
<i>Хаджи-Мурат Сабанчиев. Избавление. Статья</i>	170
<i>Людмила Маремкулова. Тьма – это пространство, куда не дошел свет</i>	
<i>Статья</i>	173
<i>Борис Тетуев. «Айран» Алима Алафаева – источник молодости и мудрости. Статья</i>	178
<i>Маржан Макоева, Мадина Апишева. Управленческая культура на живом примере. Статья</i>	186
<i>Анатолий Сытник. Седая береза. Стихи</i>	189
<i>Марита Жиласова. Чистота души. Книжные новинки</i>	190

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации
Управление Роскомнадзора по КБР
ПИ № ТУ 07-00037 от 12.10.11 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка: Л. М. Батитова

Подписано в печать 29.01.13. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,5.

Тираж 2000 экз. Заказ № 11. Свободная цена

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 47-74-02,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано ООО «Тетраграф».
КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Материалы для журнала принимаются на электронных носителях.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).

Авторы, не имеющие возможность или не желающие по каким-либо причинам получить авторское вознаграждение, должны прислать письменное, или в электронном варианте, заявление об отказе, со своей подписью и датой.